

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцією Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ I

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. И. Мещерского. Спасская ул., № 27
1898

Оглавлениe.

СТРАН.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Сольвычегодский крестьянинъ, его обстановка, жизнь и дѣятельность. <i>Н. Иваницкаго</i>	3 — 74
2. О Сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ. <i>С. В. Максимова</i>	75 — 79

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Марицельская крестьянская свадьба. (Бытовой очеркъ). <i>М. Успенскаго</i>	80 — 104
2. Нѣсколько параллелей Финскихъ сказокъ съ Русскими и прочими Славянскими. <i>А. Аарне</i>	105 — 110
3. Галицко-русскій авгурій XVIII-го вѣка. <i>Ю. Яворскаго</i> . .	111

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Теогонія Гезіода и Прометей. (Разборъ сказаний). Георгія Владѣтова. <i>Д. Кудрявскаго</i>	112 — 116
--	-----------

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцією Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ I

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія кнзя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1898

Печатано по распоряжению Совета Императорского Русского Географического Общества

Сольвычегодский крестьянинъ, его обстановка, жизнь и дѣятельность.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящій очеркъ можетъ служить дополненіемъ къ труду моему „Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи“, напечатанному въ „Ізвѣстіяхъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи“ въ 1890 г. Въ предисловіи къ названному труду я высказалъ, что собранныя мною свѣдѣнія относятся главнымъ образомъ къ уѣзdamъ Кадниковскому и Вологодскому, какъ болѣе мнѣ знакомымъ и близкимъ. Сольвычегодского уѣзда, именно той окраины его, которая прилегаетъ къ р. Двинѣ, я касался лишь слегка, насколько окраина эта была мнѣ знакома по короткимъ посѣщеніямъ во время поѣздокъ въ Архангельскъ и по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, какія попадались мнѣ въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

Я зналъ, что жизнь сольвычегодчанъ отличается многими интересными особенностями и теперь, когда случай свелъ меня съ престолью крестьяниномъ Сольвычегодского уѣзда, мѣстожительство котораго Метлинская волость, расположенная на низменности, гдѣ сливаются двѣ большихъ рѣки—Двина и Вычегда, родина котораго деревня Марково, стоящая всего въ десяти верстахъ отъ Котласа—конечнаго пункта строящейся Пермь-Котласской желѣзной дороги, я сталъ записывать отъ него свѣдѣнія, касающіяся жизни, обстановки и дѣятельности мѣстнаго населенія.

Развивающееся съ каждымъ годомъ судоходство по Двинѣ и Вычегдѣ, проведеніе Вологодско-Архангельской желѣзной дороги, а въ особенности Пермь-Котласской, стали уже замѣтно вліять на нравы и образъ жизни крестьянъ, населяющихъ берега Двины и ее притоковъ. Поэтому мнѣ кажется, записи, подобныя той, какую я теперь представляю вниманію читателя, интересующагося народной жизнью, не только нужны, но и очень важны, потому что недалеко то время, когда многое, что мною теперь записано, явится не такимъ, какимъ оно есть, а иное и совсѣмъ исчезнетъ подъ наплывомъ новыхъ условій жизни.

Очеркъ мой не можетъ притязать на совершенную полноту, потому что все мною записанное, рассказывалъ мнѣ одинъ человѣкъ; но за то все,

что разсказано и записано, заслуживает полного довѣрія, такъ какъ рассказчикъ самъ хозяинъ и строитель и семейный человѣкъ, рыболовъ и охотникъ. Въ отношеніи хозяйства и вообще практической жизни полнота очерка мнѣ кажется достаточною, пробѣль же представляютъ вѣрованія, суевѣрія и сопряженные съ послѣдними обряды. Въ этомъ отношеніи всѣ мои вопросы, обращавшіеся къ рассказчику, за немногими исключеніями, не привели ни къ чему.

— „Я такъ думалъ, что все это бабы запуки“ (т. е. вздоръ), или: „объ этомъ надо старухъ спрашивать“ — вотъ были отвѣты на мои вопросы изъ области суевѣрій и демонологии. Впрочемъ, область эта, мнѣ кажется, достаточно полно выяснена въ прежнемъ трудѣ моемъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ настоящаго предисловія.

I.

Общій обзоръ.

Деревня Марково (или, по мѣстному названію, Дресвенецъ), Метлинской волости, Сольвычегодского уѣзда, Вологодской губерніи, лежитъ подъ $61^{\circ} 1/4'$ с. ш. и 16° вост. долготы (оть Пулкова). Она занимаетъ мѣсто недалеко отъ центра низменнаго, заливаемаго весеннею водою острова, около 10 верстъ длиною и 6 шириной, омываемаго съ запада р. Сѣверной Двиною, а съ юга, востока и сѣвера протокомъ той же Двины, называемымъ Курьемъ. Нѣсколько верстъ южнѣе, т. е. выше по течению Двины, въ послѣднюю съ востока вли- вается Вычегда, отдѣляя отъ себя непирокой протокъ и образуя, такимъ образомъ, островъ, называемый Толубенскимъ (оть деревни Толубьева, лежащей на этомъ островѣ). Два упомянутыхъ большихъ острова и полуостровъ между ними, образуемый съ одной стороны Курьемъ, съ другой Двиной и съ третьей протокомъ Вычегды, представляютъ обширную низменность съ песчаною почвой, заливаемую въ весеннею время водами Двины и Вычегды, такъ что почта, идущая во время половодья изъ Устюга въ Сольвычегодскъ и прибывшая въ Ускорье, деревню, расположеннную на лѣвомъ высокомъ берегу Двины, про- возится 9 верстъ на карбасахъ до дер. Кузнецова, куда весенняя воды уже не достигаютъ. Мысъ, образуемый лѣвымъ берегомъ Вычегды и правымъ Двины, составляетъ продолженіе той же низменности, но не столь широкой.

Въ $1/2$ вер. отъ Двины и въ 1 вер. отъ Вычегды берегъ поднимается террасой, и на краю этой террасы расположена деревня Кѣтласъ (по мѣстному названію Кѣдласъ), имѣющая въ близкому будущемъ обратиться въ городъ, такъ какъ близъ самой этой деревни строится теперъ вокзалъ Пермь-Котласской желѣзной дороги. Лѣвый берегъ Двины противъ Котласскаго мыса тоже представляетъ низменное мѣсто, такъ что деревня Вондокурье, лежащая здѣсь,

заливается водою, но близъ Ускорья терраса лѣваго Двинскаго берега подходить къ рѣкѣ и самое Ускорье (сокращенное изъ Усть-Курья) стоять уже на горѣ; далѣе къ сѣверу этотъ берегъ Двины не представляеть заливныхъ луговъ на довольно далекомъ протяженіи.

Пространство между лѣвымъ берегомъ Двины и высокой террасой праваго берега, на которой расположились деревни Грѣгорово, Загорка, Семидѣхъ, Гриза, Мостова, Кузнецово и Пѣршино, ежегодно заливается водою, такъ что деревни Марково, Кругецъ, Грихнево, Толубьево и Падзеро страдаютъ отъ наводненія. Вода уносить амбары и другія служебныя постройки, скотъ приходится поднимать изъ стай на повѣти; бываютъ годы, что вода заходить въ печи и оставляетъ за собою повсюду толстый слой илу. Но этотъ самый иль, отлагаемый на лугахъ, принадлежащихъ всѣмъ перечисленнымъ мною деревнямъ, и даетъ роскошные урожаи сѣна и хлѣба, даетъ возможность имѣть хорошій скотъ и лошадей. Крестьяне могли бы существовать безбѣдно на этихъ лугахъ, если бы только не ощущалось недостатка въ землѣ.

„Плодородіе этихъ луговъ, говоритъ докторъ Снитковъ¹⁾), зависитъ вполнѣ отъ рѣчныхъ заносовъ, такъ что въ общемъ можно сказать, что травы тѣмъ лучше, чѣмъ выше и дольше на данномъ лугѣ стоять весенний разливъ и чѣмъ болѣе, слѣдовательно, садится осадковъ. Только изрѣдка такие луга, удаленные отъ рѣки, являются менѣе плодородными. Это объясняется опять таки тѣмъ, что на эти дальние луга воды рѣки приносатъ только сравнительно мало осадковъ, оставляя ихъ рапѣ на лугахъ и въ кустахъ, лежащихъ ближе къ рѣкѣ. Слои весеннихъ осадковъ бываютъ такъ толсты, что нужно двѣ или три недѣли на спаденіе воды, чтобы показались ростки травъ, корни которыхъ глубоко занесены наносомъ, а на голыхъ пескахъ иногда въ одну весну нааются слои толщиною въ цѣлый аршинъ и болѣе“.

„Густота травъ на этихъ лугахъ измѣнича, но большему частью кажется очень значительной, между тѣмъ, на склоненныхъ мѣстахъ трава оказывается растущей довольно рѣдко. Это кажущееся противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что густота травы на этихъ лугахъ зависитъ не столько отъ густого произрастанія этихъ травъ, сколько отъ роскошнаго развитія отдельныхъ экземпляровъ“.

„Мѣстами ходить по этимъ лугамъ можно только съ значительнымъ усиленіемъ, такъ много даетъ себѣ чувствовать густота травъ, особенно въ мѣстахъ, сплошь заросшихъ клеверомъ, горошками, чиной и астрагаломъ, стебли которыхъ, перепутываясь между собою, связываютъ ноги пѣшеходу“.

Лѣсъ въ описываемой мною низменности совершенно отсутствуетъ; онъ начинается въ верстахъ 4 къ востоку отъ Маркова, но тутъ идеть уже

¹⁾ „Ботаническое изслѣдованіе заливныхъ луговъ въ долинахъ Сѣв. Двины и Вычегды“. Вологда. 1889 г.

сплошною зарослью. Преобладающей породою въ немъ является сосна, за нею идетъ ель; пихта попадается рѣдко; за елью лиственница (по здѣшнему лѣсвенѣ) и можжевельникъ (верескъ); кедръ, какъ известно, не растетъ дико до Тиманскаго хребта, но, будучи посаженъ, образуетъ цѣлыхъ рощи; такъ и здѣсь отдельные деревья растуть прекрасно и приносятъ плоды.

Изъ лиственныхъ породъ преобладающей является береза; за нею сlijдутъ осина и ольха (двухъ сортовъ), рябина, черемуха, ява древесная, липа и вязъ въ лѣсахъ и на лугахъ и, наконецъ, осокорь, выростающій огромными деревьями на заливныхъ островахъ Двины и Вычегды¹). Осокорь произрастаетъ настолько обильно, что древесина его идетъ на теплицы въ овины и употребляется охотно потому именно, что при горѣніи не даетъ искръ. Изъ этой же древесины выдѣлываются и „наплавки“ къ неводамъ.

Кустарные породы тоже довольно разнообразны въ описываемой мною мѣстности. Здѣсь произрастаютъ: калина, жимолость двухъ видовъ, таволожникъ (*Spiraea*), росинникъ (*Cotoneaster*), шиповникъ двухъ видовъ, смородина красная и черная, малина и крушина, не говоря уже о мелкихъ сортахъ кустарныхъ ивъ, изъ которыхъ иные имѣютъ въ народномъ хозяйствѣ большое значеніе.

Изъ ягодныхъ травъ по берегамъ Двины и Вычегды произрастаютъ брусника, черника, голубика, паденица, морошка и отчасти ежевика.

Садиковъ при домахъ нигдѣ не разводятъ, въ деревни же Марковъ нѣть даже ни одного дерева. Огороды есть (они зовутся огородцами) и тутъ разводятъ капусту, картофель, лукъ, морковь, бобы, свеклу, рѣдьку и хрѣнъ. Чеснокъ не садятъ, потому что на заливныхъ лугахъ въ обилии произрастаетъ дикий чеснокъ (*Allium angulosum*), который собираютъ, толкуютъ, обливаютъ квасомъ и въ это кушанье „мачутъ кусокъ“, т. е. обмакиваютъ черный хлѣбъ и їдятъ.

Петрушку, укропъ и т. п. никогда не сѣютъ, тыквъ и огурцовъ не разводятъ. Иноzemные плоды, напр. лимоны, не только не въ употреблениіи, но многіе о нихъ и не знаютъ, кроме тѣхъ, которые бывали въ Вологдѣ и Архангельскѣ. По этому поводу разсказчикъ привѣтъ довольно курьезный фактъ. Одинъ изъ его односельчанъ, пріѣхавшій въ первый разъ въ Архангельскъ и зайдя въ трактиръ, спросилъ себѣ чаю съ лимономъ, о которомъ

¹⁾ Я подчеркиваю это название, такъ какъ ботаники проводили сѣверную границу осокоря (*Rorulus nigra*) на нѣсколько градусовъ южнѣе. Впервые осокорь встрѣченъ былъ мною въ низовьяхъ р. Юга, затѣмъ, я нашелъ его на Двинѣ въ Устюгскомъ уѣзда, а докторъ Снятковъ даже въ Яренскомъ по р. Выми. Но имѣются несомнѣнныя свѣдѣнія о произрастаніи осокоря въ Вологодской губ. въ давнія времена. Такъ, въ сочиненіи А. Сокина „Исторіи города Соли-Вычегодской“, изд. 1789 г., въ жизнеописаніи Иоанна Юрдинаго (стр. 143) сказано: „Вѣгаше же блаженный Иоанъ и въ другую страну вѣси, глаголемъ Пачегорской, отстоящую отъ града 15 верстъ или поприщъ, до великихъ древъ осокорей“.

онъ слыхивалъ. Возвратясь же домой, стала смыться надъ тѣми, которые находять вкусъ въ чаю съ лимономъ, причемъ даль понять, что лимонъ этотъ былъ соленый. Когда его разспросили подробнѣе, оказалось, что онъ смыпалъ два незнакомыхъ ему плода и, вмѣсто лимона, спросилъ огурца, который ему и подали. Мужикъ этотъ былъ долго общимъ посмѣшищемъ въ деревнѣ.

Въ лавкахъ покупаютъ приправы: „стручковый“, „гороспятой“ и молотый перецъ и горчицу, но болѣе ничего. Пьютъ покупной чай, но никакихъ травъ, какъ суррогатъ чая (напр., звѣробой, земляничный) не употребляютъ. Кофе настоящаго не пьютъ, а покупаютъ подъ названіемъ „кофею“ какія то сушеныя ягоды въ коробкахъ. Чай пьютъ съ сахаромъ, но въ самомъ ограниченіи количествѣ, вслѣдствіе дороговизны этого продукта; изюмомъ сахаръ не замѣняютъ, тоже потому, что эта прикуска дорога. Сахаристыя вещества, необходимыя для организма, особенно дѣтскаго, получаются пойданіемъ въ сыромъ или вареномъ видѣ многихъ дикорастущихъ местныхъ растеній; напр. зонтичныхъ *Angelica silvestris*, *Heracleum sibiricum*, а также крестоцвѣтнаго *Bunias orientalis*, хвощей (*Equisetum*), которые идутъ въ пищу въ видѣ плодоносныхъ стеблей, пестовъ „вороныхъ“ и чеепыхъ“ (послѣдніе считаются болѣе вкусными) и въ видѣ орѣшковъ (подземныхъ клубней), развивающихся на корняхъ полевого хвоща, такихъ же клубней зонтичнаго *Chaerophyllum bulbosum*, варять цветочные стебли („стобики“) щавеля (*Rumex Acetosa*), а въ особенности лакомятся повсемѣстно сосновымъ и березовымъ сокомъ, добываемымъ весною, наконецъ, ёдять кисель изъ солоду, въ которомъ развариваются ягоды калины.

Куреніе табаку, конечно, махорки, очень распространено, но въ послѣдніе годы, со вздорожданіемъ этого наркотика, иные стали переходить къ июханью. „Какъ табакъ подорожалъ, народъ сталъ отыкаться (останавливаться), другой и курить совсѣмъ ошабашиль“. Хотя июхательный табакъ дѣлается изъ той же махорки, но въ него прибавляютъ чуть не на половину высушеныхъ и смолотыхъ еловыхъ иголь и печной золы.

Деревня Марково отстоитъ отъ Двины въ 2 вер. и имѣть 34 дома; расположена она, какъ здѣсь говорится, „камницей“, т. е. дома стоять не въдвѣ линіи по дорогѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, а вразсыпную и глядѣть своими фасадами куда попало; между домами и прилегающими къ нимъ „огородцами“ дороги извиваются такъ прихотливо, что нищіе, забравшись въ деревню, не скоро находять изъ нея выходъ. Жителей въ деревнѣ 183 человѣка мужчинъ, женщинъ и дѣтей, кромѣ младенцевъ, изъ нихъ грамотныхъ 30, т. е. 16%. Грамотными я считаю, не какъ принято обыкновенно, даже такихъ, которые умѣютъ лишь подписать свою фа-

милю, но действительно читающихъ и пишущихъ, хотя, надо сказать, что въ деревнѣ Марково пишутъ и читаютъ лишь изрѣдка письма, книжъ же никто не читаетъ, такъ какъ ихъ нѣть и достать негдѣ. Ближайшая къ Маркову школа—министерская—въ 3 верстахъ, въ селѣ Григоровѣ (по мѣстному Писеница); затѣмъ, въ 10 верстахъ на Еоморицѣ—земская и въ 6 вер. на Вешкурѣ—тоже земская. По выходѣ изъ этихъ школъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки прерываютъ съ ними всякия отношенія; библіотекъ при школахъ нѣть, а если и есть, то книги изъ нихъ не выдаются для чтенія „постороннимъ“ лицамъ. Что касается духовнаго просвѣщенія народа, то здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ изумительнымъ фактомъ, что мой рассказчикъ, уроженецъ дер. Маркова, совершилъ изычникъ. О Богѣ онъ только слыхивалъ отъ родителей, объ Христѣ же никогда ни отъ кого не слышалъ ¹), Евангелія не читывалъ, едва умѣть перекреститься и не знать не только важнѣйшихъ молитвъ, но даже и той, которую произносить толстовскіе старцы: „трое васть, трое насть, помилуй насть“.

И этотъ крестьянинъ, имѣющій 28 лѣтъ отъ рода, домохозяинъ и жениатый человѣкъ, конечно, не представляетъ исключенія среди обитателей верхней Двины и устьевъ Вычегды. Между тѣмъ, если мы взглянемъ на карту, то увидимъ, что въ названномъ краю „грудно“ расположились семь приходскихъ церквей (въ Вондокурѣ, Туровцѣ, Комаринѣ, Вешкурѣ, Григоровѣ, Падзэрѣ и Котласѣ), затѣмъ, въ 27 верстахъ отъ Маркова стоять городъ древнаго благочестія Сольвычегодскъ, въ которомъ 12 церквей, и въ 70 верстахъ еще болѣе древній Устюгъ Великій, гдѣ 25 церквей и мѣстожительство архіерея. Мѣстный причтъ посѣщаетъ деревни своего прихода для того только, чтобы собрать хлѣбъ и дары о праздникахъ и, конечно, ни въ какія духовно-нравственные бесѣды со своими прихожанами не вступаетъ. „Досугъ ли ему разсказывать? а проповѣдь въ церкви читаетъ“ ²).

Медицинская помощь въ волости почти не существуетъ. Земскій врачъ живеть въ Сольвычегодскѣ и участка своего не обѣзжаетъ; фельдшеръ тамъ же, и если его вызовутъ, то является. Лечь въ больницу крестьянинъ рѣшается

¹) Не слыхалъ никогда и „Христосъ съ тобой“ и „Христа ради“ и „Христомъ побирается“ и „Христосъ воскресъ—воистину воскресъ“? Не слыхалъ ничего ни о Рождествѣ, ни о Бого诞生日, ни о Вознесеніи, ни о Воскресеніи Христовомъ, не слыхалъ духовныхъ стиховъ, распѣваемыхъ иными, не видалъ иконъ, никогда не бывалъ въ церкви, однако женатъ?—Въ этомъ此刻 показаніи нельзѧ не усумниться. Крестьянинъ, какъ видно, очень толковый, напустилъ эту дурь на себя, желая щеголнуть передъ ученымъ бариномъ своимъ позитивизмомъ (см. на стр. 4—„бабы запуки“). И ему повѣрили, значить сорвалъ не напрасно.

Ред.

²) И все это новальное осужденіе Сольвычегодскаго духовенства, безъ сомнѣнія несправедливое, какъ вся такого рода огульные осужденія, вновь убѣждаетъ настъ въ невѣрности показаній Марковскаго крестьянина и въ нѣкоторой въ этомъ случаѣ легковѣрности нашего почтеннаго автора. Самъ же онъ говоритъ, что съ Сольвычегодскимъ уѣздомъ лично онъ мало знакомъ, не имѣть значить случая и близко узнатъ тамошнее духовенство: не состоять же оно поголовно изъ дуриныхъ, недоброкачественныхъ людей.

Ред.

только въ последней крайности. Лѣчатся домашними средствами и у „момуновъ“, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется хирургическая помощь. Народъ, вообще, отличается въ тѣхъ мѣстахъ здоровьемъ, однако, лихорадки, по спадѣ водь, даютъ себя знать.

Скота въ деревниѣ крупного около сотни головъ, но скотъ не холмогорской породы. Попытки развести эту породу дѣлались не разъ, но не удавались. Впрочемъ, скотъ не дурной. Хорошая корова вѣситъ вѣдь съ, т. е. на Двинѣ, пудовъ 15 и даетъ бутылокъ 20 молока въ день, быкъ вѣситъ отъ 18 до 20 пудовъ. Масло копать и продаютъ въ города (Красноборскъ, Сольвычегодскъ, Устюгъ) отъ 14 до 19 коп. за фунтъ. Куръ держать много и яйца отдаютъ скупщикамъ по 8—9 коп. за десятокъ; другой домашней птицы никакой не держать.

Куриные яйца кладутъ въ вороны гнѣзда съ цѣлью дать воронамъ высиживать ихъ, потому что курица, „выпаренная“ вороной, бываетъ кладливѣ. Куриное яйцо „подводится“, т. е. подкрашивается подъ воронье сажей. Одно воронье яйцо изъ гнѣзда выбрасывается и кладется взамѣнъ его куриное, но только одно, иначе ворона замѣтить обманъ. Подложивши яйцо, по временамъ лазать и наблюдать, не выпустилъ ли птенецъ, чтобы тотчасъ же выпнуть его вонъ, иначе ворона убить его.

Не смотря на плодородіе почвы, неурожай случается. Земство въ такихъ случаяхъ не помогаетъ. „Не связываются съ нимъ, потому что раньше наѣкало“, т. е. брали хлѣбную ссуду въ голодные годы и до сихъ поръ не могутъ съ этой ссудой раздѣлаться.

Кабака въ деревниѣ нѣть; онъ находится въ 3 вер., у церкви, „и у каждой церкви въ волости по кабаку“.

Земская почта въ уѣздѣ существуетъ, но денежные и заказные письма, равно и посылки, можно получать только въ волостномъ правлѣніи, въ 27 вер. отъ деревни, простая же корреспонденція доставляется въ сельское общество, но и за той нужно идти 3 версты.

Изъ звѣрей въ краѣ водятся: волки, медвѣди, рыси, росомахи, куницы, лисицы, горностаи, ласки, хорьки, бурундукі, бѣлки, зайцы. Оленей и досей нѣть.

Изъ птицъ: тетерева, глухари, рябчики, утки, гуси, лебеди, журавли, гагары, голуби, чайки, воробы. Грачи въ деревниѣ и въ окрестностяхъ вовсе не селятся (потому что нѣть деревьевъ), но въ Сольвычегодскѣ они живутъ обильно. Изъ хищныхъ птицъ: коршуны, ястреба, филины, совы, сычи, вороны, вороньи, сороки. Волки и медвѣди убиваются для шкуръ (волчья шкура цѣнится въ 3 руб.), тоже и бѣлки (отъ 5 до 10 коп.). Зайцевъ бывать для шкурки и для ёды, но ёдить только заднюю часть, шкурка про-

дается по три коп. Собачьи шкуры идут на шубницы (теплые рукавицы шерстью вверхъ) и на шапки, тоже и кошачьи.

Тетеревей и глухарей ъдять жареными, но не варять, рабчиковъ варять и жарять, тоже утокъ и гусей. Лебедей не ъдять (считаются погаными), бьютъ лишь ради шкуроють, но не на продажу, а набивають изъ нихъ „чучалки“ и ставить въ избахъ „гля басы“ (для украшения). Журавлей ъдять—варять и жарять, но курь и пѣтуховъ не ъдять вовсе.

Голубей не бьютъ, это считается грѣхомъ, также и „воробышковъ“. Сорокъ бьютъ для того, чтобы достать мозгъ, который считается превосходнымъ средствомъ для смазыванія „оммороженныхъ“ частей тѣла. Съ тою же цѣлью употребляется и гусиное сало.

Къ птицамъ вообще относится сочувственно: въ клѣткахъ ихъ не держать, никогда и никогда; „птичу грѣхъ держать взаперть, въ засѣдкѣ“. Иногда держать въ избахъ голубей, но они летаютъ свободно и вылетаютъ на улицу по желанию. Утокъ—селеznей и острохвостокъ ловятъ руками и держать въ избахъ для того, чтобы потомъ съѣсть. „Хто убьетъ птичу зра, тово ругаютъ, потому что и ворона безприцѣнная птица“ (т. е. ни въ чемъ не повинна).

Утиные яйца ъдять вареными; найти утиное гнѣздо очень трудно, но иные утки вьютъ себѣ гнѣзда въ „полунѣтрыхъ“ соснахъ довольно высоко отъ земли; такія гнѣзда разыскиваютъ и яйца изъ нихъ выбираютъ.

Собака считается животнымъ въ высшей степени поганымъ и сквернымъ. Въ избу ее пускаютъ и позволяютъ лежать на полу, но никогда не пустить на лавку и ночевать она должна на повѣти. Черезъ нее не молятся. Иногда ее приласкаютъ, но на руки не берутъ. Если собака обнюхаетъ кушанье, его ни за что не тронуть, а отдадутъ ей. Собакѣ никогда не позволять ъесть изъ той посуды, изъ которой ъдять люди, а если она подлизала изъ чашки, чашку сожгутъ или бросятъ. Собакѣ, какъ и кошкѣ, дается особая посудина для ъды; она зовется собачья, та же, изъ которой ъесть кошка, зовется „папѣрѣй“.

Кошка тоже считается поганой, черезъ нее не шагаютъ, а отопнутъ, если она лежитъ на дорогѣ. Въ церковь ее не пускаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, но, вообще, она пользуется болѣшимъ расположениемъ, чѣмъ собака, ее гладить и берутъ на руки.

Рыбы въ описываемыхъ мѣстахъ водятся слѣдующія: окунь, лещь, язь или язенокъ, подъязокъ, стерлядь, сорога (плотица) или сорожка, пескарь, бѣлашки (мелкая рыбка, но не снятки), ерши, караси, семга, харіуать, мулявка, семидырка (минога; ихъ ловятъ, но только для кошекъ).

Привозная рыба изъ Архангельска: треска, палтусъ, семга, пики, сайды, навага, морской окунь, зубатка, морская налимина (?), сельди и камбала.

Раковъ ловить въ Двинѣ, но не варить, а пекутъ на угольяхъ и ёдять одинъ клешни.

Постройка дома и службъ.

Домомъ вообще зовется постройка, въ которой находятся: жилое помѣщеніе, повѣтъ и стая; изба-же—одна только жилая комната.

Матеріаломъ для постройки дома служатъ исключительно сосновыя бревна; лиственничныя исполняютъ роль фундамента, еловыя же никогда не употребляются.

Лѣсъ ронится, т. е. рубится въ великовѣнье—великимъ постомъ и тотчасъ же вывозится въ деревню. Если лѣсъ проложить на улицѣ все лѣто до осени, онъ зовется виснодильнымъ; такой лѣсъ можно рубить, т. е. дѣлать изъ него домъ, когда угодно, потому что онъ сухой; сырой, стало быть, мерзлый, рубить трудно, такъ какъ онъ „отшибаетъ руки“.

Срубъ (по мѣстному стопѣ) рубится или на мѣстѣ, т. е. тамъ, где домъ будетъ стоять, или же гденибудь вдали и послѣ разбирается и перевозится на мѣсто. Въ такомъ случаѣ мохъ не кладется и пазы мишаются тогда уже, когда стона сложена. Если же рубится на мѣстѣ, то прямо „на мохѣ“, т. е. слой моху кладется на окладники (см. ниже), на него слѣдующій вѣнецъ, т. е. четырехугольникъ изъ бревенъ, опять мохъ, и т. д.

Выбравъ мѣсто для дома, крестьянинъ прежде всего кладеть на землю окладники, т. е. четыре лиственничныхъ бревна, соединенныхъ между собою въ вѣнецъ, при чёмъ въ мѣстахъ соединенія въ рубиши кладется мохъ и та-ковой-же разстилается по всей поверхности четырехъ нижнихъ бревенъ, за-тѣмъ, на окладники кладется слѣдующій вѣнецъ, уже изъ сосновыхъ бревенъ.

Когда это сдѣлано, служать молебень, называемый на-подъёмѣ.

Два первыхъ вѣнца опредѣлять мѣсто для подстолбовъ. Подстолбки—это сосновыя или лиственничныя чурки, вкапываемыя въ землю подъ углы окладниковъ; на нихъ будетъ держаться весь домъ. На верхнихъ срѣзахъ подстолбовъ вырубаютъ предварительно топоромъ фигуру креста. Камней-же подъ углы зданій никогда не кладутъ.

Подъ домомъ выкапывается яма, зовущаяся голбцемъ; въ нее опускается срубъ—ряда два бревенъ, песокъ-же, вырытый изъ ямы, приваливается къ внутренней поверхности стѣнъ дома и зовется завалиной. Впослѣдствіи изъ избы дѣлается въ голбецъ особый ходъ.

На окладники кладутся следующие ряды бревенъ съ мохомъ между ними. Можъ берется или изъ рѣчекъ, такъ наз. золѣзникъ, или на бору на сырыхъ мѣстахъ (*Sphagnum*) и его сушатъ дома.

Всѣхъ рядовъ, т. е. вѣнцовъ, въ срубѣ бываетъ обыкновенно 17, иногда 15.

На пятомъ ряду кладется полъ. Концы половыkhъ тесинъ входятъ въ черепа—вырубки въ стѣнахъ избы; подъ полъ по срединѣ укладывается матица, круглое бревно, служащее для того, чтобы полъ не прогибался. Для матицы въ стѣнахъ вырубаются гнѣзда, въ которыхъ она и входитъ своими концами.

Такъ какъ половицы не всегда одной толщины, то полъ можетъ выйти неровенъ.

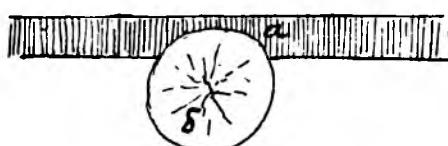

Рис. 1.

Чтобы выровнять его, на нижней поверхности половицъ вырубаются лапы *a*, въ которыхъ и входитъ матица *b* (рис. 1). Для того-же, чтобы полъ не коробился, въ половицахъ выдалбливается долотомъ гнѣзда и въ нихъ загоняются шипы *c* (рис. 2).

Рис. 2.

Полъ выравнивается стругомъ. Если въ половицѣ попадается сучекъ, который выскочить, то въ дырку заколачивается сосновая палочка—шкотикъ.

На концы половицъ у стѣнъ, чтобы не попадала вода, когда станутъ мыть полъ, прикалаиваются налишики—бруски, имѣющіе видъ трехграныхъ призмъ. Ямки и неровности въ полуничѣмъ не замазываются и полъ красится.

На седьмомъ ряду начинаютъ вырубать окна, причемъ въ седьмомъ

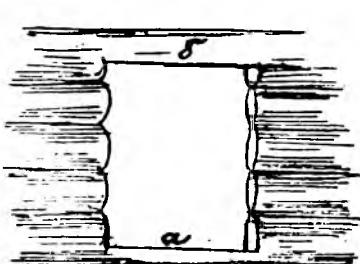

Рис. 3.

бревенъ дѣлается вырубка, называемая подоконникомъ *a*, такая же вырубка въ верхнемъ бревенѣ (по высотѣ окна) зовется пролѣтомъ *b* (рис. 3). У двери вырубка внизу зовется порогомъ, а верхняя тоже пролѣтъ.

Въ углахъ бревна скрѣпляются обычнымъ способомъ, т. е. въ каждомъ деревѣ вырубаются по два рубыша, вершковъ по 7 или 8, кромѣ того, вынимается пазъ для моху; концы бревенъ, торчащіе

на улицу, зовутся зауголками, они потомъ выравниваются пилой. Срубъ, доведенный до крыши, какъ уже было сказано, зовется столбомъ.

Въ прорубы, сдѣланные для оконъ, прежде всего вставляются колодины—косыки, двѣ вертикальныхъ и двѣ горизонтальныхъ. Въ вертикальныхъ колодинахъ со стороны стѣнъ дѣлаются выемки—вѣдры; въ эти выѣдры и входить бревна стѣнъ. Такія же колодины вставляются и въ двери. Въ дверныхъ колодинахъ вырубается кругомъ притворъ, т. е. прямоугольная выемка, въ которую должно входить полотно двери.

Полотно двери составляется изъ 4-хъ досокъ, въ которыхъ, когда онъ сложены, дѣлаются двѣ косыхъ выемки; въ эти выемки вколячиваются нары (безъ клея и гвоздей); для укрѣпленія ихъ, въ концахъ вгояются клинья. Въ колодину вколячиваются два жалѣзныхъ крюка *a*, а на нихъ надѣвается загнутый въ кольцо конецъ жалѣзной полосы *b*, затѣмъ, полоса приколачивается тремя гвоздями къ полотну двери. У свободнаго, вертикальнаго края двери приколачиваются съ одной и съ другой стороны по жалѣзной скобѣ *c*. Къ верхнему пролету приколачивается на 4 гвоздя налишникъ, прикрывающій махъ, который кладется на верхнюю колодину (рис. 4).

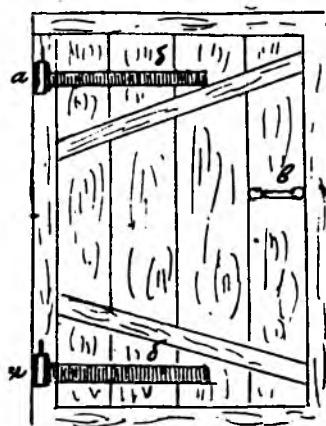

Рис. 4.

Съ наружной стороны двери, кромѣ скобы, приколачивается еще пробой для висячаго замка, которымъ изба запирается, когда всѣ обитатели ея уходятъ далеко (напр., на сѣнокосъ), если же оставляютъ избу пустою ненадолго, то, притворивъ дверь, просто приставляютъ къ ней лопату или помело, какъ знаѣтъ того, что въ избѣ никого неѣть.

Окольницы, т. е. оконныя рамы, дѣлаетъ столяръ. Бруски, въ которые врѣзываются стекла, зовутся перечѣньями. Рама просто приколачивается къ окну гвоздями. Большия окна зовутся колодными, меньшия не имѣютъ особыхъ названій.

На второмъ бревнѣ сверху столы въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ вынимаются черепа. Особо отъ череповъ въ бревнахъ вырубаются подматки, т. е. отверстія, въ которыхъ входятъ концы матицы *a*. Для большей прочности, кромѣ главной матицы, кладутся еще побочныя, называемыя тоже подматками, *b* (рис. 5).

Поперекъ матицы укладывается потолокъ изъ круглыхъ бревенъ. Когда бревна накачены, ихъ прижимаютъ начерѣпкомъ, т. е. самыи верхнимъ вѣнцомъ бревенъ и конопатить махомъ.

Затѣмъ, рубится повалъ *б*, т. е. рядъ бревенъ, скрѣпленныхъ другъ съ другомъ шипами. Нижнее бревно повала по длинѣ равно поперечной стѣнѣ

дома, слѣдующія постепенно суживаются и образуютъ треугольникъ; боковые стѣны повала зовутся слезами.

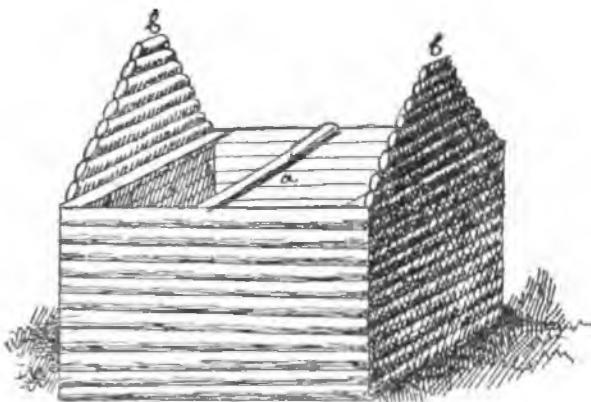

Рис. 5.

столо при бревенчатыхъ повалахъ, ихъ ставить три пары, какъ показано на рис. 6.

Стропила укрѣпляются своими нижними концами въ гнѣздахъ, выдолблен-

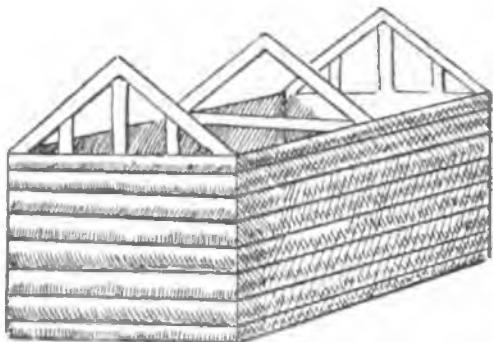

Рис. 6.

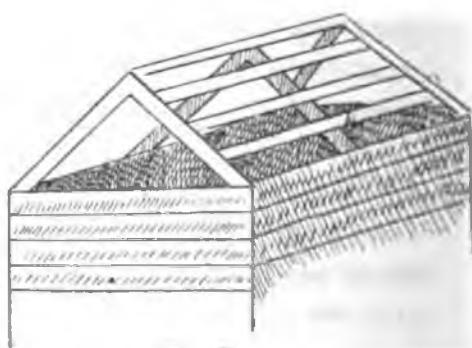

Рис. 7.

ныхъ въ стѣнѣ. Если бревенчатыхъ поваловъ не дѣлается, то въ крайнія стропилины вставляются стойки изъ отесанныхъ съ двухъ сторонъ нетолстыхъ бревенъ; стойки эти служать для обшивки повала: тесины приколачиваются къ нимъ гвоздями.

Когда это сдѣлано, поперекъ стропилъ, параллельно стѣнамъ, кладутся слѣги изъ бревенъ вершка по 2 въ отрубѣ; онѣ входятъ въ рубышки, выдолбленныя въ стропилинахъ, и приколачиваются гвоздями (см. рис. 7). Слѣгъ всего 13 штукъ, по 6 на стороны и 13-я на верху князѣвая. Для укрѣпленія, стропила связываются прибитыми къ нимъ кресть-на-кресть досками („крестовые штуки“).

Затѣмъ, крыша кроется тесомъ. Тесины кладутся поперекъ слѣгъ; внизу онѣ входятъ въ водопуски *a*, а водопуски лежать на курочкахъ *b*—де-

реванихъ крючкахъ, которые вкладываются въ нижнюю, лежащую на стѣнѣ, слегу. Верхніе концы тесинъ прижимаются бахлуномъ б. Это—выдолбленное жалобомъ бревно, согнутою стороною оно вкладется на киязевую слегу (рис. 8).

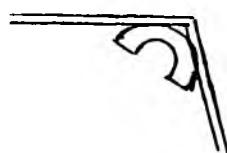
Чтобы снѣгъ не попадалъ подъ крышу и чтобы ее не сорвать вѣтеръ, къ слегамъ съ передней и задней стороны

прикачивается подзоръ изъ досокъ; съ боковъ его вѣтъ.

Спереди подъ угломъ крыши прикрѣпляется дуга изъ тонкихъ досокъ, называемая кузовкомъ; она служить единственno для украшения.

Подъ крышей (на чердакѣ) спереди на потолокъ ставится небольшой срубъ о три стѣны (четвертая, передняя стѣна образуется поваломъ), представляющій комнатку; она имѣеть отдѣльный потолокъ и полъ. Въ задней стѣнѣ прорубается дверь, спереди (въ повалѣ) — окно. Эта лѣтняя комната зовется панинъ (т. е. мезонинъ); лѣтомъ въ ней спать, а зимой она служить кладовою. Передъ окномъ изимина дѣлается балконъ; на него можно выходить изъ окна.

Рис. 9.

Къ передней стѣнѣ дома, но не вплотную, а лишь до зауголковъ, приваливается на землю бревно, такъ, что между нимъ и стѣной дома обращается какъ бы ящикъ; это пространство засыпается пескомъ, съ той собственно цѣлью, чтобы холодъ не проникалъ съ улицы подъ полъ избы. Вместо бревна ставятъ иногда „плетешокъ“ изъ вицъ и между нимъ и стѣной насыпаютъ линяную костицу, перемѣшанную съ пескомъ.

Въ деревняхъ по Сухонѣ (въ Устюгскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ), вместо описанныхъ заваленокъ передъ избой вкочачиваются въ землю колья и пространство между этими кольями и стѣною дома заваливается соломой до самыхъ оконъ, въ окна же вставляются снаружи подушки, набитыя куделей, съ маленьkimъ отверстиемъ по срединѣ для прохода свѣта. И то, и другое, конечно, весьма негигиенично и безобразно. Въ Сольвычегодскомъ уѣзда этого неѣть. При наступлении сильныхъ морозовъ здѣсь окна завѣшиваются иногда снаружи соломенными коврами, и только.

Конопатить дома черезъ годъ или черезъ два по постройкѣ, но не мохомъ, а линяными отрѣзьями, посредствомъ желѣзной лопатки, называемой конопаткой; по лопаткѣ удари-ть кіемъ.

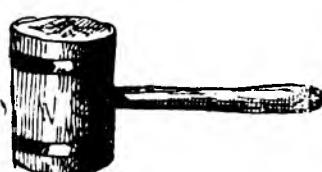

Рис. 10.

Кій—березовая чурка, обтянутая желѣзными кольцами. Сбоку вставляется ручка, которая зовется чѣренъ (см. рис. 10). Береза для кія подыскивается осенняя, т. е. такая, слои которой завертываются спиралью (въ Никольскомъ у. цвиль, цвилеватая береза); она отличается большой крѣпостью и зовется здѣсь щеткой. Отрѣз предварительно ссыкаются въ жгутъ, называемый коношатъ, и эта коношать вколовачивается въ пазъ кіемъ.

Коношатить умѣеть не всякий, а только мастеръ, называемый коношатчикомъ.

Коношачене избы длится съ недѣлю, если работаетъ одинъ и стоять рубля 3—4 на хозяйствскихъ харчахъ.

Съ задней стороны къ избѣ примыкаетъ мостъ (т. е. мость). На шести столбахъ, вкапанныхъ въ землю, кладутся перекладины, а попрекъ ихъ настилается самый мостъ изъ тесу или изъ половѣнишка, т. е. распиленныхъ на-двое бревенъ, которые укладываются горбомъ книзу. Надъ мостомъ, на перекладинахъ, настилается тесовый потолокъ—подволока.

Къ мосту по ту или другую сторону избы пристраивается крыльцо. Это—площадка, обыкновенно съ крышею и перилами; съ нея спускается лѣстница на землю.

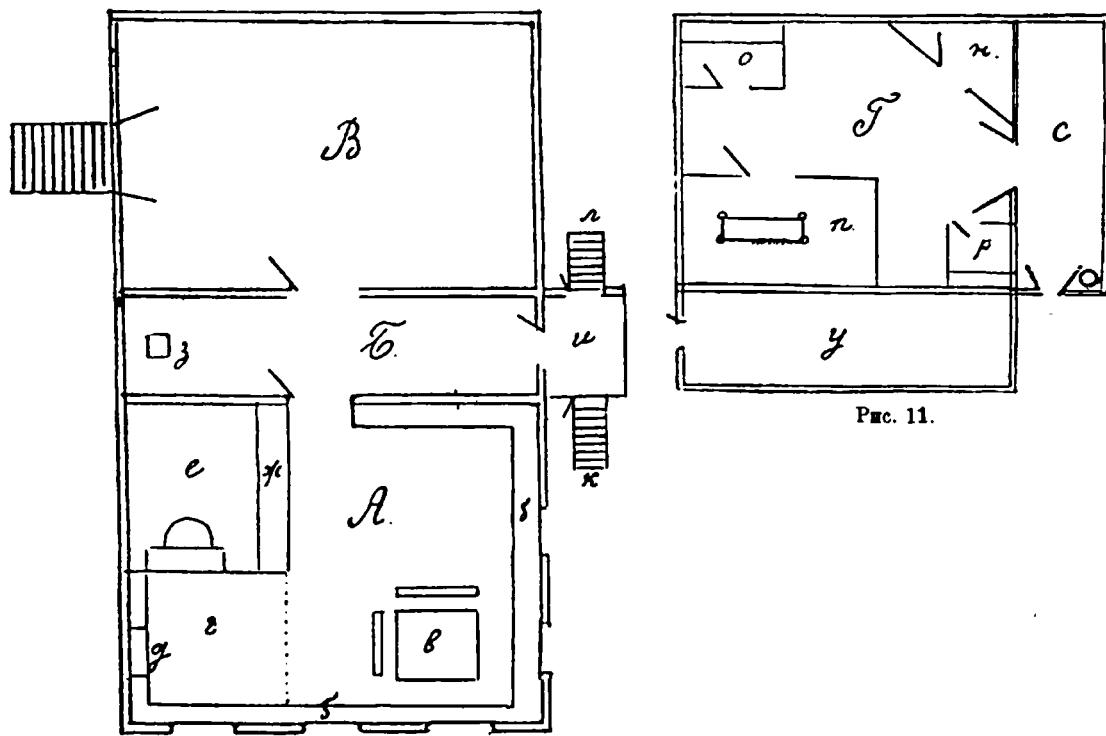

Рис. 11.

Непосредственно къ мосту примыкаетъ стая. Срубъ для стаи дѣлается такъ же, какъ и для избы и крыша у избы, моста и стаи общая. Внизу въ стаѣ, „на назыѣ“, помѣщается скотъ, вверху-же находится повѣтъ (повѣтъ); тутъ „мечется“ сѣно или солома, тутъ же хранять сани, тарантасы и т. п. Отъ моста повѣтъ отдѣляется стѣной, въ которой на мостъ пробулены двери.

На той же (или на другой) сторонѣ, гдѣ находится крыльцо, въ стѣнѣ повѣти дѣлаются ворота въ два полотна и отъ нихъ спускъ внизъ—звозъ. Звозъ держится на перекладинахъ, положенныхъ на столбы; на перекладины набираются звозины—бревна, по которымъ вѣзжаютъ на повѣтъ или спускаются съ нея.

Планъ избы, моста, повѣти и стаи (рис. 11).

А—изба; б—лавки по стѣнамъ; в—столъ; г—мѣсто противъ печи, отдѣленное отъ избы занавѣской; д—посудный шкафъ; е—печь, ж—голбецъ.

Б—мостъ; з—дыра въ полу (отхожее мѣсто); и—площадка крыльца; к—лѣстница на улицу; л—лѣстница въ саникъ.

В—повѣтъ; м—звозъ.

Г—стая (помѣщается подъ повѣтъ); н—помѣщеніе для свиней; о—помѣщеніе для овецъ; п—для коровъ; р—для лошадей; с—санникъ; т—колодезь; у—помѣщеніе подъ мостомъ; тутъ лѣтомъ стоять овцы.

Въ скотской стаѣ устраиваются вѣсли (ясли) и отдѣляется помѣщеніе для лошади и свиней. Къ стаѣ пристраивается сбоку саникъ; въ него ведутъ ворота съ улицы, другія изъ него ведутъ въ стаю. Саникъ служить для защиты скотнаго двора отъ заноса снѣгомъ и для храненія соломы, дровней, саней, телѣгъ, какъ и повѣтъ.

Теперь о внутреннемъ устройствѣ избы.

Когда крыша кончена, внутри избы „обиваютъ коровки“, т. е. обтесываютъ топоромъ круглыя части бревенъ въ стѣнахъ, а потомъ стружатъ ихъ. Затѣмъ, около стѣнъ придвигаются неподвижныя лавки, надъ ними подъ потолкомъ пола вошлики или пойца.

Важнѣйшій-же предметъ въ избѣ есть печь. Устраивается она такимъ образомъ.

Такъ какъ въ томъ углу избы, который предназначенъ для постановки печи и голбца, пола нѣть¹⁾, то на края отверстія въ полу кладутся брусья

¹⁾ На первый взглядъ должно казаться страннымъ, почему не пропускать половыѣ тески подъ печку и подъ голбецъ, тѣмъ болѣе, что толстыя половицы лучше, конечно, выдерживали бы давленіе тяжелой печи, чѣмъ тонкія доски, на которыхъ она устанавливается, но надо принять во вниманіе, что печь съ голбцомъ занимаетъ $\frac{1}{4}$ часть избы, и вмѣсто того, чтобы употребить на полъ 5 деревъ лѣсу,

а и *б* и концы ихъ вдаливаются въ стѣны. На брусья накладываются по-перечныя доски; на нихъ станеть потомъ накладываться печная глина. На брусья же ставятся ребромъ доски *в*, *г*, *д* и *е*, *ж*, *з*, скрѣпленны подъ прямымъ угломъ. Они образуютъ двѣ стороны ящика; третью и четвертую стороны представлять уже стѣны избы. Этотъ ящикъ зовется опѣчекъ.

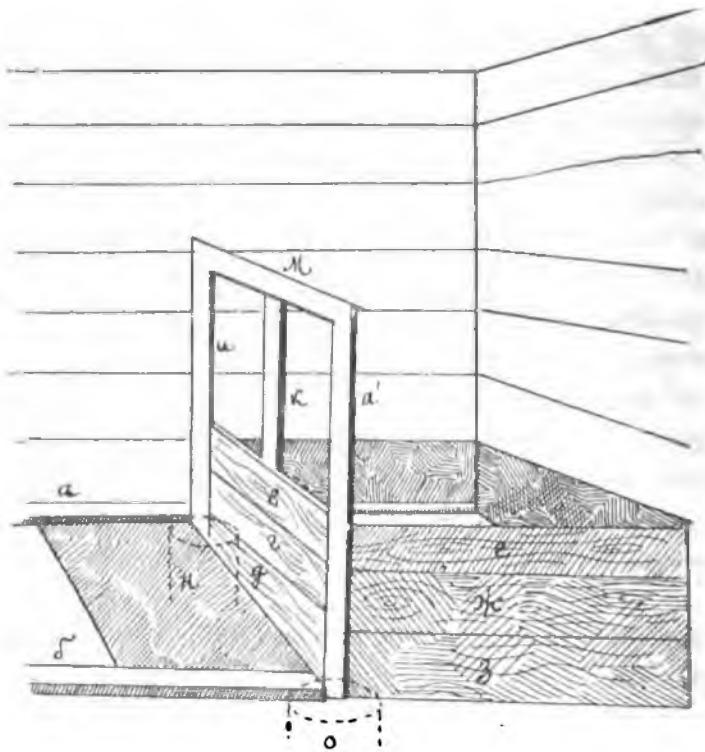

Рис. 12.

У стѣны на уголъ ящика прикрѣпляется брусье *и*, по срединѣ другой брусье *к* и на углу столбикъ *а*, упирающійся нижнимъ концомъ въ брусье *б*. Сверху эти брусья и столбикъ соединяются перекладиной *м*. Подъ углы опечка подставляются столбы *н* и *о*, которые вкапываются въ землю (рис. 12).

Вотъ деревянныя части печи. Теперь о кладкѣ глиняныхъ частей.

Глина для печи берется луговая¹⁾). На доски, лежащія на брусьяхъ *а* и *б*, насыпается сперва песокъ, затѣмъ начинаютъ накладывать глину. Ее уколячиваютъ кіями, такими точно деревянными молотками, какіе употребляются

какъ это дѣлается, пришлось бы употребить 10 деревъ, именно 10, а не меньше, какъ опять-таки должно казаться, потому что на устройство пола въ той четвертой части избы, что находится между лицевой стороной печи и противолежащей ей стѣною избы, идутъ горбыли, отплленные отъ тѣхъ тесинъ, которые составляютъ полъ остальной половины избы.

¹⁾ Съ такихъ луговъ, которые затопляются водою, такъ что это, вѣроюгно, не глина, а рѣчной иль.

для конопатки избы. Когда глина уложена до края опечка, дѣлают свинку. Это два полукруга изъ досокъ, связанныхъ поперечными дощечками, какъ показано на рисункѣ. Свинка ставится на глину, при чёмъ поверхность глины будетъ подомъ печи, сама же свинка отграничить чело и сводъ печи. Когда свинка установлена на своемъ мѣстѣ, ее начинаютъ обкладывать глиною; при этомъ, въ глину рядами вбиваются булыжный камень, такъ что получается рядъ камней, на немъ слой глины, опять рядъ камней и новый слой глины. Камни въ этомъ случаѣ служатъ не столько для скрѣпленія глины, сколько для удержанія жара въ толщѣ печи. Для скрѣпленія же глины собственно служить растопленная смола, которая наливается послѣ каждого ряда (или черезъ рядъ) камней.

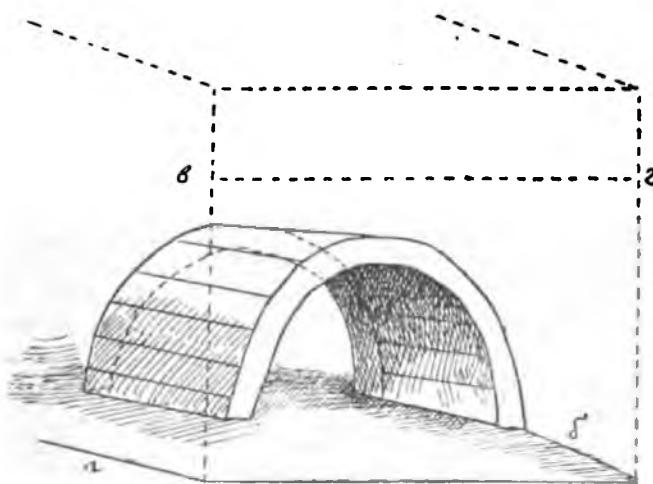

Рис. 13.

Когда кладка печи кончена, свинку вынимаютъ вонъ, а иногда и оставляютъ; въ такомъ случаѣ, она, разумѣется, сгораетъ, когда станутъ топить печь. По линіямъ *a* и *b* выводятъ глиняные стѣнки, верхняя же часть печи выдается надъ устьемъ впередъ вровень съ шесткомъ и укрѣпляется поперечными брусьемъ или желѣзной полосой, идущей по линіи *c*—*d* (рис. 13).

Шестокъ дѣлается глиняный, но иногда и кирпичный. Въ боку печи оставляютъ полукрыглый впадину—печурки, въ которыхъ потомъ сушить рукавицы или что иное.

Въ опечкѣ, на уровне пола, дѣлается квадратное отверстіе, ведущее подъ печку; это помѣщеніе зовется засѣдкой; въ немъ держать куръ въ зимнее время.

Труба выводится всегда прямая, т. е. безъ колѣнъ, надъ печнымъ устьемъ—глиняная или кирпичная; зовется она трубкой. Повыше печи въ трубкѣ дѣлается выемка, гдѣ вкладывается чугунное горло, закрываемое двумя

вьюшками. Выемка прикрывается приставной (а не на петляхъ) заслоночкой. Для трубы въ потолкѣ и въ крыше прорубается дыра и труба сверху не защищается кровелькой, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ заключеніе вся печь бѣлится мѣломъ, разболтаннымъ въ молокѣ.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ углового столба опечка укрѣпляется другой столбъ, и отъ него идутъ, параллельно полу и опечку съ одной стороны и параллельно стѣнѣ избы съ другой, тесники, образующія стѣнки голбца; сверху голбецъ тоже забирается тесомъ, а съ лицевой стороны въ стѣнкѣ дѣлается дверца, отъ которой лѣстница ведетъ въ подполье, т. е. въ пространство подъ избой, которое и есть собственно настоящій голбецъ. Съ другой стороны дѣлается приступочекъ изъ двухъ ступеней, по которымъ входить на голбецъ и съ него на печь и вѣзаются на полати.

Обстановка избы, какъ и повсюду въ Великороссіи: по стѣнамъ лавки надъ ними полавошикъ, въ углу образа, подъ ними обѣденный столъ и около него скамейки. Къ стѣнѣ около печи прикалачивается полочка, называемая наблюдникомъ; на нее ставятся тарелки, блюда и ставцы, кладутся ножи и вилки. Иногда у той же стѣны шкаль для посуды. Надъ входной дверью, между голбцемъ и стѣной находятся полати. Съ печи на полати кладется иногда доска (или дѣвѣ), называемая ливінницей, гдѣ бабы садятся прасть, когда внизу холодно и мужики вѣжутъ столбы, т. е. сѣти для ловли рыбы.

Перехожу теперь къ описанію хозяйственныхъ построекъ: погреба, амбара, овина и бани.

Погребъ (рис. 14).

Въ землѣ выкапывается яма и въ нее спускается срубъ рядовъ въ 12 бревенъ. Образуется подземный ящикъ *а, б, в, г*. Надъ срубомъ дѣлается потолокъ изъ бревенъ *а, г*. На этотъ потолокъ насыпается толстый слой песку, а надъ нимъ накатывается другой рядъ бревенъ *д, е*, служацій поломъ для верхнаго помѣщенія. Разстояніе между накатами *а, г* и *д, е* не болѣе четверти. На полъ *д, е* песку не насыпается.

Поверхъ земли на нижній срубъ ставится другой, *д, е, ж, з*, рядовъ въ 13 бревенъ; на него настилается потолокъ *ж, з*, тоже засыпаемый пескомъ, а сверху крыша на два ската, безъ стропиль; она держится лишь на двухъ повалахъ. Дверь *и* ведетъ съ улицы въ верхнєе помѣщеніе. Въ полу *д, е* и въ потолкѣ нижнаго помѣщенія *а, г* прорубаются квадратныя отверстія, черезъ которыхъ по лѣсенкѣ *к* попадаютъ въ нижнєе помѣщеніе. Въ

отверстіи потолка *а*, въ вставляется ставень и на него обыкновенно наваливается сѣно, для того, чтобы тепло не проникало сверху въ нижній этажъ погреба. Подъ дверью и прорубается окошечко такой величины, чтобы въ него могла пролѣзть кошка, но вообще оконъ въ погребѣ неѣть.

Когда зданіе готово, въ нижнее помѣщеніе мечется снѣгу (ледъ никогда не кладется) и утаптывается ногами. Снѣгу наметывается столько, что пространство между нимъ и поломъ остается рѣда въ 4 бревенъ.

Въ „амѣ“, т. е. на снѣгу, хранять картошку „и все Ѹдобное“, въ верхнемъ же помѣщеніи муку и проч.

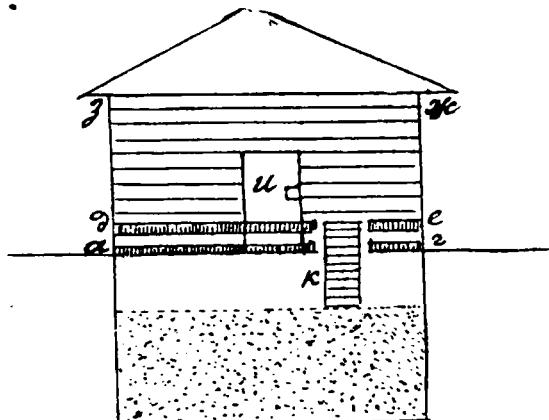

Рис. 14.

Амбаръ.

Амбарный срубъ въ 13 бревенъ устанавливается на подстолбкахъ, крыша обыкновенная. Дверь въ амбаръ ординарная; оконъ не прорубаютъ. Внутри по стѣнамъ сусѣки съ крышками; въ нихъ хранять хлѣбъ въ зернѣ: рожь, ячмень, овѣсъ, пшеницу.

Овинъ (рис. 15).

Въ землѣ выкапывается яма и въ нее опускается срубъ рядовъ въ 13 бревенъ *а*, *б*, *в*, *г*, поверхъ-же земли на него ставится другой срубъ рядовъ въ 10. Срубъ этотъ перегороженъ поперекъ стѣною *д*, *е*. Потолокъ надъ нижнимъ срубомъ накатывается вровень съ землей лишь до стѣны *д*, *е* и на него наваливается слой глины вершкъ въ два. Потолокъ не докладывается до стѣнъ *а*, *д* и *б*, *е*, такъ что образуются щели, называемыя пазауихами *ж*, *з*. Поперекъ потолочныхъ бревенъ отъ стѣны до стѣны укрѣпляются концами въ стѣны два бревна *и* и *к*, на разстояніи отъ потолка въ 1 арш., называемыя колосниками. Въ одной стѣнѣ прорубается дверца *л*, такой величины, чтобы человѣкъ могъ войти въ нее согнувшись. Вдоль потолочныхъ бревенъ укладываются вплотную жерди; концами своими они лежать на колосникахъ. Жерди эти зовутся перекладинами. Потолка надъ

верхнимъ помѣщеніемъ овина не дѣлаютъ, а прямо крышу, которая держится на двухъ повалахъ.

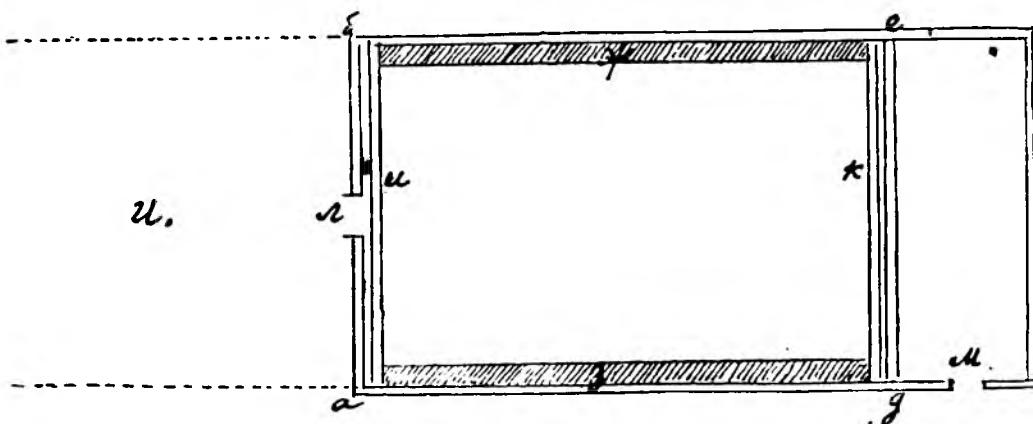

Рис. 15.

За стѣной *д*, *е* часть верхняго и нижняго срубовъ остается свободною, шириной она аршина полгора. Такъ какъ овинная яма подъ этимъ срубомъ продолжается до стѣны *г в*, то стѣна *д е*, такъ сказать, виситъ на воздухѣ надъ ямой. Помѣщеніе *д е в г* называется подлазомъ и, чтобы изъ этого подлаза проникнуть въ самыи овинъ, приходится пролѣзать подъ стѣной *д е*. Съ одной стороны въ подлазѣ прорубается отверстіе *м*, въ которое и пролѣзаютъ съ улицы, а въ яму спускаются по жердочкамъ, называемымъ ступенями; концы ихъ упираются въ стѣну *г в* съ одной стороны и въ стѣну *д е* съ другой.

Проникнувъ изъ подлаза въ яму подъ овиномъ, человѣкъ разводить на дѣвѣ этой ямы тѣплинку изъ дровъ, причемъ жаръ проникаетъ въ овинъ черезъ пазухи, а дымъ выходитъ на улицу просто сквозь крышу.

Снопы впихиваются въ овинъ черезъ отверстіе *л* одинъ человѣкъ, тогда какъ другой принимаетъ ихъ въ овинъ и садитъ на жерди. Когда овинъ „насаженъ“, то снаружи черезъ отверстіе *л* запихивается въ снопы рожень—тонкій шестикъ, и оставляется въ снопахъ. Выдергивая по временамъ рожень, человѣкъ ощупываетъ его, холоденъ онъ, или тепель. Если холоденъ, это

значитъ хлѣбъ еще не высохъ, если тепель, то снопы выбрасываются на гумно, которое помѣщается тутъ же, рядомъ съ овиномъ—*и*.

Гумно устраивается на открытомъ воздухѣ и дѣлается такъ: съ земли сдирается мурагъ, т. е. трава съ корнями, дернъ, и земля утрамбовывается трамбовкой, которая

Рис. 16.

состоитъ изъ половины чурки; въ выпуклую часть чурки вставлена ручка

(см. рис. 16). Снопы разносятся по гумну и стелются по садомъ, т. е. въ два ряда, вершина къ вершинѣ. Затѣмъ ихъ начинаютъ молотить молотилами.

Молотило дѣлается такъ. Берутъ палку и въ одномъ концѣ просверливаютъ дыру *a* (см. рис. 17.) около четверти длины, а сбоку вкось другую, *b*, такъ что образуется каналъ *a b*. Палка эта зовется кадочкой; она аршина два длиною. Вершина кадочки, т. е. тотъ конецъ ея, гдѣ просверлена дыра, обтягивается бараньей мошней (мошонкой). Мошня натагивается сырою или когда высохнетъ, то облажетъ кадочку столь плотно, что ее не снять ножомъ. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы кадочка не раскололась.

Въ каналѣ пропускается пучъ, т. е. кусокъ кожи, который высовывается изъ обоихъ отверстій канала. Часть кожи, выходящая наружу въ отверстіи *b*, проникается ножомъ и въ нее продѣвается клѣчикъ, т. е. палочка, которая не позволяетъ кожѣ выдернуться. Часть кожи въ отверстіи *a* длиннѣе и въ нее тоже втыкается клѣчикъ.

Берется другая палка съ аршинъ длиной и на концѣ ея дѣлается косой срѣзъ (см. рис. 18). Къ этому срѣзу прикладывается отъ кадочки кусокъ кожи *d* и привязывается крѣпко веревкой. Эта вторая палка зовется бадогъ. Кадочку берутъ въ руки, а бадогомъ ударяютъ по снопамъ.

Рис. 17.

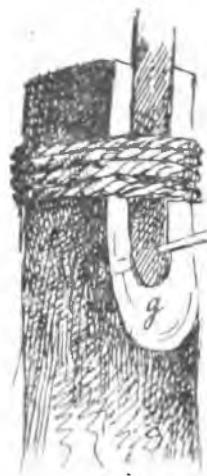

Рис. 18.

Баня.

Въ землѣ выкапывается яма и надъ ней ставится срубъ, такой же, какъ для амбара или по-греба. Надъ ямой настилается полъ изъ тесу съ просверленными въ немъ дырками. Въ двухъ стѣнахъ прорубаются маленькия оконца безъ рамъ, они задвигаются ставенькой. У стѣнъ лавки и полѣкъ. Къ бани сбоку пристраиваются свинцы для раздѣванья. Печь складывается изъ дикихъ камней безъ цемента; трубы она не имѣть. Воду для мытья нагрѣваютъ въ шайкахъ калеными камнями. Мыются мыломъ (щелокъ не употребляется) и парятся березовыми вѣнниками. Послѣ мытья, тѣла ничѣмъ не вытираютъ.

Хлѣбопашество.

Если участокъ, предназначенный для воздѣлыванія на немъ хлѣба—лѣсной, то лѣсъ вырубаютъ на дрова или на постройку, оставшееся „пенье“ постоитъ лѣта два, затѣмъ его окапываютъ лопатою или копачомъ (см. рис. 19),

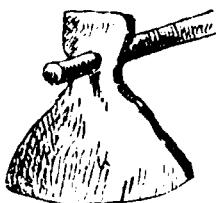

Рис. 19.

выворачиваютъ, складываютъ въ кучу и весною сжигаютъ. Послѣ этого орутъ землю сохой, потомъ боронять. Затѣмъ земля парится недѣли 2—3, послѣ чего ее снова орутъ и боронять и оставляютъ до осени. Осенью опять заорутъ и посѣютъ рожь.

Сѣять рожь изъ сита. Сѣющій береть зѣрна въ горсть и хлопаетъ объ обичку, зѣрна и разлетаются ровно.

Новь не лѣсную, а полевую, открытую, орутъ въ концѣ мая, именно четыре раза, затѣмъ унаваживаютъ, снова орутъ, чтобы завалить навозъ, боронять и оставляютъ до весны. Весной разъ взорутъ, подождутъ дни три, четыре и сѣютъ вскій хлѣбъ, кромѣ ржи.

Если поле было уже засѣяно прошлымъ лѣтомъ, то весной „послѣ Миколы“ (9 мая) землю взорутъ сохой и тотчасъ же сѣютъ ячмень или овѣсть, смотря по грунту: если грунть глинистый, то ячмень, если песчаный, то овѣсть. Сѣмена овса и ячменя сѣются или свои, или покупные—въ Устюгѣ, Красноборскѣ или Сольвычегодскѣ.

Проба сѣмянъ дѣлается въ избѣ: въ ольховомъ корытцѣ, называемомъ ростѣлѣ, бородкой топора вырубаются ямочки и въ нихъ закладываются зѣрна, примѣрно по 10 штукъ овса, ячменя, пшеницы или льна. Земли въ ямочки не кладется. Зѣрна поливаются водой и прорастаютъ. Дѣлается это для того, собственно, чтобы узнать процентъ всхожести.

Ячмень вообще сѣется весной. Сперва землю заорутъ, потомъ посѣютъ, зaborонять и оставляютъ сутки на 2—3, наконецъ дѣлятъ, т. е. вторично боронять, и такъ поле остается до жатвы.

Овѣсть, какъ уже сказано, не сѣютъ на глину, какъ прочіе хлѣба, а больше на песокъ и боронять одинъ разъ.

Пшеница—какъ и ячмень.

Ленъ. Землю заорутъ, заборонять и сѣютъ. Въ лукончко, изъ второго сѣяния, кладутъ вареное яйцо и его съѣдѣаетъ тотъ, кто сѣялъ. Боронить вторично, какъ и ячмень. Ленъ рвутъ, а не дергаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Коноплѣ. Землю заорутъ два раза, навозятъ назыму, снова заорутъ и сѣютъ, потомъ боронять одинъ разъ. Когда созрѣетъ, рвутъ и ставятъ въ

кучи, изъ кучъ брусиутъ, т. е. обрывають куглину—вершины съ съмечками, и бросаютъ въ кадки. Стебли вяжутъ въ споны и опускаютъ въ озеро мочить. Когда вымокнетъ, развязываютъ на огородѣ на колья, чтобы высохло. Потомъ владутъ сушить въ баню, затѣмъ мнуть мялкой, какъ и ленъ, треплютъ трепаломъ и прадутъ.

Конопланое сѣмя изъ кадки вываливаютъ на печь сушить. Когда сѣмя выйдетъ изъ оболочки, его очищаютъ, куглину бросаютъ въ огонь, а сѣмя ссыпаютъ въ лагуну и ставятъ въ амбаръ. Сѣмя это частью продаютъ, частью ёдятъ сами (льняное-же, „хотя оно и сладкое, не ёдятъ, единственно потому, что отъ него заводятся вши“): толкнуть въ ступкѣ, варять и наливаютъ на шаньги, также пекутъ съ нимъ пироги, наконецъ варять его въ горшкѣ съ сушеными грибами.

Горохъ, прежде чѣмъ сѣять, мочатъ сутки двои. Землю заорутъ и сѣютъ, боронятъ одинъ разъ. Когда поспѣетъ, рвутъ, везутъ на гумно и вѣсать на жерди сохнуть. Когда высохнетъ, досушиваютъ въ овинѣ и молотать; трава идеть въ кормъ скоту.

Рѣпа. Землю заорутъ, черезъ мѣсяцъ навозать назыму и снова орутъ, забороняютъ, сѣютъ, перемѣшавъ сѣмя съ пескомъ, и послѣ посѣва землю боронятъ еще разъ.

Когда рѣпа поспѣла, ее обрѣзываютъ тутъ-же на рѣшищѣ, кладутъ въ мѣшки, увозятъ домой и прачутъ въ „яму“, т. е. въ погребъ.

Ячмень „опихиваютъ“ въ кадцахъ желѣзными лопатами (онъ зовутся застуپами), именно тычутъ въ зерно, отъ чего кожица съ него слѣзаетъ. Божица эта зовется волшиной и идеть въ кормъ овцамъ, обвареная кипяткомъ. Зерно отъ волшины отдѣлается простваніемъ черезъ рѣшето. Затѣмъ, его ссыпаютъ въ мѣшокъ и везутъ на мельницу молоть. Получается ясная мука. Изъ нея пекутъ ярушники, колобки, блины. Такъ же опихивается и овесъ.

Чтобы узнать, вызрѣла ли рожь, колосокъ (на корни) сжимаютъ въ пальцахъ и, если зернышки раздавливаются, то они не созрѣли, если же крѣпки, то готовы. Или же приносать колосья въ избу и, давъ имъ полежать, наблюдаютъ, усохнетъ зерно, или нѣтъ. Если усохло и сморщилось—неготово, если остается, какъ есть—готово.

Время жатвы ржи зависить отъ того, каково было лѣто. Такъ, въ 1897 г. жатва началась вскорѣ послѣ Петрова дня, бываетъ же, что начинаютъ жатву и послѣ Ильина дня (т. е. разница почти въ мѣсяцъ). Ячмень всегда поспѣваетъ послѣ ржи, пшеница послѣ ячменя, овесъ же послѣдній; жатва его бываетъ въ сентябрѣ, иногда затягивается до Покрова.

Червобоя никогда не замѣчалось; мышей тоже не вѣть; рожковъ (спорыны) на хлѣбныхъ колосьяхъ не видали.

Жнуть хлѣбъ черпами. Черпы (серпы) дѣлаются дома, иногда покупаются готовыми въ городахъ. Черпъ „аглецкой“ стали стоять 60—65 к. Жнуть всегда бабы; мужики никогда не жнуть, такъ же точно, какъ бабы никогда не косятъ.

Хлѣбъ вяжется въ снопы, потомъ ставится въ суслоны, по 6 сноповъ въ каждомъ, т. е. пять въ кучу и шестой клубокъ—покровный снопъ.

Стоять снопы на мѣстѣ дня 3—4 и увозятся на гумно, гдѣ ставятся въ кладуху. Кладуха дѣлается такъ: на землю кладутся чурки, на нихъ жерди, а на жерди снопы, колосьями вмѣстѣ, а комлями врозь, третій же снопъ поперекъ, такъ что онъ прижимаетъ собою колосья нижнихъ сноповъ. Рядомъ кладутся другіе два снопа, на нихъ третій и т. д. Въ землю втыкаются острѣи—словыя жерди съ необрублеными сучьями. Снопы помѣщаются между острѣями, тамъ что сучья не позволяютъ снопамъ ложиться вплотную, между снопами остаются продухи, гдѣ можетъ свободно циркулировать воздухъ.

Кладухи кроются соломой, которая прижимается жердями, съ боковъ же ставятся подпоры, какъ и къ концамъ сѣна, но тутъ ихъ больше.

Въ кладухахъ снопы остаются до молоченья, но прежде чѣмъ молотить, ихъ сушать въ овинѣ, о чѣмъ уже было сказано.

Послѣ молоченя обыкновенно тотчасъ же и вѣютъ, т. е. просто, при боковомъ вѣтре, подбрасываютъ зерно на лопатѣ, при чѣмъ вѣтеръ относить мякину и соръ въ сторону, а зерно падаетъ на землю. Когда все проѣвано, зерно сгребаютъ въ груды пихаломъ, которое состоить изъ головки, отпиленной отъ старыхъ дровней (см. ниже) со вставленной въ край ея палкой, служащей ручкой. Изъ груды зерно перекладывается лопатою въ мѣшокъ и убирается въ амбаръ.

Мелютъ хлѣбныя зерна исключительно на водяныхъ мельницахъ; вѣтряные въ описываемой мною мѣстности вовсе не ставятся.

Уборка сѣна.

Сѣнокосъ открывается въ періодъ съ Петрова дня до Ильина. Луга дѣлятся пополосно, сколько придется на душу саженей; для отмѣтокъ ставятся тѣчки, т. е. втыкаются въ землю палочки.

Косы употребляются исключительно горбуши; стойкой здѣсь косить нельзя, такъ какъ густота и высота травы этого не позволяютъ. Косы выковываются домашними кузнецами и стоимость одной штуки отъ 40—60 коп. Коса (см.

рис. 20) вкочивается въ ручку, называемую косьемъ, при чмъ полоска листового жалъва, зовущаяся саргой, обвивается вокругъ косы въ томъ мѣстѣ, гдѣ она входитъ въ косью. Кромѣ того, между саргой и ручкой вгнается клинъ, для того, чтобы коса не расщатывалась.

Къ косѣ принадлежитъ лопатка— деревянная дощечка, покрытая смолой, на которую насыпанъ песокъ. На лопатѣ лопатятъ косу, т. е. подвостряютъ, когда она затупится отъ работы. Если коса во время работы изогнется, то для выпрямленія ея употребляется правило, т. е. деревянная чурочка съ вставленной въ нее ручкой (см. рис. 21). Въ чурочки выпилена выемка, въ которую вкладывается коса и выпрямляется движениемъ чурки.

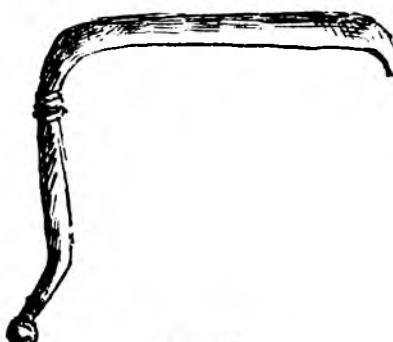

Рис. 20.

Рис. 21.

Когда определенная полоса травы скосена, сѣно оставляется лежать для просушки. Затѣмъ, являются бабы и ворошатъ его граблями. Когда увидать, что сѣно достаточно просохло, его сгребаютъ въ видѣ вала вдоль по полосѣ и, наконецъ, копятъ въ конны. Черезъ нѣкоторое время конны отвозятся въ оstdѣлье, т. е. въ то мѣсто, гдѣ ихъ станутъ метать въ большую конну. Здѣсь предварительно въ землю втыкается жердь и вокругъ ея въ углы квадрата четыре колы. Эти жердь и колы зовутся стожарами. На землю между стожарами накидываются вицы, для того, чтобы сѣно не лежало на самой землѣ.

Маленькия конны везутъ съ луга не въ телѣгѣ, а охватываютъ веревкой, веревку эту привязываютъ къ хомуту или къ шлеѣ лошади и лошадь волочить сѣно по землѣ до мѣста.

Здѣсь сѣно начинаютъ метать вилами на стожары. Когда конна достигла извѣстной высоты, съ боковъ къ ней подставляются подпоры, т. е. колы, аршина по полтора длиной. Подпоры эти служить не столько для укрѣпленія конны, сколько для того, чтобы немножко приподнять сѣно, которое бываетъ въ это время нѣсколько въ-дсырь, т. е. сырвато, и давать воздуху доступъ внутрь конны.

Когда одному человѣку станеть высоко метать, то другой влѣзаетъ на конну и равняетъ ее сверху, нижній же подаетъ сѣно вилами и такъ, пока не завершать. Когда завершено, на макушку конны кладутся крестообразно парь пять вицъ, вершины которыхъ связаны вмѣстѣ, а комли опускаются по коннѣ внизъ; это дѣлается для того, чтобы сѣно не обивало вѣтромъ. Затѣмъ,

человѣку, стоящему на копнѣ, бросается конецъ веревки и ея слускается по этой веревкѣ съ копны на землю, тогда какъ другой конецъ веревки держать его товарищъ, стоящій у противоположной стороны копны. Надо замѣтить, что высота копны достигаетъ двухъ саженей.

Кромѣ копнъ, сѣно мечется въ зароды (рис. 22). Для зарода стожары ставятся по одной линіи до 10 штукъ, тоже подкладываются вицы, и сѣно мечется какъ въ копну. Съ боковъ ставятся тоже подпоры и наверхъ владутся вицы, но не крестомъ, а перекидываются черезъ зародъ на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.

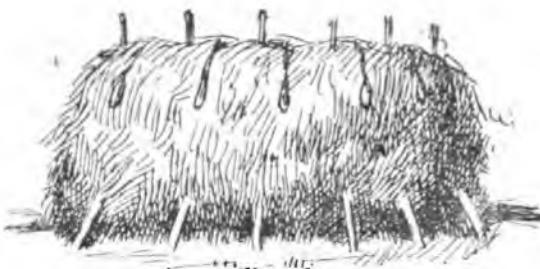

Рис. 22.

Копны и зароды огораживаются „жердьемъ“ или „ку-

стымъ“, т. е. кольями, переплетенными вицыами.

Наконецъ ставятся еще такъ называемые облитники, огромные зароды, но уже не вдали отъ деревни, а во 100 саженяхъ отъ нея. Подъ облитникъ на землю кладутся уже не вицы, а бревна, цѣлымъ костромъ, кѣтками, рядовъ въ 5—6; эти подставы зовутся вымостами; высота вымостовъ зависитъ отъ того, какъ высоко будетъ на этомъ мѣстѣ весенняя вода (что знать приблизительно). Ширина облитника отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ сажени, высота $2\frac{1}{2}$ —3 саж. Облитники кроются ржаной соломой, по соломѣ вдоль облитника кладутся жерди и прикрѣпляются роженьками, т. е. заостренными палочками, втыкаемыми въ облитникъ.

Облитники остаются на мѣстѣ до слѣдующаго года. Это сѣно, такъ сказать, лишене, на него нѣть покупателя. Когда сѣно вздорожаеть, оно и продается изъ облитника съ выгодой.

Въ копнѣ считаются сѣна возовъ пять, въ зародѣ 50, въ облитнике 150—200—300, возъ-же вѣсить 25—30 пудовъ.

Уходъ за лошадью.

Лошадей воспитываютъ сами или покупаютъ. Самая дешевая рабочая лошадь рублей 10, но иногда цѣна эта поднимается и до 40 р. Жеребцовъ держать на свободѣ, т. е. не употреблять въ работу до 4-хъ лѣтъ, „кладутъ“ ихъ на 3-мъ году, „нелегченыхъ“ же не держать (т. е. дольше 3-го года). Лошадь можетъ работать до 25 лѣтъ, тутъ ее обыкновенно продаютъ прѣвзимъ татарамъ, которые, заплативъ за животное рубля $1\frac{1}{2}$ —2, снимаютъ съ него шкуру, трупъ-же оставляютъ на острову, гдѣ его ободрали.

Когда у хозяина околбетъ любимая лошадь, то на нее надѣваютъ узду и хомутъ, взваливаютъ на дровни (хотя бы дѣло было лѣтомъ) и отвозить куда нибудь на лугъ. Здѣсь выкашиваютъ яму и опускаютъ въ нее лошадь, такъ, чтобы она легла на бокъ, затѣмъ зарываютъ и насыпаютъ бугоръ земли, на бугоръ же кладутъ дровни полозьями вверхъ. „Дровни хоть того лучше вывези, никто не потронеть“.

Обыкновенная-же лошадь, если она околбетъ зимою, отвозится куда нибудь на озеро или на рѣку и оставляется на льду, а лѣтомъ трупъ просто спускаютъ въ воду.

Пастуховъ для пастбищ скота и лошадей никогда не нанимаютъ; животные пасутся въ паскотинахъ, въ лѣсѣ-же ихъ не отпускаютъ.

У лошади бываютъ болѣзни:

Нѣкотъ—когда лошадь „одуешь“, т. е. брюхо у нея распухнетъ. Чтобы вылечить—„шоркантъ“ (т. е. трутъ) брюхо вязовой дугой.

Вѣзгорь—„сопли идуть изъ ноздрей, отъ того, что съ осени худо кормлена“. Чтобы вылечить, толкнуть горючую сѣру и мѣшаютъ въ заварку; затѣмъ ѿздѣять на лошади шибко, чтобы ее согрѣть. Кроме того, очищаютъ слювными иглами, дѣгтемъ и горючей сѣрой.

Ископыть—лошадь испытывалась, захромала „отъ того, что дыру за копытомъ, свищи дѣласть какая-то звѣрьина. Чтобы вылечить, льютъ въ рану керосину, и шоптунъ ѿщечтъ на воду и воду льютъ въ рану“.

Ящуръ—„когда языкъ Ѳѣсть; языкъ натираютъ солью“.

Обурѣчена бываетъ лошадь (или корова), когда кто похвалитъ животное съ тайною завистью. „Тогда идуть къ шоптуну ѿштать на уроки“.

Волоскѣй—когда лошадь долго стоять въ грязи, въ назмѣ, то въ ноги ей проникаютъ червячки, имѣющіе видъ волоска. Выводятъ шоптуны. „Шоптунъ вончѣ лучше фершала, потому что знать по етой части, да и фершаль земскій проѣзжаетъ разъ въ годъ, а то и въ годъ не проѣзжаетъ“.

„Если скотину съ осени не закормятъ (т. е. не дадутъ ей наѣсть тѣла, такъ, чтобы она легче могла перенести скудость питанія въ случаѣ недостатка корма), то за кожей и появятся мокрецы—черви такіе. Когда кобыла ожеребится, и молоко у неї не продоѣтъ и жеребенку дадутъ напиться сырова, тогда жеребенокъ возгоряеть и возгорь ево задавить“.

Холостять жеребцовъ свои, деревенскіе коновалы. У жеребца подтянуть переднюю ногу къ брюху, и онъ упадеть. Тогда мошонку завязываютъ, „чтобы яички не утануло на нутро“, затѣмъ разрѣзываютъ и вынимаютъ яички. Яички эти коновалъ береть себѣ (для чего—неизвѣстно), потомъ подсыпаетъ „зелени“ (купоросу?), чтобы рана не загнивалась и заговаривается, такъ что кровь не течетъ. Живеть коновалъ при жеребцѣ сутки трои и наблю-

дастъ за нимъ. Въ это время минутъ жеребца, т. е. проѣзжаютъ его. Черезъ три сутки все заживаетъ.

За холощеніе коноваль береть три рубля, полотенце и четверть водки.

Домашняя обстановка, женскія работы.

Отопленіе печи производится дровами сосновыми и еловыми, рѣдко березовыми; ольховые идутъ только въ овины.

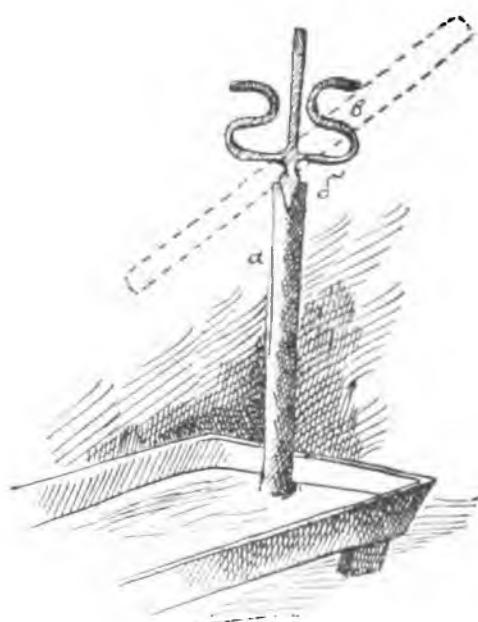

Рис. 23.

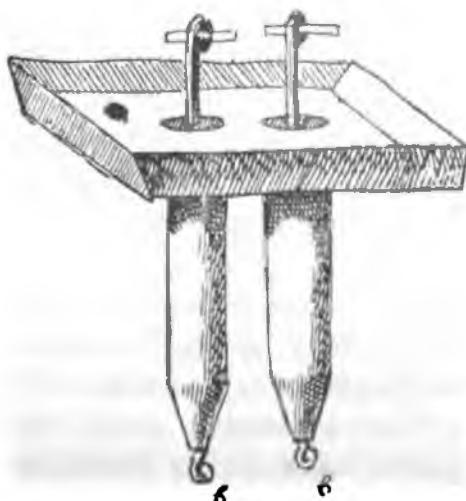

Рис. 24.

Для освѣщенія керосинъ не употребляется, лампъ нѣть; жгутъ березовую лучину, березовую потому именно, что она горить ярко и не чадить.

Лучина помѣщается въ свѣтильно. Свѣтильно состоять изъ корытца, выдолбленнаго изъ сосноваго дерева, на ножкахъ (см. рис. 23). Въ одномъ концѣ въ дно корытца вдолбленъ брускъ *а*; въ вершину его вставлена желѣзная лопатка *б*, оканчивающаѧ шпенькомъ съ двумя желѣзными крючками по сторонамъ. Лучина вдѣвается въ петлю *в* въ наклонномъ положеніи и зажигается; угли отъ нея падаютъ въ корытце, куда наливается вода.

Кромѣ лучины употребляются и свѣчи, которые льются дома изъ „скотиннаго“ сала (т. е. отъ быковъ и коровъ; баранъ не идетъ въ дѣло, такъ какъ употребляется въ пищу вместо масла).

Свѣчи льются въ формахъ, называемыхъ левками. Левокъ состоять изъ жестянаго ящичка *а* (см. рис. 24), въ днѣ котораго сдѣланы два отверстія такого діаметра, какого должна быть свѣча. Къ этимъ отверстіямъ припаиваются жестя-

ны же дудки 6, оканчивающиеся конусами съ отверстіями въ вершинахъ. Изъ кудели, скрученной въ жгутинъ, дѣлается свѣтильно, пропускается въ дудки и внизу завязывается узломъ 6, затѣмъ натягивается и сверху укрепляется kleчиками 7. Растворенное сало наливается въ левокъ, проходитъ въ дудки и наполняетъ ихъ. Для скорѣйшаго застыванія свѣчъ, дудки опускаются въ сѣвъ, а лѣтомъ въ воду.

Свѣчи вставляются въ подсвѣщикъ и въ хонаръ. Подсвѣщикъ (рис. 25) вырезывается изъ жести или изъ желѣза. Ко дну его припаивается спиральная полоска, въ которую и вставляется свѣчка. По мѣрѣ сгоранія, послѣдняя подвигается кверху жестяннымъ кружечкомъ.

Фонарь (рис. 26) дѣлается изъ дерева. Въ тристѣнки его вставляется по стеклу, въ четвертой находится дверца. Ко дну фонаря приколоченъ жестянной под-

Рис. 25.

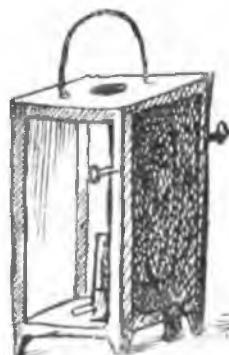

Рис. 26.

свѣщникъ, въ крышѣ отверстіе для прохода воздуха, тутъ же прикрѣпляется ручка изъ проволоки. Дверца бываетъ или подъемная, или же ходить на двухъ гвоздикахъ, вбитыхъ въ переднюю рамку фонаря.

Огонь добывается сѣриными спичками или же огнивомъ и кремнемъ съ пережженой трапкой или трутотомъ изъ березовой губки.

„Деревянный огонь“, т. е. посредствомъ тренія, добывается лишь въ случаѣ появленія повальной болѣзни на людяхъ, по повѣрю, что въ томъ домѣ, гдѣ хранится такой огонь, не появится болѣзни.

Добываніе огня (рис. 27) происходитъ такъ: въ двухъ лежащихъ ря-

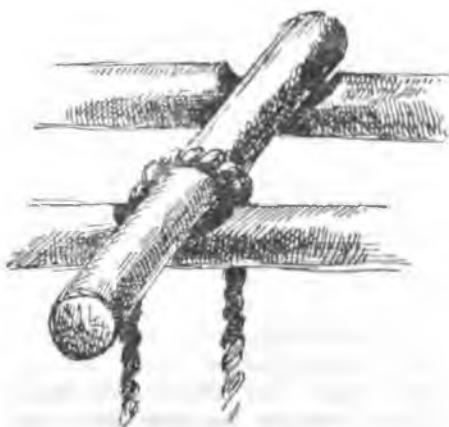

Рис. 27.

домъ грядкахъ¹⁾ дѣлаются зарубки *а* и *б*, а въ зарубки, поперекъ грядокъ кладется березовая чурочка *в*; черезъ чурочку перекидывается веревка, которую и начинаютъ дергать взадъ и впередъ съ силой двое стоящихъ внизу людей. Отъ тренія чурочки о грядки, послѣднія загараются огнемъ. Отъ этого огня зажигаютъ лучину, а отъ лучины угли, и эти горящіе угли хранять въ печной загнетѣ.

Самый важный бабий инструментъ есть прѣснече, т.е. прялка (рис. 29). Дѣлается онъ совершенно первобытнымъ способомъ. Въ лѣсу выбирается подходящая

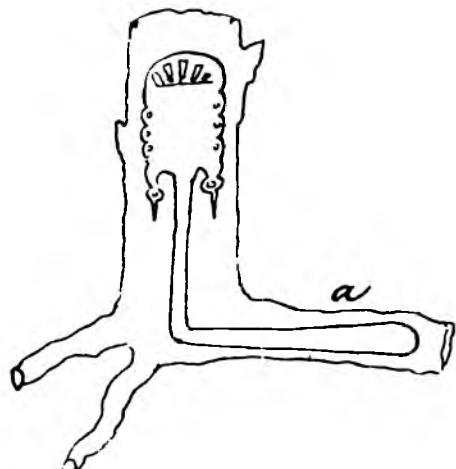

Рис. 28.

образомъ, для того, чтобы сдѣлать маленькую вешь, надо срубить дерево толщиною до 6 вершковъ.

Рис. 29.

ель, у которой одинъ изъ побочныхъ корней росъ бы подъ прямымъ угломъ къ древесному стволу, какъ показано на рисункѣ 28. Ель срубается на такой высотѣ, какой высоты должна быть прялка, затѣмъ обрубаются всѣ корни, кроме корня *а*, пень начинаютъ обтесывать, также и корень и превращать ихъ понемногу въ доску такой толщины, какой должна быть толщина прялки. Толстая доска понемногу утончается и превращается въ прялку, какъ она изображена внутри еловаго пня. Такимъ

Часть *б*, вырубленная изъ корня *а*, зовется копыдомъ; эту часть баба подсовываетъ подъ себя, когда садится на лавку прѣсть. Широкая часть *в*, въ видѣ лопаты, зовется лопастью. Комъ кудели привязывается къ прялѣ веревочкой, называемой мутовисъ и держится въ зарубкахъ, сдѣланныхъ въ краяхъ лопасти. Сидя на копыдѣ, иѣсколько бокомъ къ лопасти, баба лѣвой рукой тянетъ бородку кудели *г*, причемъ безпрестанно плѣтеть на пальцы, чтобы

¹⁾ Грядками въ избѣ называются шесты, лежащіе однимъ концомъ на норовцѣ, а другимъ вдѣланніе въ стѣну; они служатъ для помѣщенія на нихъ разныхъ домашніхъ вещей. Три способа добыванія деревяннаго огня, отличные отъ приводимаго здѣсь, описаны въ моей книгѣ „Материалы по этнографіи Вологодской губ.“ стр. 41.

нитка лучше скручивалась и, отводя эту нитку отъ себя, крутить ее и навивавть на веретено правой рукой, приводя веретено въ быстрое вращательное движение. Свободная часть нитки между бородкой и вертномъ зовется саженью, веретено-же, когда оно полно нитокъ—простнемъ. Для того, чтобы облегчить и ускорить вращение веретена, на него надѣвается кружокъ (въ другихъ мѣстахъ пресленѣкъ или преслешокъ).

Нитки, напряденныя на веретено, не зовутся нитками, а прѣдено (сущ. средн. рода). Съ веретена предено своевременно перематывается на мотовило. Мотовило (см. рис. 30) состоить изъ дощечки *а*, которая зовется рогомъ; въ нее вставляется калиновый прутъ *б* съ двумя растопыренными сучками; этотъ прутъ и есть собственно мотовило. Держа рогъ въ руки, баба наматываетъ на него нитки, такъ что онъ ложатся между сучками мотовила и охватываются рогъ.

Когда нитки перемотаны, онъ снимаются съ мотовила и золятся, т. е. кладутся въ мокрую золу, потомъ на снѣгъ, гдѣ и отбѣливаются.

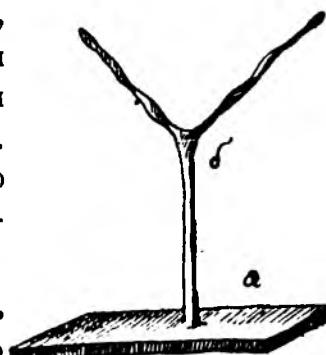

Рис. 30.

Со снѣгу нитки снимаются и кладутся на воробы (рис. 31). Воробы состоять изъ подставки *а*, называемой вьюхой, которая есть ничто, какъ молодая гоненка, вырытая съ корнемъ. Деревцо ставится, какъ показано на рисункѣ, такъ, что корни служать всему инструменту ножками. Въ вершину вколачивается желѣзной гвоздь *б*, а на него надѣваются самые воробы, т. е. сложенные подъ прямымъ угломъ сосновые брускочки *в*, въ концахъ которыхъ прошерчены дырки. Все это вращается вокругъ гвоздя *б*. Въ дырки втыкаются веретёна, а мотъ, т. е. мотокъ нитокъ, накладывается на нихъ.

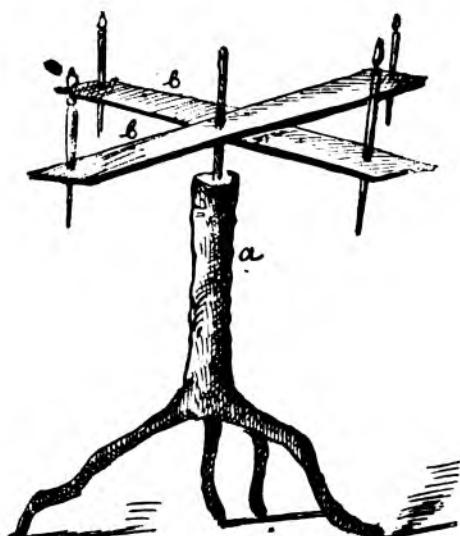

Рис. 31.

Съ воробъ нитки сматываются на тюрикъ. Тюрикъ дѣлается изъ осинового чурбака, выдолбленного внутри насквозь и обрѣзанного снаружи, какъ показано на рис. 32. Весь тюрикъ длиною около 1 арш. и вершковъ 5—6 въ диаметрѣ. Въ верхнее и нижнее отверстіе вставляются кресты изъ березовыхъ брусковъ, въ центрѣ которыхъ прошерчиваются дырки. Въ эти дырки

пропускается березовая спица, которая и служить осью вращения тюрику. Ось вталбливается въ колодку, колодка-же ставится на лавку, какъ показано на рис. 33. Баба садится подъѣ, придерживая одной рукой нитку, спускающуюся съ воробъ, другой она вращаетъ тюрикъ, и нитка перематывается на него. Тюриковъ въ хозяйствѣ, конечно, не одинъ, а сколько надо.

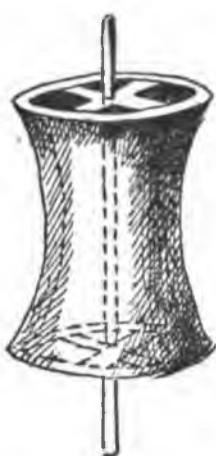

Рис. 32.

Съ тюриковъ нитки перематываются на сновально (см. рис. 34).

Основной столбикъ *а*, длиною сажени двѣ, укрепленъ снизу въ доску, но такъ, что можетъ свободно вращаться въ гнѣздѣ, вверху же входить въ скобу, прибитую къ слегѣ (въ избѣ или на повѣтѣ).

Въ столбикъ входять крестообразно бруски *б*, соединенные по концамъ столбиками *в*. Столбикъ *а* служить осью вращения для сновально.

Со сновально нитки идутъ на навѣни, навоина-же вставляется въ ткацкій станокъ, называемый станиной. Станокъ здѣсь не описывается за сложностью своего устройства.

Рис. 33.

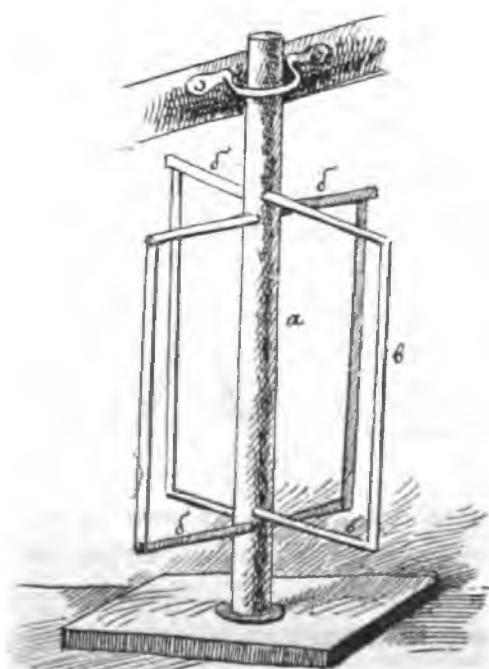

Рис. 34.

Вязанье чулокъ, рукавицъ и перстяточъ спицами распространено между женщинами, но спицы, называемыя иглами, не покупныя, а дѣлаются дома и не изъ стали, а изъ обыкновенной проволоки, верхъ у которой, т. е. поверхность, только осѣдѣтъ напилькомъ, т. е. выгладятъ, на сколько возможно.

О другихъ женскихъ работахъ будетъ упомянуто въ главѣ о мѣстныхъ промыслахъ.

Приготовление некоторых кушаний и напитковъ.

Перечисление деревенскихъ кушаний и способъ ихъ приготовленія читатель найдетъ въ книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губ.“, здесь же я ограничусь описаніемъ приготовленія некоторыхъ кушаний, печенія хлѣба и варки пива и квасу.

Колобки пекутся слѣдующимъ образомъ. Тѣсто „творится“ съ вечера не очень густо на мѣлѣ (т. е. на дрожжахъ; о приготовленіи ихъ сказано дальше). Маленькия желѣзныя сковородки намазываются масломъ, на нихъ наливается изъ квашни тѣсто, и сковородки садятся въ печь, чтобы колобки запеклись. Когда готово, высаживаются на столъ, мажутъ масломъ и посыпаютъ толокномъ.

„Мѣль“ приготавляется такъ: послѣ обѣда, часовъ въ 12, берутъ рошту (солодъ), кладутъ въ туись и разбалтываютъ въ трубяной (колодезной) водѣ. Вечеромъ опускаютъ сюда съ $\frac{1}{4}$ ф. хмель. Тѣсту даютъ ходить до тѣхъ поръ, пока оно получить запахъ вина. Тогда его процѣдываютъ сквозь рѣшето въ другой туись и выносить въ голбецъ, чтобы не перекисло. Этотъ „мѣль“, т. е. дрожжи и кладутся въ квашню для колобковъ и арушниковъ.

Овсяный кисель приготавляется двояко: во-первыхъ, вскипятить въ горшкѣ воду, замѣшать толокномъ и, когда сгустится, їдять горячимъ. Во вторыхъ, въ квашню нальть воды, положить часть ячменной муки и часть макинъ и поставить въ печь, чтобы уварилось. Затѣмъ процѣдить сквозь сито и снова поставить въ печь. Когда сгустится, готово. Їдять горячимъ и холоднымъ, въ скромные дни съ молокомъ и со сметаной, въ постыные съ ягодами и сусломъ.

Толокно приготавляется такъ: овесь просѣвается сквозь рѣшето, обваривается горячей водой и высыпается въ корыто, гдѣ запрѣтъ и дастъ ростки. Когда ростки появятся, овесь высыпается на печной подъ, и здесь онъ просыпается. Затѣмъ, его выгребаютъ въ мѣшокъ, просѣваютъ, чтобы освободить отъ песку и везутъ на мельницу молоть. Получается толокно.

Черный хлѣбъ печется слѣдующимъ способомъ.

Принеся муку изъ погреба въ насыпкѣ (лукощкѣ), баба просѣваетъ ее сквозь рѣшето въ сочельницу (осиновое корытце), а отруби вываливаетъ въ чашку (потомъ они идутъ въ заварку скотилѣ); береть чистую квашню, выливаетъ въ нее маленький ковшъ квасной гущи и до половины квашни воды изъ трубы (т. е. изъ колодца), всыпаетъ муку и размѣшиваетъ ее

мутовкой. Этот процессъ называется растворенiemъ квашни *). Растворъ долженъ быть не очень густъ. Затѣмъ, квашня ставится на теплую печь и закрывается квашеникомъ (скатертью) вмѣстѣ съ мутовкой.

Ночью баба встаетъ раза два, три и смотритъ, „ходить“ ли тѣсто. Утромъ, если оно „выходило“, въ него кладется щепотка соли и баба начинаетъ мѣсить растворъ рукой, подсыпая въ него муки. Когда тѣсто перестанетъ лѣнить къ рукѣ, оно готово.

Затѣмъ квашня остается на лавкѣ, и здѣсь тѣсто поднимается. Когда достаточно поднялось, баба беретъ короноватую (т. е. сплетенную изъ корней) чашку, посыпаетъ ее внутри мукою и повареночкой выкладываетъ въ нее тѣсто изъ квашни. Въ чашкѣ баба катаетъ ковригу, подбрасывая ее такъ, что коврига вылетаетъ изъ чашки и снова падаетъ въ нее. Когда готово, переваливаетъ въ другую чашку, гдѣ тѣсто снова поднимается, закрытое скатертикомъ, особымъ, изложеніемъ для закрыванія ковригъ полотенцемъ.

Печь затопляется тогда, когда баба начинаетъ катать ковриги. Когда печь протопилась, и угли загребены по сторонамъ, баба заметаетъ печной подъ помеломъ. Чтобы узнать степень жара въ печкѣ, баба шаркаетъ по поду острѣемъ лопаты: если изъ подъ лопаты высекаются искры, жаръ слишкомъ великъ, если нѣтъ, то садить можно. Тогда она беретъ чашку, выкладываетъ изъ нея ковригу на лопату и садить въ печь, за ней и прочія ковриги, сколько ихъ есть, и закрываетъ заслонку (труба въ это время уже закрыта).

Чтобы узнать, упекся ли хлѣбъ, баба вынимаетъ одну ковригу изъ печи, беретъ ее въ руки и прикладываетъ къ уху: если въ ковригѣ выпить, хлѣбъ еще не упекся, если ничего не слышно, то онъ готовъ. Ковриги вынимаются лопатой и кладутся въ тѣ же короноватыя чашки; баба беретъ на ладонь воды и смачиваетъ ковриги сверху, для того, чтобы корка не была суха. Послѣ того ковриги закрываются полотенцемъ съ цѣлью дать имъ „отдохнуть“. Черезъ нѣкоторое время ихъ перекладываютъ въ кадду и прячутъ въ голбецъ.

Изъ ржаной муки, кромѣ хлѣба, пекутъ корки подъ рыбу, сочни подъ пироги съ гороховой мукою и подъ картошку. На ржаные же сочни накладываютъ и ясные (ячменные) пироги, т. е. жидкое тѣсто изъ названной муки.

Квасъ. Берутъ глиняный горшокъ, кладутъ въ него ячменной мякины и солоду, льютъ воды и, закрывши закройникомъ (глиняная крышка съ расширениемъ наверху, за которое берутъ эту крышку въ руки; въ южныхъ

*) Надо замѣтить, что квашней зовется какъ кадочка, въ которой разбѣлтывается тѣсто, такъ и самое это тѣсто. Въ южныхъ уѣздахъ губернія такого смышенія названій нѣть. Тамъ кадочка зовется квашонкой, а тѣсто квашней.

уездахъ губерніи она зовется волбхомъ; см. рис. 35) и ставить въ печь, чтобы прокипѣло. Эта жидкость называется прѣголовокъ. Когда печь прогорится и трубу закроютъ, горшокъ снова ставить въ печь и оставляютъ въ ней до утра. Утромъ берутъ кадцу, наливаютъ въ нее холодной воды и выливаютъ въ эту воду прѣголовокъ, опускаютъ туда же и горшокъ,

Рис. 35.

„такъ какъ тутъ слатость“. Въ этой кадцѣ квасъ „живеть“ до тѣхъ поръ, пока мякина не поднимется кверху и не появится пѣна. Тогда квасъ процѣдываютъ сквозь рѣшето въ лагунъ—деревянную кадочку съ квадратнымъ отверстиемъ въ одномъ днѣ, затыкаемымъ втулкой. Лагунъ опускается въ голбецъ, откуда квасъ берутъ, по мѣрѣ надобности, напѣживая его въ жбанъ или братыни.

Пиво. Въ чанѣ наливаютъ холодной воды; изъ этого чана половину воды разливаютъ въ котлы и кипятить „на волѣ“, т. е. гдѣ нибудь на улицѣ. Котель вѣшаютъ при этомъ на треножникъ, сдѣланный изъ трехъ слегъ. Когда вскипѣть, дѣлаютъ заторъ, т. е. въ чанѣ, гдѣ оставалась вода, кладутъ солоду, ржаной муки и опускаютъ снопъ соломы, такъ, чтобы онъ оставался въ стоячемъ положеніи. Внутри соломенного снопа проходить стырь—палка, которая закупориваетъ собою дырку въ днѣ чана.

Вдали отъ дома складываютъ въ груду булыжные камни; обкладываютъ ихъ дровами пирамидально, и дрова зажигаютъ. Камни накаливаются до-красна. Тогда ихъ берутъ щипцами или клещами и опускаютъ въ заторъ.

Щипцы—еловый колъ, расщепленный съ одного конца въ видѣ рогатки и удерживаемый въ этомъ положеніи посредствомъ клина *а* (рис. 36). Щипцы

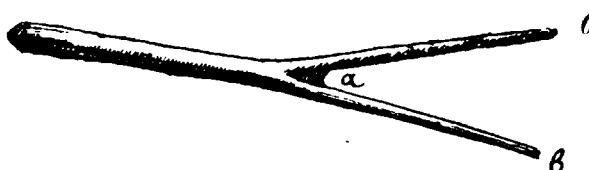

Рис. 36.

берутъ въ обѣ руки и, подпѣшивъ каленый камень на концы *б* и *в*, кладутъ его въ чанъ.

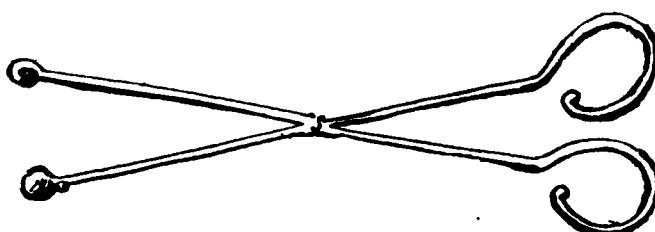

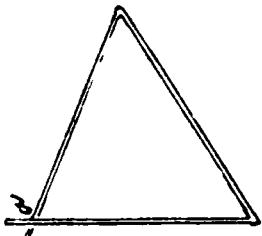
Рис. 37.

Клещи состоять изъ двухъ желѣзныхъ прутьевъ, аршина полтора длиною каждый, соединенныхъ въ точкѣ пересѣченія желѣзнымъ же «шконтикомъ»,

какъ ножницы (рис. 37). На двухъ концахъ пруты завернуты въ кольца, а на противоположныхъ въ узлы.

Надо заметить, что кольца эти, не то что ручки у ножницъ, т. е. расположены не въ одной плоскости съ ножками, а изогнуты вкось, такъ что охватываютъ камень всмъ своимъ краемъ. Берутъ клемцы въ руки за узловые концы, захватываютъ камень кольцами и опускаютъ его въ чанъ.

Отъ каленыхъ камней заторъ начинаетъ кипѣть. Его оставляютъ на полсуготъ на мѣстѣ (а чтобы кто-нибудь не сталъ имъ лакомиться, приставляютъ караульщика). Черезъ полсуготъ въ чану образуется сусло. Чтобы узнать, готово-ли оно, берутъ ржаную соломенку (соломенку) и дѣлаютъ изъ нея окленку, т. е. сгибаютъ соломенку въ формѣ треугольника (см. рис. 38), берутъ этой треугольникъ въ пальцы въ точкѣ *a* и обмакиваютъ въ сусло.

Если сусло поспѣло, то оно затягиваетъ площадь треугольника пленкою на подобіе стекла, если не затягиваетъ—значить не готово. Если сусло готово, вынимаютъ стырь и спускаютъ сусло въ корыто. Снопъ соломы, стоящій въ суслѣ, и служить для того, чтобы мука не проскакивала въ дыру вмѣстѣ съ сусломъ.

Изъ корыта сусло черпаютъ въ котель и кладутъ

Рис. 38. туда хмель. Съ хмелемъ сусло кипѣть на огнѣ ключомъ. Когда остынетъ, процѣдываютъ въ ушаты, ушаты несутъ на повѣтъ и здѣсь переливаютъ сусло въ бочку.

Дѣлается „мѣль“ (см. выше), какъ и для колобковъ, съ токо лишь разницей, что тутъ прибавляется водка. Этотъ мѣль стоитъ въ избѣ сутки и когда «выходитъ», то выливается въ бочку. Тутъ же кладется и хмель, фунта два на бочку.

Пиво начинаетъ бродить. Бродить „по видимости“, т. е. за нимъ наблюдаютъ, и, если броженіе слишкомъ сильно, то отливаютъ часть въ другую бочку. Когда выбродило, его можно нить.

Къ празднику варится, примѣрно, 10 ведерь пива. Угощеніе въ теченіе двухъ, трехъ дней праздника обходится (считая пиво, водку, чай, рыбу и т. п.) рублей въ 15.

На 10 ведерь пива:

Солоду 1 пудъ 1 р. 50 к.

Муки ржаной 1 п. . . . — „ 70 „

Хмель 15 ф. 3 „ — „

Водки — „ 20 „

Итого 5 р. 40 к., т. е. 54 коп. ведро.

Промыслы отхожіе и домашніе.

I. Сплавъ лѣса.

Срубая дерево въ лѣсу, оставляютъ порядочной величины пень; у упавшаго дерева ровняютъ комель, т. е. обрубаютъ прочь косую его часть, затѣмъ, отрубаютъ вершину и сучья и чистятъ кору—если тепло, то скоблемъ, а если морозно—топоромъ. На дровни по срединѣ кладется поперечная колодка, на нее надвигаютъ комлевую часть бревна, привязываютъ веревкою и везутъ на катище, т. е. на берегъ рѣчки, гдѣ сваливаются всѣ вырубленныя деревья и остаются „до воды“, т. е. до вскрытия рѣчки.

Когда ледъ пронесеться, деревья спускаютъ въ воду и начинаютъ ихъ плотить. Спачиванье производится такъ: изъ березовыхъ вицъ (прутьевъ) скручиваютъ кольцо такой величины, чтобы оно свободно охватило два бревна, лежащихъ въ водѣ (см. рис. 39). Затѣмъ, поперекъ бревенъ кладется березовый или сосновый шестъ, называемый ромшиной, кольцо перегибается черезъ него и подъ ромшину просовывается клинъ, какъ показано на рис. 40. Такъ же точно скруплываются, послѣдовательно, и слѣдующія пары бревенъ подъ одною и тую же ромшиной. Скрупленіе бревенъ кольцами производится, само собою разумѣется, и на другой сторонѣ плота. Составленный такимъ образомъ плотъ небольшихъ размѣровъ спускается внизъ по течению рѣчки. Дѣлается другой и третій плотъ, и всѣ они слѣдуютъ другъ за другомъ до впаденія рѣчки въ большую рѣку, гдѣ плоты задерживаются такъ-называемый заплавъ, т. е. рядъ бревенъ, связанныхъ концами другъ съ другомъ веревкою и протягивающихся отъ одного берега рѣчки до другого. Сплавъ деревъ по рѣчкѣ небольшими плотами называется „сплавомъ молѣмъ“.

Когда всѣ плоты готовы и остановились передъ заплавомъ, они связываются въ одинъ плотъ такими же березовыми кольцами, о которыхъ было сказано выше, и образуется поромъ, т. е. огромный квадратъ изъ плотовъ. У нѣсколькихъ плотовъ, оставленныхъ нарочно свободными, разрубаются кольца, и бревна, составлявшія плоты, накатываются на поромъ таѣ, что покрываютъ его вплотную и ничѣмъ не прикрѣпляются.

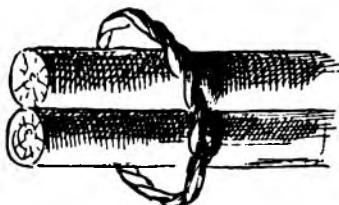

Рис. 39.

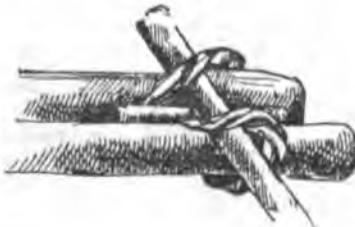

Рис. 40.

На обоихъ концахъ порома кладутъ затѣмъ поперекъ наката трех-аршини-
выхъ чурки *а* и привязываютъ къ накату кольцами. Поперекъ чурокъ кла-
дется собачина *б*, т. е. бревно вершка два въ отрубѣ, и прикрѣпляется къ

чуркамъ тоже кольцами. Въ собачинѣ дѣлаются
рыбыши (вырубки), въ которыхъ вклады-
ваются гребкѣ *в*, еловыя слеги съ расшире-
ніемъ на концѣ въ видѣ весла (рис. 41). На
внѣшней сторонѣ гребковъ дѣлаются вы-
рубки, непозволяющія гребкамъ скользить по
собачинѣ. Гребки служатъ для того, чтобы
править плотомъ „по материку“, т. е. за-
ставлять поромъ идти параллельно берегамъ
рѣки. Такъ какъ поромъ движется силою
текенія, то гребки не служатъ веслами, а ру-
лями. Гребковъ устанавливаются на каждомъ
концѣ порома по шести и больше.

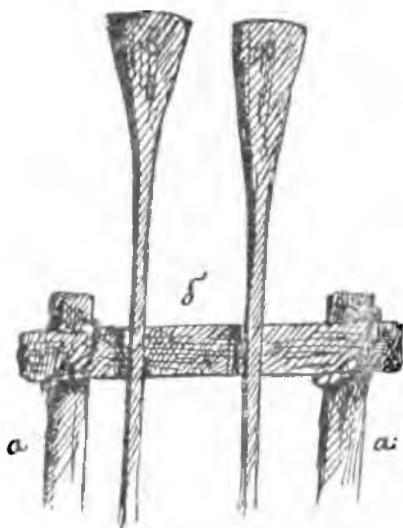

Рис. 41.

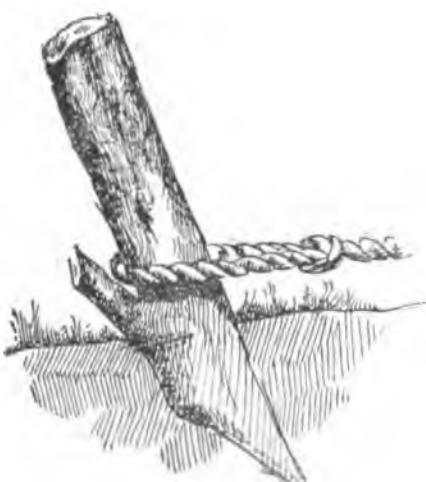

Рис. 42.

На поромѣ устанавливаются шалаші
изъ еловой скаги (коры), которая сгибається
полукругомъ. Шалашъ служить для
защиты поромщиковъ отъ непогоды и
для ночлега. Подлѣ шалаша на по-
ромѣ накладывается земля и на ней
разводится огонь, на которомъ пором-
щики варятъ себѣ пищу. На каждомъ
поромѣ находится четыре или пять
лодокъ для выѣзда на берегъ и для
другихъ надобностей.

Когда желаютъ остановить поромъ,
то употребляютъ приколъ (рис. 42). Это
березовый обрубокъ, аршина два дли-
ною, стесанный на одномъ концѣ въ
острѣ, сбоку же у прикола оста-
вляется сукъ.

Выѣзжаютъ на берегъ хвататься, т. е. всаживаютъ въ землю острый
конецъ прикола и накидываютъ на него снасть, т. е. веревку, завязанную въ
штагъ и другимъ концомъ прикрѣпленную къ порому. Поромъ идти впередъ
и приколъ, естественно, начинаетъ „буровать“ землю, сукъ же служить при
этомъ для того, чтобы веревка не касалась земли. Когда приколъ вырветъ,
его хватаютъ, бѣгутъ впередъ и снова всаживаютъ въ землю. Такъ повторяется

до тѣхъ поръ, пока поромъ наконецъ не остановится. При этомъ бываютъ несчастные случаи съ рабочими, которые хватаются. Всадивъ приводъ въ землю, работнику налагается на него всѣмъ тѣломъ и тащится на приводъ, который идеть впередъ и вырывается въ землю канаву. Зачастую приводъ выскакиваетъ и отбрасываетъ работника на нѣсколько саженей впередъ и, случается, убивается.

Плата за вырубку лѣса, возку его на катаще, выгонку до большой рѣки и сплачиваніе полагается по 60 коп. съ дерева. Дальше нанимаются другіе люди, которымъ платить каждому по 15, 16 и 17 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харахъ за сплавъ порома напр. отъ Котласа до Архангельска, т. е. на разстояніи 600 верстъ. Время, потребное для такого сплава, весьма различно: оно зависитъ отъ состоянія погоды и разныхъ случайностей. Сплавъ лѣса отъ Котласа до Архангельска длится иногда мѣсяцъ, даже два, бываетъ же, что „сплываютъ“ и въ 11 дней. По течению, т. е. силою воды, поромъ движется обыкновенно до устья р. Пинеги (Усть-Пинеги, какъ говорить народъ), собственно пониже верстъ на 5, отсюда-же поромы бусяриются до Архангельска пароходами, такъ какъ въ Усть-Пинегѣ оказываетъ уже свое дѣйствіе морской приливъ, приливъ же потащить поромъ обратно, т. е. вверхъ по рѣкѣ.

„На сплавъ“.

Когда уговорились идти „на сплавъ“, и пришло время отхода, надѣваются кафтанъ на мѣху съ борами (полушубокъ), на ноги лапти или катаники, въ сумку (сумку) за плечами кладутся черные сухари, три рубахи и трое подштанниковъ, шило, иголка, нитки, сапоги, у кого они есть, связываются и перекидываются черезъ плечо. Денегъ берутъ съ собой, примѣрно, рублей 10 на троихъ.

Когда все готово, прощаются съ домашними, обнимаются, цѣлуются; домашніе провожаютъ недалеко. Въ ближней церкви служатъ напутственный молебенъ.

Въ данномъ случаѣ троимъ—отцу и двумъ его взрослымъ сыновьямъ—предстоять путь пѣшкомъ отъ Котласа (60 верстъ ниже Устюга по Двинѣ) до Вологды, т. е. 526 верстъ.

Вышли на 3-ей недѣлѣ Великаго поста, въ концѣ февраля; стояли еще морозы. Планъ былъ такой: дойти до Вологды и оттуда, по вскрытии рѣкъ, спуститься на баркѣ въ качествѣ судорабочихъ, до Архангельска, затѣмъ вернуться домой на пароходѣ.

Въ первый день прошли 40 верстъ до Чуркина на Двинѣ, здѣсь пере-

ночевали у родственника и на следующий день пришли въ Устюгъ. Въ Устюгъ остановились на постояломъ дворѣ; за ночлегъ взяли 3 коп. Уху изъ трески варили въ трактирѣ: 11 коп. на троихъ, хлѣбъ свой. Затѣмъ, дальше ночлеги были по деревнямъ; заходили туда, гдѣ пускали; за ночлегъ никогда ничего не требовали, а накармливали за плату по 3 коп. съ человѣка.

Такъ дошли до Вологды въ концѣ марта. Здѣсь отыскали одного судовладѣльца и снялисъ къ нему на барку. Квартира была дана отъ хозяина, но хлѣбъ свой. Работа до вскрытия рѣки состояла въ одалбливаніи льда вокругъ хозяйственныхъ судовъ; плата за это и за нѣкоторыя другія работы по 40, 50 и 60 коп. въ день на человѣка, смотря по роду работы; расчетъ разъ въ недѣлю, по субботамъ.

Когда ледъ пронесло, принялись поспѣшио за нагрузку судовъ: мукой, льнянымъ сѣменемъ, льномъ, колониальнымъ товаромъ.

По окончаніи нагрузки хозяинъ отслужилъ молебенъ на каждомъ суднѣ. Пришедшіе помѣстились всѣ троє на одной баркѣ. Рабочихъ нарядили кого къ гребкамъ, кого къ поножамъ. На баркѣ гребки—огромныя весла, спускающіяся въ воду съ палубы барки по бокамъ ея; поножами длинныя весла, одно на носу, другое на кормѣ. Гребками гребутъ не постоянно, а тогда лишь, когда барка сойдетъ съ фарватера, поножами же править постоянно. При противномъ или боковомъ вѣтре идти нельзя, тогда пристаютъ къ берегу и выжидаютъ „пѣвѣты“.

Особой каюты для ночлега рабочимъ на баркѣ нѣть; спать внутри барки, прямо на товарѣ. Пища дается отъ хозяина, кроме хлѣба и масла (для каши), которые свои;—ши или уха, каша пшеничная или овсяная и мясо, все свѣжее и хорошее ¹⁾). Передъ обѣдомъ и ужиномъ даютъ по стакану (чайному) водки, а въ праздники по три стакана въ день. Кто не пьетъ водки, получаетъ взамѣнъ ея по 10 коп. за стаканъ.

Плата рабочимъ обусловливается силами ихъ и способностями. Въ данномъ случаѣ отцу было назначено 25 р., старшему сыну 17 р., меньшему 16 р. Это плата за весь путь отъ Вологды до Архангельска. Деньги были выданы тогда лишь, когда барку поставили въ Архангельскѣ на мѣсто.

Спрашивается: что же осталось у нашихъ троихъ „сплавныхъ“, когда они вернулись домой послѣ двухмѣсячныхъ невѣроятныхъ трудовъ, усилий и

¹⁾ Иначе и быть не можетъ, потому что судно, нагруженное товаромъ на нѣсколько тысячъ рублей, передается вполнѣ на волю судорабочихъ. Малѣйшая обида или неудовлетвореніе законныхъ ихъ желаній (напр. хорошая пища) со стороны хозяина или его приказчика могутъ повлечь за собою гибель судна и взыскать за это съ рабочихъ нищихъ, конечно, ничего нельзя. Но всякий сплавной товаръ бываетъ обыкновенно застрахованъ.

лишений? Десать рублей у нихъ были взяты съ собою на дорогу; они ихъ и проѣли. Въ Вологдѣ что выручили подѣнной работы до вскрытия рѣки— тоже проѣли. Затѣмъ, во время пути отъ Вологды до Архангельска и отъ Архангельска до дому (600 верстъ) проѣдено 10 р., всего прожито 20 р. Получено-же 58 р., стало быть, чистаго барыша осталось 38 р., т. е. 21 коп. на человѣка въ день. Эти оставшіяся въ рукахъ деньги зовутся суховыми.

Рыболовство.

Рыбу ловить въ р. Двинѣ, въ рѣчкахъ и озерахъ различными снастями и ловушками, а именно:

Какъ только пронесеть ледъ, выѣзжаютъ на рѣку съ неводомъ. Неводъ бываетъ длиною до 100, даже до 150 саженей и принадлежитъ обыкновенно тремъ или четыремъ владельцамъ. Столбы, т. е. полосы, изъ которыхъ состоятъ неводъ, вяжутся, замою мужчинами, изъ льяныхъ или конопляныхъ нитокъ. Столбы спиваются вмѣстѣ и образуютъ прямоугольникъ *a*, *b*, *c*, *d* (см. рис. 43). По краямъ *a* и *b* пришиваются къ неводу веревки, которыя на нѣкоторомъ разстояніи связываются вмѣстѣ, и затѣмъ идетъ одна длинная

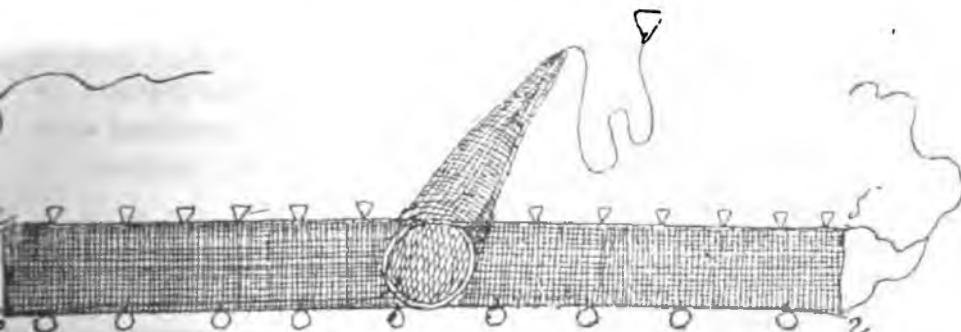

Рис. 43.

веревка, за которую рыболовы и волокутъ неводъ. По нижнему краю невода прикрываются камни, завернутыя въ берестяныя ленты; камни эти зовутся кибасѣ (един. кибась); они служатъ для загруженія невода въ воду, въ верхнемъ-же краю наплавкѣ (см. рис. 44)—треугольные деревянныя дощечки съ дыркой въ одномъ углу, куда и продѣвается веревка, прикрывающая наплавку. Въ серединѣ невода вставляется, тоже вязанная изъ нитокъ, матица, имѣющая видъ мышка. Къ концу ея на длинной веревкѣ привязывается наплавка, который и вслѣдъ всплываетъ на поверхность воды.

Съ неводомъ выѣзжаютъ на рѣку въ лодкѣ, закидываютъ его и плывутъ снова къ берегу. Тащать неводъ за боковыя веревки

Рис. 44.

не съ лодокъ, а по берегу, причемъ рыба, захваченная неводомъ, входитъ въ матицу и наполняетъ ее.

Владѣльцы невода дѣлятъ пойманную рыбу—крупную поштучно, а мелкую на вѣсъ или чашками.

Бреднѣкъ похожъ на неводъ, но меньше его,—сажень 15, 20, тоже имѣть матицу. Имъ бродатъ рыбу въ озерахъ—щучекъ, „карасѣвъ“ и т. п.

Мерѣжа представляетъ двѣ сѣти—одна съ крупными, другая съ мелкими ячейками. Онѣ накладываются одна на другую и спиваются по краямъ и по серединѣ. Мережа устанавливается въ рѣчкѣ въ вертикальномъ положеніи посредствомъ двухъ шестовъ, втыкаемыхъ въ дно.

Чтобы загнать въ сѣть рыбу употребляютъ ботъ (см. рис. 45). Это длинный шестъ съ расширеніемъ на концѣ. Расширенная часть выдалбливается внутри въ видѣ колокола. Рыболовъ, держа шестъ въ рукахъ за середину, хлопаетъ ботомъ по водѣ и этимъ стукомъ пугаетъ рыбу и загоняетъ ее въ мережу.

Ловля рыбы посредствомъ киньги производится такъ.

Подходящее озерко „переваливается“ поперекъ ночью“, т. е. вкопачиваются два ряда кольевъ и между ними насыпается земля, такъ что образуется плотина, называющаяся Ѳзомъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой плотины оставляются проходы, такъ называемыя ворота. Въ этихъ воротахъ закладываются киньги *a* и *b*, такъ что рыба, переходящая сквозь ворота изъ одной части озера въ другую, попадаетъ въ соответствующую киньгу.

Рис. 45.

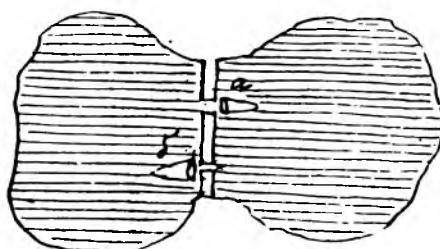

Рис. 46.

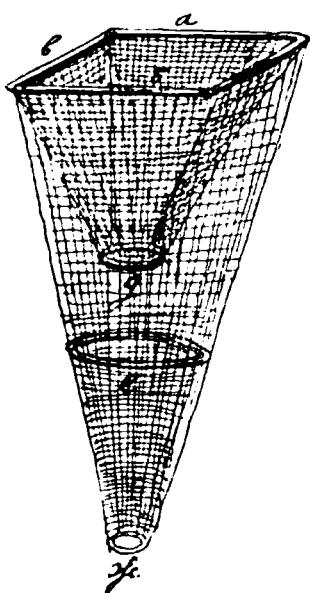
Киньга (рис. 46) устраивается такъ: берутъ два сосновыхъ бадожка *a* и *b* и къ нимъ по концамъ привязываютъ прочные ивовые вицы *c* и *d*, такъ что образуется прямоугольникъ; онъ зовется творѣломъ. Тогда къ нему начинаютъ прикрѣплять особымъ способомъ ивовые вицы, сгибаю ихъ вокругъ бадожка и боковыхъ вицъ и оставляя концы пока свободными. Вицы эти ложатся вплотную одна подлѣ другой вокругъ всего творѣла. Затѣмъ, ихъ начинаютъ переплетать поперекъ тоненькими вицками, съуживая постепенно и отрывая по угламъ известное число вицъ, для того, чтобы образовалась четырехгранныя пирамида. Въ вершинѣ ея оставляется круглое отверстіе, называемое горломъ *d*. Вся эта корзинка зовется языкомъ.

Когда языкъ готовъ, къ нему начинаютъ придѣлывать матицу, т. е.

боковыхъ вицъ и оставляя концы пока свободными. Вицы эти ложатся вплотную одна подлѣ другой вокругъ всего творѣла. Затѣмъ, ихъ начинаютъ переплетать поперекъ тоненькими вицками, съуживая постепенно и отрывая по угламъ известное число вицъ, для того, чтобы образовалась четырехгранныя пирамида. Въ вершинѣ ея оставляется круглое отверстіе, называемое горломъ *d*. Вся эта корзинка зовется языкомъ.

вторую наружную пирамиду или корзинку, тѣмъ же способомъ, какъ плетется и языкъ (рис. 47).

На некоторомъ разстояніи отъ горла ∂ въ матицу вставляется кольцо e , съ тою цѣлью, чтобы она не приняла сплюснутый видъ. Въ нижнемъ концѣ матицы находится отверстіе \mathcal{J} , зовущееся жопой; оно затыкается клочкомъ сѣна, называемымъ вехотью (рис. 48).

Plat. 47.

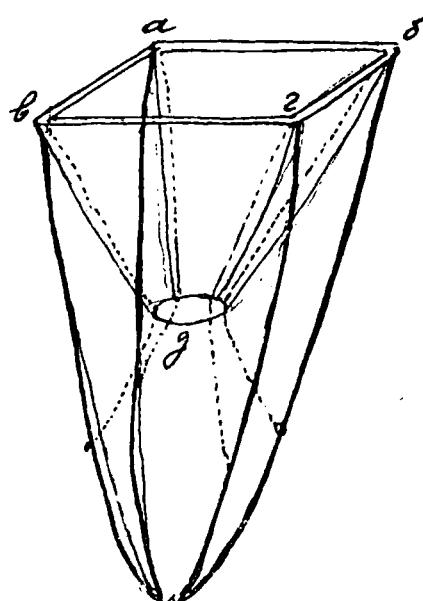

FIG. 48.

Когда плотина черезъ озеро и ворота въ ней готовы, кинъга погружается въ воду и укрывается въ воротахъ. Рыба входить черезъ творило въ языки, проходить черезъ горло въ матицу и тамъ остается. Кинъгу вытаскиваютъ изъ воды, вынимаютъ вехоть изъ отверстія ж и, посредствомъ встягиванія выкладываютъ черезъ это отверстіе рыбу.

Вместо киньги въ ворота закладывают и морды (рис. 48). Морда дѣлается такъ: къ творилу *a* в *g* пришивается сѣть изъ нитокъ съ отверстіемъ въ вершинѣ *d*, тоже зовущаяся языкомъ, какъ и въ киньгѣ. Къ тому же творилу пришивается длинная (аршина $1\frac{1}{2}$ — 2) сѣть въ видѣ мѣшка, но безъ отверстія въ вершинѣ и распирается лучками, обозначенными на рис. 48 толстыми линіями. Мѣшокъ этотъ тоже зовется матицей. Для того, чтобы языкъ не спадался, отъ угловъ творила пропускаются въ отверстіе *d* четыре нитки, которыя концами своими прикрѣпляются къ лучкамъ; на рисункѣ онѣ обозначены пунктиромъ.

Весною, когда уже начнет спадать вода, между озерками образуются протоки, зовущиеся бороздами. Въ такой бороздѣ выбираютъ удобное мѣсто

и втыкаются на томъ и другомъ берегу шесты въ видѣ козель, какъ показано на рис. 49, въ развилины-же шестовъ кладется жердь.

Рис. 49.

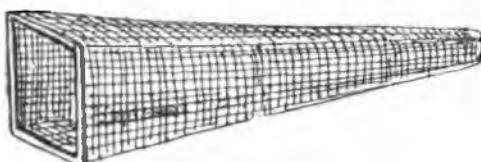

Рис. 50.

рыбы производится посредствомъ сурны (рис. 50). Сурна видомъ похожа на киньгу, но представляетъ одну корзинку, сплетенную изъ ивовыхъ вицъ и не имѣть на заднемъ концѣ отверстія.

Въ дно рѣчки вкочиваются волы и переплетаются въ поперечномъ направленіи вицами. Въ одномъ мѣстѣ этой загородки, называемой ъзомъ, оставляются ворота. Въ воротахъ на дно рѣчки кладется бѣрдо, т. е. слой сѣна или еловой лапы, который прикрѣпляется къ землѣ четырьмя крюками. Бѣрдо служить для того, чтобы вода не выбила въ воротахъ ямы и рыба не стала бы проскальзывать мимо сурны. Сурна просто вставляется въ ворота безо всякой закрѣпки и держится напоромъ воды. Рыба, попавшая въ сурну, не можетъ выйти обратно, тоже потому, что вода ее не пускаетъ.

Фитиль (рис. 51)—большой снарядъ для ловли рыбы въ рѣкахъ и озерахъ. Онъ устраивается такъ.

Къ большому кольцу изъ вересковаго (можевеловаго) или ивового прута *a* прикрѣпляется связанный изъ линяныхъ нитокъ языкъ *b*, который удерживается отъ спаданія нитками, идущими отъ кольца къ другому кольцу изъ ивового прута *c* (на рисункѣ эти нитки не показаны). Къ тому же кольцу *a* прикрѣпляется матица *a* *z*, въ которую входитъ языкъ и которая распerta ивовыми кольцами *c*, *d*, *e*. Къ вершинѣ матицы прикрѣплено ивовое же

Сосновыя дранки въ палецъ толщиною, называемыя стружъ, вкочиваются въ дно борозды такъ, что свободными концами своими прислоняются къ шесту. Неподалеку отъ того или другого берега борозды въ стружѣ дѣлаются ворота, въ которыхъ и вставляется киньга, обращенная твориломъ противъ теченія. Рыба, проходящая по бороздѣ, попадаетъ въ киньгу. Весь этотъ снарядъ цѣликомъ зовется запрѣтомъ.

Въ быстрыхъ рѣчкахъ ловля

кольцо *ж*; въ него втыкается шестикъ *з*, для того, чтобы удерживать снарядъ на мѣстѣ и не давать ему передвигаться отъ теченія воды.

Къ тому-же кольцу *а* привязываются два крыла *и* и *ж*, аршина по 2 длиною каждое. Они удерживаются въ стоячемъ положеніи посредствомъ двухъ шестовъ *л* и *м*, вбитыхъ въ дно рѣки и торчащихъ надъ водою, тогда какъ весь фитиль скрытъ въ водѣ.

Ячей у этого снаряда крупный, и въ него попадаетъ крупная рыба: лещи, язи, щуки.

Осеню, по первому ледку, ловятъ посредствомъ поводка (рис. 52) налимовъ.

Несколько нитокъ изъ самого чистаго льна ссыкаются въ одну. Эта толстая и крѣпкая нить и есть поводокъ. Къ концу ея привязывается двойница, т. е. развоенія и на концѣ снова связанныя нить. Къ оконечности этой двойницы прикрѣпляется желѣзный крюкъ, а на него насаживается нахѣва — маленький живой налимчикъ. Верхній конецъ поводка привязывается къ небольшому шестику, который зовется шатиной.

Во льду проколачивается пролука, т. е. отверстіе, въ которое опускается поводокъ съ налимчикомъ, за ними и шатиной; послѣдняя втыкается въ дно рѣки. Налимчикъ начинаетъ плавать и водить за собою поводокъ, большой налимъ проглатываетъ маленькаго и попадается на крюкъ.

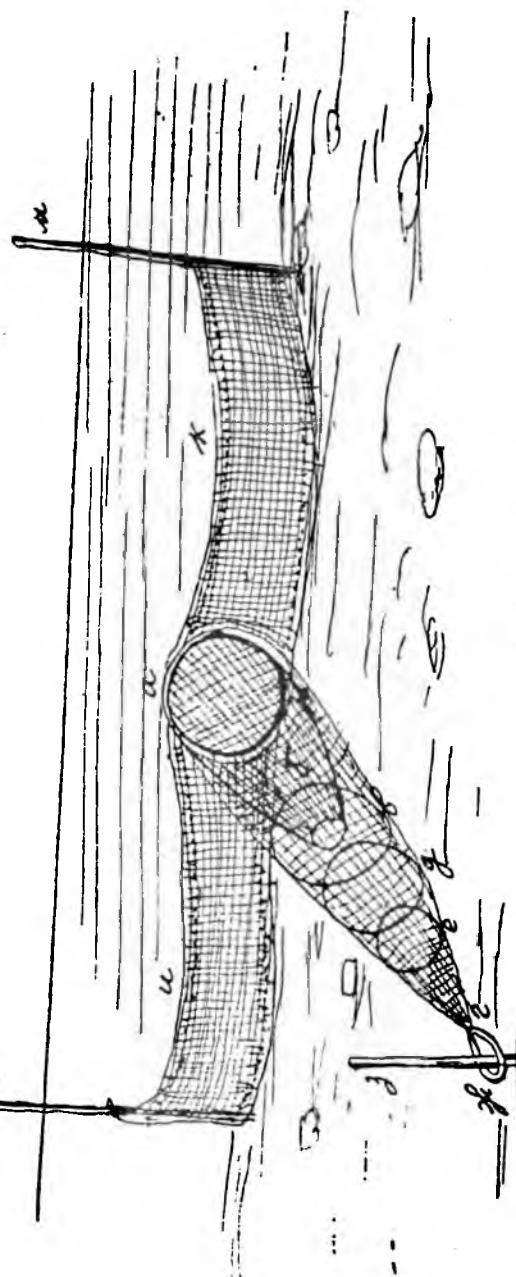

Рис. 51.

Когда ледъ сдѣлается толще, тогда ловить налимовъ на тыкалѣ (рис. 53). Дѣлается рѣчной крюкъ, т. е. берется шесть сажени, 3 длиною, и въ одинъ концѣ

Рис. 52.

въ другой же конецъ вколовчивается же-
го выдалбливается небольшая впадина,
льзинный крюкъ и прикрепляется саргой,
т. е. полоской листового жалѣза. За-
тѣмъ берутъ нѣсколько сосновыхъ
палочекъ съ пол-аршина длиной, за-
остряютъ ихъ съ одного конца, другой
же конецъ вкладываютъ въ отверстіе,
выдолбленное въ шестѣ (см. рис. 53),
такъ, чтобы тыкалѣкъ не выпадалъ.
Къ тыкалѣку привязываются такие же
точно поводки, какъ было объяснено
выше, и тыкалѣкъ вмѣстѣ съ повод-
комъ опускаютъ въ прорубь. Когда
коснутся оконечностью тыкалѣка дна
рѣки, шесть нажимаютъ, и тыкалѣкъ
входить на половину въ землю. Шесть

вынимаютъ вонъ и такимъ же образомъ втыкаютъ второй, третій
и всѣ остальные тыкалѣки.

Когда предполагаютъ, что налимъ уже попался на пово-
докъ, опускаютъ шесть въ прорубь тѣмъ концомъ, на которомъ
насаженъ крюкъ, и стараются поймать этимъ крюкомъ пово-
докъ, лежащій на днѣ. Если поводокъ поднимается безъ со-
противленія, это значитъ, что налимъ не попался, тогда по-
водокъ выпускаютъ и пробуютъ другой поводокъ и т. д.

Рис. 53.

Маленькихъ налимчиковъ, какъ наживку, ловить заранѣе
въ озерахъ и рѣчкахъ и держать въ ведрѣ; отправляясь же
на ловлю, ведро ставятъ на „саночки“, т. е. салазки, на
саночкахъ же везутъ и ушатъ съ водою, въ который садятъ
потомъ выловленныхъ налимовъ, если хотятъ продавать ихъ
живыми, если же нѣть, то закалываютъ тутъ же на мѣстѣ и
замораживаютъ. Налимы попадаются вѣсомъ отъ 5 ф. до полу-
пуда.

Ловля съ лучомъ.

Осеню, по первому льду, но еще до выпаденія снѣга, берутъ „санки“,
топоръ, зобину или пестерь, наполненные смольемъ (изрубленныя смолистныя части
сосноваго дерева), кій—деревянный молотокъ, подобный тому, какой употреб-
ляется

блется при конопаченіи дома и острогу, или же обыкновенную сковороду со сковородникомъ и вечеромъ отправляются на ловлю.

Но сперва два слова объ устройствѣ острогѣ. Въ деревняхъ по Суходѣ, въ другихъ уѣздахъ Вологодской губ., а также и на Двинѣ въ Архангельской, въ осенне вѣчера ловятъ рыбу съ лучомъ („лучатъ“), разъѣзжая въ лодкѣ съ желѣзной „козой“, т. е. вилкой или иного устройства снарядомъ, гдѣ горить смольѣ, освѣщающее воду, и рыболовъ, стоящій въ лодкѣ, закалываетъ рыбу острогой, т. е. желѣзнымъ четырезубцемъ, насаженнымъ на палку. Въ описываемомъ же мною мѣстѣ на Двинѣ, близъ устья Вычегды, съ лучомъ за рыбой неѣздятъ и острогой зовутъ здѣсь снарядъ, не имѣющій никакого сходства съ четырезубцемъ. Здѣсь острога дѣлается мѣстными кузнецами и состоять изъ четвероугольника, составленнаго изъ положенныхъ крестообразно, т.

е. рѣшеткой полосъ листового желѣза съ загибомъ по краю (рис 54). Съ одной стороны этого желѣзного ящика приධѣлана трубка, въ которую вставляется деревянная ручка, къ загибамъ же вдоль края ящика приклепываются небольшія полоски желѣза въ стоячемъ положеніи.

Дно остроги дѣлается въ рѣшетку съ двоякою цѣлью: чтобы перегорѣвшее смольѣ высыпалось вонъ и чтобы огонь освѣщалъ ледъ и подъ острогой, тогда какъ при употребленіи вмѣсто остроги сковороды, послѣдняя бросаетъ отъ себя внизъ обширную тѣнь, мѣшающую разглядѣть рыбу.

И такъ рыболовы, сойдя съ берега въ рѣку, идутъ по льду близъ берега, гдѣ неглубоко кладутъ на острогу (или сковороду) смолья и зажигаютъ его. Стоящая (и спящая) въ водѣ рыба видна отчетливо сквозь прозрачный ледъ. Замѣтивъ ее, одинъ изъ рыболововъ ударяетъ надъ нею кіемъ по льду и оглушаетъ ее. Тогда прорубаютъ топоромъ ледъ и вытаскиваютъ рыбу. Это дѣлается поспѣшно, потому что черезъ нѣкоторое время рыба оживаетъ.

Въ закрытыхъ, т. е. не имѣющихъ стоковъ озерахъ, бываетъ, „дохнетъ“, т. е. задыхается отъ недостатка воздуха подо льдомъ. Вода въ такомъ озерѣ дѣйствительно дѣлается „кислою“, т. е. вонючкою и негодною къ употребленію. Въ такихъ озерахъ рыболовы прорубаютъ во льду дыры аршина два въ квадратѣ и сакаютъ рыбу черезъ прорубь во множествѣ посредствомъ сака, т. е. сѣти въ видѣ мѣшка, пришитой къ вольцу съ ручкой.

Берданой ъѣзъ.

Берутъ двѣ большихъ деревянныхъ планки, кладутъ ихъ параллельно

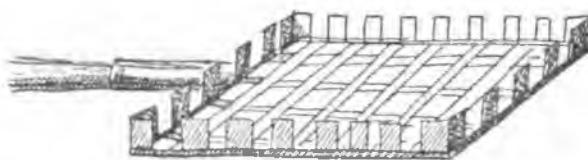

Рис. 54.

на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и поперекъ ихъ слой соломы, сѣна или еловой лапы; солома или сѣно прижимаются другой парой планокъ и затѣмъ эти планки связываются попарно въ трехъ мѣстахъ (рис. 55).

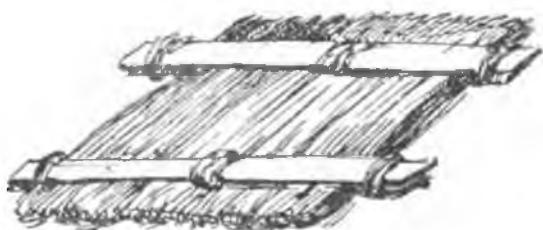

Рис. 55.

майнай; шириной она съ четверть аршина. Въ эту майну начинаютъ опускать бѣрда, такъ, чтобы они становились ко дну озера и ко льду подъ прямымъ угломъ. Въ известномъ мѣстѣ дѣлаютъ пропускъ, т. е. ворота, и затѣмъ продолжаютъ ставить въ воду бѣрда вплоть до другого берега. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ одного бѣрда недостаетъ, въ воротахъ, во льду, дѣлаютъ прорубь по формѣ и величинѣ киньги. У краевъ этой проруби вбиваются въ дно озера колья, а между ними опускается въ воду киньга, въ которую и попадаетъ рыба (рис. 56).

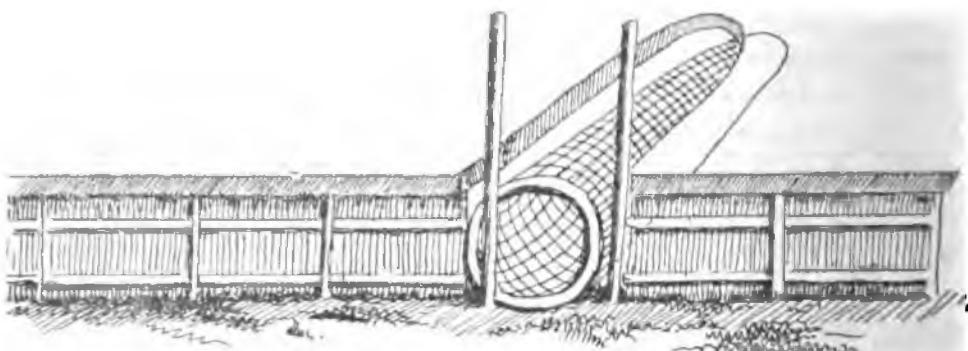

Рис. 56.

Иловленная тѣмъ или другимъ способомъ рыба сохраняется въ садкахъ, которые бываютъ двухъ видовъ: четырехугольные и треугольные.

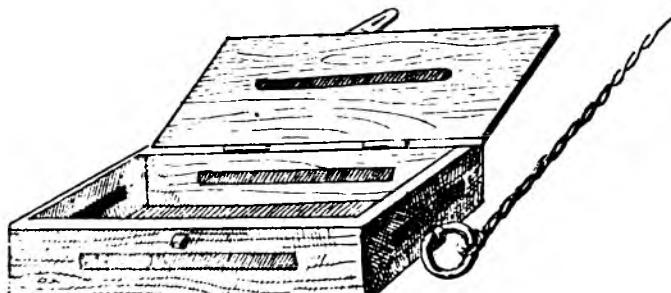

Рис. 57.

Четырехугольный садокъ представляетъ ящикъ аршина 2 длины, 1—1¹/₂

ширины и до полъаршина высоты, сколоченный изъ досокъ (рис. 57). Крышка ходить на петляхъ и къ ней приколоченъ пробой, который накладывается на петлю въ передней стѣнкѣ для запиранія садка висачимъ замкомъ. Въ одну изъ

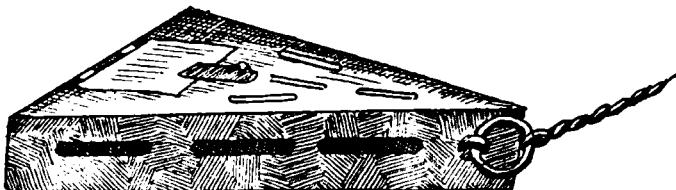

Рис. 58.

боковыхъ стѣнокъ ввинчивается кольцо; къ нему привязывается веревка однимъ концомъ, а другимъ къ колу, вбитому въ землю. Въ днѣ, крышки и четырехъ стѣнкахъ ящика прорѣзываются щели для того, чтобы вода могла свободно протекать черезъ садокъ. Будучи опущенъ въ воду, садокъ держится на поверхности воды. Треугольный садокъ таковъ, какъ показано на рис. 58.

Ловля звѣрей и птицъ.

Ловля звѣрей и птицъ не особенно развиты въ описываемой мѣстности. Зайцевъ, медвѣдей и волковъ ловятъ капканами не своей работы. Этихъ же животныхъ бывать и изъ ружей одностволовокъ, онъ покупаются готовыми въ городахъ. Горностаевъ ловятъ осенью, когда они уже побѣгли, именно ставить около норки мережку, составленную изъ двухъ сѣтокъ—одной съ крупными ячесами и другой съ мелкими, сплѣтыхъ вмѣстѣ по краямъ. Выйдя изъ норки, звѣрокъ запутывается въ сѣткахъ и остается въ нихъ.

Что касается ловли птицъ, то заслуживаютъ вниманія два способа этой ловли—пленицей и сѣльемъ.

Пленицей ловятъ преимущественно утокъ въ весеннее время. Берутъ толстую нитку аршина 3—4 длиной, складываютъ пополамъ, такъ что образуется двойная вить и концы ея привязываютъ къ двумъ вичкамъ, которые и втыкаются въ землю гдѣ нибудь на прошлогодней живѣ. Изъ конского волоса дѣлается

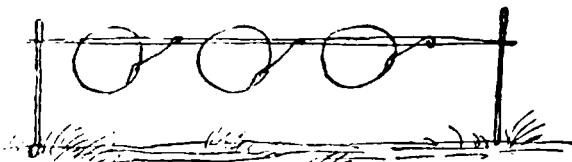

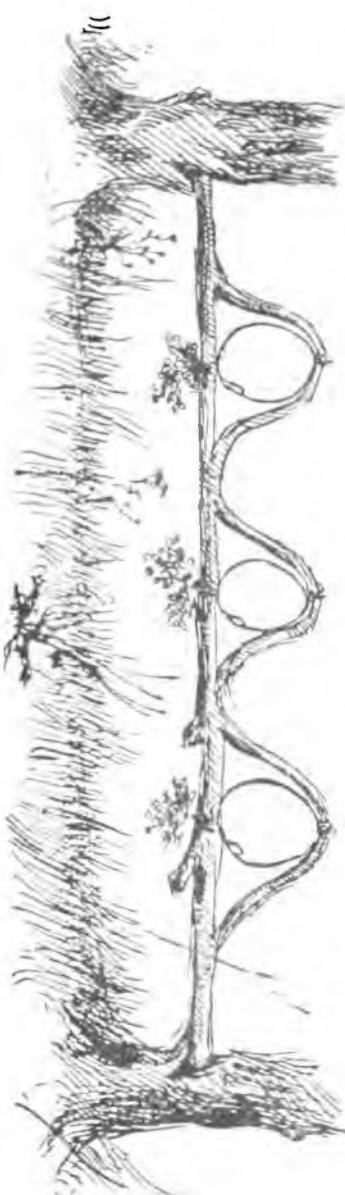
Рис. 59.

петля; конецъ волоса привязывается къ натянутымъ между вичками нитямъ, петля раздвигается и верхній край ея просовывается между нитями (рис. 59). Утки, бродя весною по живѣ и отыскивая себѣ тамъ пищу, попадаютъ головою въ петлю, и она ихъ давить.

Сѣлье дѣлается такъ: выбираютъ въ лѣсу двѣ стоящія неподалеку одна отъ другой сосны, дѣлаютъ въ нихъ топоромъ зарубки и въ этихъ зарубкахъ

укрѣпляютъ еловую хвостинку съ сучьями на одной сторонѣ, обращенной кверху. Два сосѣднихъ сучка пригибаются другъ къ другу и связываются вершинками, такъ что образуютъ полукругъ (рис. 60).

Рис. 60.

Изъ тонкой мѣдной проволоки дѣлаются петли, которыя и укрѣпляются въ промежуткахъ между сучьями, подъ петлями-же привязываются къ хвостинкѣ кисти рабиновыхъ или калиновыхъ ягодъ, какъ приманка. Птица садится на хвостинку между сучьями, наклоняетъ голову, чтобы достать ягоды и петля затягиваетъ ей шею. Такъ ловятъ рабчиковъ, тетерекъ, куропатокъ.

Довольно оригиналъ способъ ловли дикихъ гусей на картофель. Гдѣ нибудь на высокой верѣтѣ (горушкѣ), незатопляемой весеннею водою, втыкается накрѣпко въ землю сосновый колышекъ съ полѣршиной величиной. Къ нему привязывается тоненькая веревочка около трехъ четвертей длиною съ рыболовнымъ крючкомъ на концѣ. На крючекъ, какъ приманка, насаживается небольшая картофелина, которая и ложить въ травкѣ. Гусь, найдя эту картофелину, проглатываетъ ее и попадается на крючекъ.

Суда и лодки.

Баржи — огромныя суда (бывають до 40 саж. длиною), строятся въ Устюгѣ; служатъ для перевозки разной клади въ Архангельскъ и обратно. Самостоятельно не плаваютъ, а буксируются пароходами.

Барки, тоже строятся въ Устюгѣ, величиною 16—18 саж. Служатъ только для сплава разнаго товара въ Архангельскъ, а назадъ не возвращаются. По выгрузкѣ продаются на сломъ и идутъ на постройку мостковъ (тротуаровъ) и заборовъ.

Тыфинка (тихвинка) — большая лодка, имѣть нижнюю палубу прямую; на эту палубу и укладывается товаръ; надъ нею зонтъ, т. е. верхняя, вы-

пуклая палуба изъ тесу съ перильцами по бортамъ. Въ бокахъ и спереди зонта дѣлаются дверцы для входа; въ кормѣ отгораживается крошечная каютика для хозяина. Тихвина имѣеть мачту; къ мачтѣ прикрѣпляется бечева, посредствомъ которой судно тянутъ иѣсколько лошадей, идущихъ по бечевнику. На концѣ бечевы находятся веревочные вѣтки, называемыя подмѣдками; къ подмѣдкамъ пристегиваются лошади. Лошадьми править и погоняеть ихъ коноводъ; на суднѣ править рулемъ шкіпарь; палубщики слѣдить за снастью, т. е. за бечевой; водолей отливаетъ воду, накапливающуюся въ трюмѣ.

Снега (шнака?) лодка саженей 6 длиною, спитая (гвоздями) изъ тесу, имѣеть мачту. Дуги, служащія ей распорками, зовутся опрѣгами; на опруги настилается полъ, называемый тѣлгасъ. По срединѣ судна дѣлается, изъ тесу же, крыша на два ската. Подъ эту крышу ставятся кадки, наполненные куриными яицами, которые отвозятъ въ Архангельскъ. Въ носу снеги помѣщаются два гребца, сидящіе лицомъ другъ къ другу и гребущіе вмѣстѣ парой большихъ веселъ; въ кормѣ сидить рулевой съ однимъ весломъ; весло это зовется навись. При попутномъ вѣтре на мачту вѣшается небольшой парусъ изъ холста или изъ рогожи. Снеги дѣлаются дома и цѣняются до 70 руб. штука. Назадъ тоже не возвращаются.

Косная лодка—съ высокимъ и острымъ носомъ и таюю же кормой большая лодка, спитая изъ тесу, мачты не имѣеть. Въ ней на тѣлгасъ ставятся кадки съ яицами и покрываются соломой. Подымается до 100 пудовъ грузу. Два гребца сидятъ въ этой лодкѣ въ носу въ веслахъ и одинъ на кормѣ съ рулевымъ весломъ. Цѣна этой лодки около 10 руб. По продажѣ яицъ въ Архангельскѣ, косныя лодки тоже продаются тамъ, а назадъ не „обращаются“.

Кѣрбасъ—большая широкая лодка безъ палубы и мачты, дѣлается дома и служить для переправы черезъ рѣки. Въ нее садятся четыре гребца, каждый съ отдѣльнымъ весломъ, и одинъ, пятый, съ рулевымъ. Цѣна карбаса около 100 рублей.

Стружбѣкъ. Дѣлается дома изъ одного осинового бревна. Бревно выдалбливается корытомъ, затѣмъ распаривается кипяткомъ и разводится; по-перекъ вставляются опруги, которые и не даютъ бортамъ сблизиться. Телгасъ не кладется; люди садятся прямо на дно лодки. Гребецъ садится по срединѣ, береть въ руки двоерушное весло, т. е. длинный шесть, на концахъ котораго находится по лопасти, и погружая въ воду то одну, то другую лопасть, подвигается впередъ. Или такъ: гребецъ съ однимъ коротень-кимъ, въ видѣ лопаты, весломъ въ рукахъ садится на одинъ концѣ лодки; тогда другой конецъ, до самой средины, поднимается изъ воды и

лодка, имѣя на половину меньше прикосновенія къ водѣ, при быстрыхъ ударахъ весла движется весьма быстро. Вообще струженій очень ходкія и легкія лодки, стоимостью всего рубля $1\frac{1}{2}$ —2; въ нихъѣздѣть съ мережками за рыбой и на охоту за утками весною.

Кустарные промыслы.

Объ этихъ промыслахъ я расскажу коротко, ограничиваясь лишь упоминаніемъ о большинствѣ изъ нихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ я загромоздилъ бы подробностями мои и безъ того затянувшіяся записи.

Гончарный промыселъ. Вся глиняная посуда, какая только употребляется въ хозяйствѣ, выдѣлывается дома. Гончарный станокъ устраивается

такъ: въ прочную скамейку вдалбливается цилиндръ *а*; нижній стержень *б* входитъ въ скамейку, на верхній же насаживается крестъ *в*, на которому сидѣтъ деревянный кругъ *г*, мотущій свободно вращаться на стержнѣ *д* (рис. 61).

Работникъ садится верхомъ на скамейку, лицомъ къ станку, беретъ комокъ глины, смѣшанной съ пескомъ, кладетъ этотъ комокъ на впадину въ кругъ *г*, вращая кругъ, выливаетъ руками горшокъ, третъ его мокрой тряпкой, обравниваетъ деревяннымъ ножомъ и т. п.

Когда посудина готова, она становится сперва на полицу (полавошникъ),

потомъ на печь, чтобы подсохла, наконецъ, кладется въ печь, тутъ-же въ избѣ, въ огонь для обжиганія. Когда посуда накалится въ огнѣ до-красна, въ корыто наливаютъ воды и разбалтываютъ въ ней жидкую ржаную муку. Въ эту жидкость кладется каленая посудина и поворачивается кругомъ. Это дѣлается съ цѣлью навести на поверхность пятнышки, единственно для украненія.

Деревянная посуда. Чашки (для єды), ставцы, выдалбливаются изъ осины или березы посредствомъ долота и потомъ обтачиваются на станкѣ. Узоры дѣлаются красками; краски, кисти и лакъ—покупные. Кадцы и ушаты дѣлаются изъ ели, сосны и можевельника, лопаты изъ осины, березы

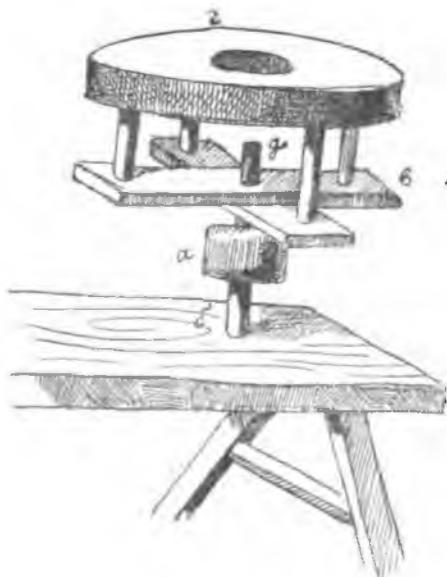

Рис. 61.

или пихты; ложки изъ осины и березы. Лиственница ни на какія подѣлки не идетъ, такъ какъ очень тяжела.

Экипажи. Устройство деревенскихъ экипажей, не смотря на кажущуюся простоту, довольно сложно и понять это устройство скорѣе всего можно по моделямъ. Здѣсь же я ограничусь рисункомъ и описаніемъ однихъ дровней.

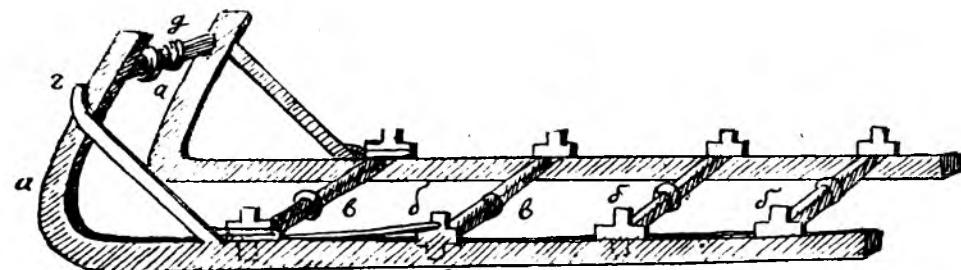

Рис. 62.

Основой дровней служатъ два березовыхъ бруса, называемыхъ полозьями и загнутыхъ напереди въ головку *а*. Въ каждый полозъ вколо-чиваются сверху по четыре копыла *б*. Каждые два противоположныхъ копыла связываются толстыми березовыми вицами, которые зовутся вязью. Вязь перехватывается по срединѣ, для крѣпости, вичными-же кольцами *в*. Для того, чтобы головка не разошлась, она стягивается чаповицей. Это березовая вица, которая въ пункѣ *г* удерживается зарубкою, огибаетъ головку и идетъ къ первому копылу, обвиваетъ и его, завязывается узломъ, а свободный конецъ ея прилегаетъ просто ко второму копылу. То же и на второй головкѣ. Свободные-же концы чаповицъ между головками въ пункѣ *д* сплетаются вмѣстѣ и образуютъ наговѣнникъ. Наговѣнникъ, для крѣпости, схватывается двумя вичными кольцами (рис. 62).

Въ верхніе шпеньки копыловъ съ той и другой стороны дровень на-колачивается нащѣпъ. Это—разрубленный продольно колъ, въ плоской сто-ронѣ котораго провернуты дырки; въ эти дырки и проходятъ верхніе шпеньки копыловъ, нащѣпъ служить для укрѣпленія дровней и для того, чтобы можно было класть поперекъ дровней солому или что другое подъ сидѣніе. Наконецъ, къ каждому изъ двухъ переднихъ копыловъ прикрѣп-ляется завѣртка—кольцо изъ березовыхъ вицъ, въ которое вкладывается оглобля.

Дровни могутъ быть превращены въ под-шевни. Для этого къ нащѣпамъ прикрѣпляются дуги отверстіями кверху и околачиваются липо-выми лубками. Подъ этотъ полукруглый кузовъ прикрѣпляются брусья въ видѣ треугольника *а*,

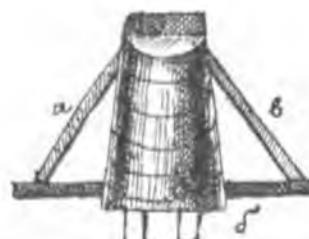

Рис. 64 (видъ сверху).

б, в, называемаго крахвой (въ Вологдѣ отводки); они служатъ для того, чтобы не давать дровамъ опрокидываться (рис. 63).

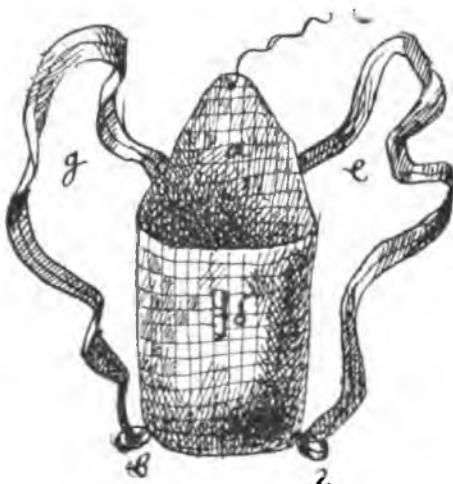

Рис. 64.

Рис. 65.

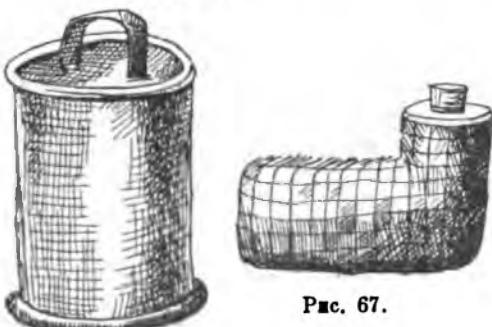

Рис. 66.

Издѣлія изъ бересты: лапти, кузова.

Кузовъ плетется изъ берестяныхъ лентъ и бываетъ обыкновенно формы сжатаго цилиндра. Треугольная часть *a* загибается впередъ и тесемкой привязывается къ клечику *b*, закрывая кузовъ. Къ петлямъ *c* и *e* привязываются концы полотенца, которое срединой проходитъ въ третью петлю на на спинкѣ кузова. Несущій кузовъ продѣваетъ руки въ мѣстахъ *d* и *e* и надѣваетъ кузовъ на спину. Въ кузовахъ носить губы (грибы), ягоды и хлѣбъ на плечо (рис. 64).

Бромъ лаптей и кузововъ изъ бересты плетутся ступни (рис. 65) — родъ калоши или вѣрище туфель, которымъ надѣваются, выходя изъ дома ненадолго, въ сырое время, или въ станъ скоту. Ступни не имѣютъ обдѣровъ, т. е. бичевокъ, которыми привязываются къ ногамъ лапти, а держатся сами, благодаря возвышенному подъѣму. Туасъ (рис. 66) сшивается изъ двухъ кусковъ бересты, имѣть

видъ правильнаго цилиндра съ загнутыми краями, въ которые пропущены бересовыя вицы. Дно и крышка деревянныя и въ крышку вставляется деревянная-же ручка. Въ туасахъ носить преимущественно молоко. Туасокъ — маленький туасъ, часто покрытый рѣзьбой и раскрашенный разными красками; въ туаскахъ носить масло, сметану и т. п. Наконецъ, изъ бересты же плетутся солонинѣ (рис. 67) — сосуды для храненія соли.

Издѣлія изъ драны. Изъ сосновой драны плетутся короба (рис. 68), въ нихъ хранять бѣлье, ленъ и т. п. Корзины съ ручкой круглые (рис. 69) и квадратные (рис. 70), наконецъ, половики — плетенье изъ дранокъ въ

видѣ ковра, кладется подъ свѣтильно, чтобы падающіе отъ лучины угли не портили пола.

Корневыя издѣлія—плетенныя изъ тонкихъ сосновыхъ корней корзинки и чашки для ковригъ (короноватыя).

Тканье кушаковъ. Женщины ткуть кушаки и поясъ—пояски для подвязыванія рубахъ и сарафановъ, изъ чистой шерсти и съ прибавкой шелку. Ткуть и сѣтки, т. е. шарфы на шею.

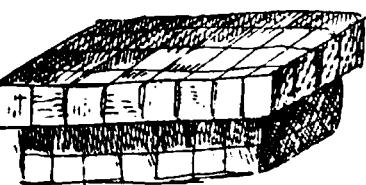

Рис. 68.

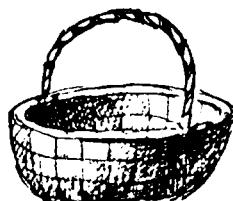

Рис. 69.

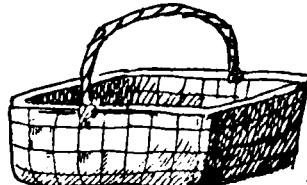

Рис. 70.

Вязанье перчатокъ, рукавицъ и чулокъ.

Тканье матерій—пестряди на сарафаны и рубахи, холста, полотна (холстъ ткется изъ льнаныхъ оческовъ, а полотно изъ чистаго льна), мѣшковъ изъ коноплянныхъ нитокъ, сукманины на шиджаки и на казачины.

Вышиванье. Вышивки въ узоръ на рубахахъ, фартукахъ, полотенцахъ. Шьютъ гарусомъ (покупной шерстью), шелкомъ и нитками—синими и красными—покупными и домашними (красать въ фуксинѣ и въ сандалѣ).

Каталльный промыселъ. Катаютъ катаники (валенки), шляпы, калоши, подхомутиаки (войлока подъ хомуты).

Сапожный—сапоги и башмаки. Кожа покупная.

Портнижный—работаютъ у себя дома и ходятъ по вызову въ деревни.

Столярный—столады домашніе.

Желѣзныя издѣлія—ведра, ковши, гвозди, подковы, топоры, косы, ральники, ножи, ножницы, замки.

Затѣмъ, существуютъ еще промыслы: кружевной, колесный, шорный (сбруя, возжи), кожевенный (кожи, овчины), игрушечный (деревянныя и глиняныя игрушки), роговой (гребни, гребенки), щетинный (выдѣлка щетинки, изготовление щупаѣхъ, един. щупаѣха—инструментъ, которымъ чупашть шерсть и чешутъ ленъ) и щетей.

С в а дь б а.

Рассказчикъ началъ было вести свое повѣствованіе въ 1-мъ лицѣ, но необходимость отвѣтчать на предлагаемые мною вопросы заставила его

перейти къ рассказу въ 3-мъ лицѣ. Отъ этого рассказъ утратилъ нѣсколько въ оригинальности, но за то выигралъ въ подробностяхъ.

„Отецъ не принуждалъ меня жениться и ничего даже не говорилъ. Я самъ скагалъ ему, что пойду смотрѣть дѣвокъ. Онъ скагалъ: поди. Я побѣхалъ недалеко отъ настъ въ деревню къ двоюродному брату и съ нимъ пошелъ на игрище. Самъ не игралъ, а сидѣлъ и смотрѣлъ. Тутъ зачали одну дѣвку хвалить, она мнѣ поглянулась.

Это было въ первый день Рождества, а на другой мы съ отцомъ и матерью побѣхали „сватомъ“. Заѣхали къ брату, взяли его и потомъ въ домъ къ невѣстѣ. Она ничего не знала и ея не было дома. Они были люди не бѣдные. Мы съ отцомъ и матерью остались на улицѣ, братъ зашелъ сперва одинъ. Зашелъ и спросилъ: будете ли отдавать дѣвку? Они сказали: будемъ. Братъ вышелъ и кликнулъ, мы и вошли въ избу. Отецъ и братъ стали сватать дѣвку, цѣной сходиться. Я запросилъ 80 руб., а онъ (отецъ невѣсты) сталъ давать 45; я пятишикъ сбросилъ и онъ далъ 55; я на 70, а онъ 65. Я за вѣнчанье заложилъ еще 3 р., попуза полотно 20 аршинъ, попадѣй платокъ шитый 50 к., и это на себя снялъ. Онъ и далъ 70 рублей.

Тутъ пришла невѣста и, ушла къ печѣ (т. е. за занавѣску, въ куть). Я сталъ требовать пить, она подала квасу братыни. Я не пилъ (ужъ не до квасу было), она поднесла моему отцу и матери и ушла къ печѣ.

Тогда стали молиться Богу, т. е. мы съ дѣвкой стали рядомъ. Никакой молитвы мы не читали (я не знаю ни одной)¹), потомъ стали молиться отцы, потомъ матери.

Послѣ молитвы мы получили задатку пять или десять рублей, потомъ сѣли пить чай. Дѣвка разливала чай у печи и подносила; потомъ сѣла со мной рядомъ“.

Въ это время женихъ снимаетъ у невѣсты съ пальца перстень. Послѣ чаю сейчасъ же ужинъ; за ужиномъ женихъ и невѣста сидѣть рядомъ; когда ужинъ конченъ, гости уѣзжаютъ домой.

Дни черезъ три женихъ со всѣмъ домомъ ёдетъ къ невѣстѣ на смотры. Сперва сидѣть, пить чай, ужинаютъ, затѣмъ начинаютъ играть. Шѣвицы опѣваютъ невѣсту. За опѣванье пріѣзжіе даютъ денегъ—невѣстѣ серебра, а шѣвицамъ мѣди. Во время ужина женихъ съ невѣстой выходятъ изъ за стола играть „кругомъ“ (хороводъ), дѣвки и ребята тоже пляшутъ. Послѣ ужина и игры ёдуть домой. Невѣста провожаетъ жениха на улицу, или проѣзжаетъ съ нимъ съ четверть версты.

Дни черезъ четыре женихъ снова ёдетъ къ невѣстѣ отдавать сдѣлье, т. е. подарки, какъ ей, такъ и всей ея роднѣ: отцу, братыни и хрѣсному

¹) Опять хвастаетъ и рисуется своимъ позитивизмомъ.

по ситцевой рубахѣ и штанамъ, матери рубаху со становиной, шаль или полушалокъ, хрѣсной шаль.

Каждый разъ, какъ женихъ ѳдетъ къ невѣстѣ, везеть съ собою гостины: конфеты, праники, крендели, которые и отдаетъ ей, идетъ къ ней къ печѣ (т. е. за занавѣску), тутъ сидѣть вдвоемъ и разговаривають.

Въ третій разъ, собираясь къ невѣстѣ, женихъ береть съ собою однихъ домашнихъ и ѳдетъ съ вѣстью о томъ, что завтра будетъ дѣвишникъ. Тутъ передаетъ ей сдарье на сарафанъ или на рубаху и уѣзжаетъ.

На слѣдующій день утромъ онъ береть всю свою родню, наряжается и ѳдетъ къ невѣстѣ. Предварительно онъ назначаетъ дружку, подвозскаго (товарища себѣ, обязанность котораго рѣзать пироги и т. п.). Когда женихъ выѣзжаетъ изъ дома, дружка спрашиваетъ его приказа: „сворачивать ли стрѣчнымъ?“ Онъ обыкновенно отвѣчаетъ: не сворачивать, и тогда поѣздъ никому не даетъ даже и полѣ-дороги.

У воротъ дома невѣсты происходитъ остановка, потому что дружка говорить „наговоръ“. Жениха встрѣчаютъ съ братынью пива или квасу и съ двумя „пирогами хлѣба“.

Женихъ входить въ избу, раздѣкается и садится за столъ, усаживаются и гости съ его стороны, а невѣсту въ это время наряжаютъ въ голбцѣ. Прислуживаетъ ей сваха, пріѣхавшая съ женихомъ.

Когда невѣста готова, ее выводятъ изъ голбца, и она становится у печи. Женихъ кладетъ дружкѣ на тарелку зеркальце, мыло, гребень, коты и чулки. Дружка передаетъ все это невѣстѣ съ наговорами. Затѣмъ, невѣста молится Богу, здоровается съ жениховой родней и идетъ къ столу. Женихъ береть ее за руку и обводить вокругъ стола. Передъ тѣмъ какъ сѣсть, женихъ съ невѣстой долго „перепираются“: каждому хочется сѣсть первому, потому что кто сидѣть первый, тотъ будетъ потомъ „больничать“. При этомъ женихъ наблюдаетъ, чтобы невѣста, сѣвші, не присѣла его казачину, т. е. надѣтую на немъ суконную оболочку съ борами.

Передъ женихомъ и невѣстой стоять на столѣ коврига съ солоницей и бѣлая булка.

Отецъ невѣсты подносить водку. Женихъ и невѣста выпивають по полѣ-рюмкѣ. Это зовется обмываніемъ губъ. Тогда раскрываютъ столы, т. е. снимаютъ прочь полотенца, которыми были закрыты кушанья, и всѣ садятся за столъ.

Кушанья за столомъ: пирогъ съ рыбой, щи и студень. Передъ стулами всѣ встаютъ и читаютъ молитву „Отче нашъ“. Послѣ этого можно и пѣсть пѣсни. Женихъ начинаетъ раздавать подарки своей роднѣ, кромѣ домашнихъ, которые получаютъ подарки дома послѣ „умыванья“. Подарки

разносить невѣстинъ братъ. Кого женихъ дарить, тому отецъ невѣсты подносить по стакану водки. Послѣ этого сидѣть за столомъ еще часа два. Отказомъ на обѣдѣ считается сырое молоко въ чашкѣ, а въ постный день ягоды. Женихъ накрываетъ невѣсту шалью и ее уводятъ въ голбецъ наряжать въ вѣнцу. Когда она готова и вышла, снова садятся за столъ и дружка говорить „наговоръ“. Когда онъ кончилъ, всѣ встаютъ и молятся. Женихъ и невѣста выходятъ, а мать и отецъ невѣсты садятся на ихъ мѣсто и сидѣть; посидѣвъ, встаютъ. Отецъ беретъ икону и благословляетъ жениха и невѣсту, затѣмъ, мать беретъ пшеничную булку и благословляетъ ею. Невѣста кланяется матери въ поясъ, а женихъ „въ груди“. Булку невѣста увозить съ собой, чтобы потомъ „не тоскнуть“ объ родномъ дому.

Поѣздъ отправляется прямо въ церковь. На первой лошади кто нибудь, по назначенію жениха, везетъ икону, за нимъ слѣдуетъ женихъ съ хрѣс-нымъ-тысяцкимъ, потомъ невѣста со свахой, потомъ родни. Дружка провожаетъ поѣздъ съ полверсты и, послѣ „наговора“, возвращается.

Въ церкви сперва производится обыскъ, т. е. дьяконъ или пономарь записываютъ невѣсту въ книгу. Затѣмъ слѣдуетъ вѣчанье.

Во время вѣчанья замѣчаютъ (бабы): если у молодой вѣнецъ „стемнѣвать“, это значить, что она „гуляла“ въ дѣвкахъ, а если у молодого, то онъ гулялъ будучи парнемъ. Такжѣ, когда пріѣдутъ домой отъ вѣнца, то у котораго изъ молодыхъ раньше погаснетъ вѣчальная свѣчка, тогдѣ раньше и умретъ.

Изъ церкви вѣдуть въ домъ жениха,—теперь уже «молодого». Встрѣчаютъ дружка, отецъ и мать съ хлѣбомъ и квасомъ. Молодой беретъ ковшъ, зачерпываетъ квасу, „выздымааетъ“ руку съ ковшомъ—первый разъ невысоко, выливаетъ квасъ въ братинъ, зачерпываетъ снова, поднимаетъ повыше, выливаетъ, опять зачерпываетъ и въ третій разъ поднимаетъ на длину руки и выливаетъ квасъ.

Входить въ избу. Здѣсь отецъ и мать молодого благословляютъ мужа и жену—сперва иконой, потомъ хлѣбомъ. Молодые кланяются сперва въ поясъ, потомъ въ ноги. Садятся за столъ, но не вѣдуть, а ждутъ невѣстиной родни. Когда она пріѣдетъ, ее встрѣчаютъ съ виномъ и пивомъ. Это зовется почетники. Когда всѣ усѣдутся, раскрываютъ столы. Отецъ и мать молодого подносятъ молодымъ по стакану водки, тогда молодой разрѣшаетъ подавать „по всѣмъ“ водку, т. е. бабамъ и мужикамъ.

Подаютъ сперва пирогъ съ рыбой, потомъ щи, потомъ студень. Послѣ студня тысяцкій читается „Отче нашъ“. Тогда молодой „скрываетъ“, т. е. снимаетъ платокъ съ лица жены и самъ подносить водку ея родиѣ. За-

тѣмъ ъдѣть разную рыбу, картошку на латкахъ, пироги сладкіе и молоко (отказъ).

Тысяцій береть икону и идеть съ нею впередъ на подклѣть, гдѣ приготовлена постель для молодыхъ; молодые слѣдуютъ за нимъ. Тутъ они еще ужинаютъ; подаетъ имъ мать. Къ ужину молодой приглашаетъ тѣхъ изъ гостей, которые «любы», затѣмъ ложатся спать. Молодая разувается мужа, вынимаетъ серебро, положенное имъ заранѣе въ сапогъ, и береть эти деньги себѣ.

На другое утро, часовъ въ 8 или 9, дружка приходитъ будить молодыхъ, и они идуть пить чай въ избу.

Послѣ чаю происходитъ обрядъ „умыванья“. Умываются всѣ, кто ъездилъ за невѣстой съ женихомъ. Они кладуть деньги „на умыванье“ въ тарелку, которую держитъ хрѣсная. Самъ молодой кладеть цѣлковый. Деньги эти идутъ молодой.

Затѣмъ молодой начинаетъ дарить своимъ домашнимъ: мать рубахой, отцу, братьямъ и хрѣсному даетъ по рубахѣ и штанамъ. Послѣ этого всѣ садятся обѣдать.

Когда обѣдъ конченъ, молодыхъ снова ведутъ на подклѣть, а въ это время лишніе гости разѣвжаются и передъ отѣзломъ приходятъ къ молодымъ прощаться. Молодой угощаетъ ихъ водкой. Когда гости разѣвжутся, молодые съ оставшимися пьютъ чай, потомъ ужинаютъ.

Женина родня живетъ обыкновенно въ домѣ у молодого днія четыре. На пятый день молодые ъдуть со всей мужниной родней къ женинымъ родителямъ „на блины“. Тутъ молодые гостятъ днія 4—5, вымоятся въ банѣ и возвращаются домой. Провожаетъ ихъ женинъ отецъ.

Днія черезъ 3—4 женина родня ъдеть къ молодымъ на кочень, пируютъ днія два и одариваютъ молодыхъ и ихъ домашнихъ.

Черезъ недѣлю молодые снова ъдуть со всѣми домашними къ жениной роднѣ на сыръ ¹⁾; гостятъ здѣсь днія 3—4, причемъ молодой одариваетъ всѣ домъ.

Женино приданое состоить изъ денегъ; иной отецъ даетъ скотомъ; ежели есть крѣпостная земля, подписываетъ землей, а если мужчина идеть въ домъ къ дѣвкѣ, то отецъ дѣвки подписываетъ ему половину имущества.

Если отца жениха или невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то отца замѣняетъ отецъ крестный, а мать родную—крестная, или отца замѣняютъ дядья или братья, а родную мать—тетки или сестры замужнія.

¹⁾ Прежде эти поѣздки на блины, на кочень, на сыръ сопровождались, вѣроятно, извѣстными обрядами, теперь же остались одни названія.

Свадьбы сиротъ или незаконнорожденныхъ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ свадебъ; на свадьбахъ вдовъихъ тоже не бываетъ никакихъ отличий.

Правило—никого ничѣмъ не ссужать во время приготовленій къ свадьбѣ соблюдается, пока все не кончится.

Когда молодая забеременѣть, то замѣчаютъ: если брюхо у нея острое, то она родить мальчика, если нѣть, то дѣвочку; если лѣвая титька болѣе—будетъ „робенокъ“, т. е. мальчикъ, если правая, то „дѣвка“.

Разрѣшается отъ бремени женщина въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣть народу, напр. на повѣти, на назыму. Деревенскихъ повитухъ приглашаются, а городскую акушерку—„нѣть моды“. Мужъ обыкновенно присутствуетъ при родахъ и поить жену, т. е. даетъ пить изъ своего рта. При трудныхъ родахъ мужа заставляютъ ослабить или развязать свой поясъ, а иной и вовсе скидываетъ его; отпираютъ замки и отвораютъ женины сундуки; берутъ ключи, опускаютъ ихъ въ воду и этой водой поять родильницу; зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи.

По окончаніи родовъ родильницѣ даютъ капусты, ягодъ или грибовъ соленыхъ. Встаетъ она съ постели обыкновенно на третій день. Кормить мать ребенка съ годъ, иная полтора, даже до двухъ лѣтъ.

Изъ семейныхъ отношеній.

Раздѣлъ бываетъ или противъ воли отца или съ его согласія. Причины раздѣла весьма различны: Пословица говоритъ: „нонѣ дѣлятся съ отцомъ роднымъ: охота говядину крошить самимъ“. Чаще всего раздѣлы происходить изъ за бабыихъ ссоръ. Если сынъ выходитъ изъ дома противъ воли отца, то не имѣть права ничего требовать, и судъ ему ничего не присудить, если бы онъ къ нему и обратился. Отецъ можетъ до трехъ разъ „опродасть“ самовольно выдѣлившагося сына, т. е. продать данный ему домъ, скотъ и все что угодно; судъ это допускаетъ, но за третьей продажей власть его прекращается, и выдѣлившійся становится совершенно свободнымъ.

Если выдѣлъ происходитъ съ согласія отца, то онъ благословляетъ сына иконой, и икона эта остается у сына. Онъ говорить при этомъ: «во имя Отца и Сына и св. Духа, поди съ Богомъ».

Когда происходитъ дѣлежъ, имущество опѣниваютъ сами. Если напр. корова плоха, то къ ней «прикладываютъ» овцѣ или чего другого. Части распредѣляются по жребію. Кидаютъ рукавицу, сколько «шадѣ» (шагъ), столько и рукавицъ; въ каждую рукавицу кладется что нибудь—щепка,

уголекъ и т. п., какъ условный знакъ. Непричастный дѣлежу человѣкъ раскладываетъ эти рукавицы по грудамъ вещей, назначенныхъ къ дѣлежу.

Дома дѣлятся по волѣ отца. Онъ отдаетъ домъ тому сыну, которому пожелаетъ, а другой получаетъ деньгами стоимость половины дома. Долги семейные дѣлятся поровну между дѣлящимися, также подати и повинности. Приговоръ дѣляется въ обществѣ и посыпается въ волостное правленіе для подписанія.

Дочери, оставшіяся по смерти отца, никогда не дѣлятся, это неслыханная вещь. Если по смерти отца останутся сыновья съ женами и они дѣлятся, то жены ие при чёмъ, — «дѣло не ихнее», а если жены остаются однѣ, то дѣлятся такъ же, какъ и мужчины, «только у нихъ шуму больше».

Если у мужика жилье его племянникъ, то при выдѣлѣ онъ получаетъ половину дома, родные же сыновья мужика не при чёмъ: «племянникъ береть на своего покойнаго отца».

Сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ. Братья не обязаны ихъ содержать, но онѣ живутъ съ братьями, эти ихъ и замужъ выдаютъ.

Если по смерти отца останутся однѣ дочери, то онѣ наслѣдуютъ все. Мать, если она жива, наслѣдуетъ вмѣстѣ съ дочерьми. Послѣ умершаго бездѣтнаго сына наслѣдуютъ отецъ и мать.

Если жена умерла бездѣтною, то оставшееся послѣ нея имущество отдается сестрамъ покойницы.

Выручка за мелкие заработки въ праздничное время отдается отцу или тому, кто ведеть хозяйство. Если мужъ ушелъ на заработки, жена вправѣ требовать отъ него денегъ на уплату податей и на жалованье казаку, но болѣе ни гроша.

Казакъ никогда не бываетъ близокъ къ дому и не живеть въ семье. Это наемный работникъ съ лошадью, обязанность которого дѣлать всю головную работу. Ему платить 9 р. съ души; онъ ёсть, пить и ночуетъ дома. Работникъ же живеть въ семье, ёсть и пить вмѣстѣ съ прочими. Ему платить 25—30 р. въ годъ, за лѣто же (съ Пасхи до Покрова) 15—16 рублей.

Увеселенія и игры.

Въ дер. Марковъ и сосѣднихъ съ ней молодежь не собирается на „вечеринки“, „бесѣды“, „посидѣнки“, какъ въ другихъ уѣздахъ губерніи, — „къ намъ не дошла еще эта мода“, пояснилъ разсказчикъ. Исключеніе составляютъ лишь рождественскіе праздники, именно первые три дня рождества, новый годъ и крещеніе. Тутъ собираются въ какой нибудь избѣ и „играютъ“, „ходятъ

кругомъ", т. е. парни и дѣвки берутся за руки, составляютъ кругъ, ходить и поютъ, или же безъ пѣнія вертятся подъ звуки гармоніи. При этомъ женихи обыкновенно высматриваютъ невѣсть, т. е. намѣчаютъ себѣ дѣвушекъ, на которыхъ потомъ и женятся.

Игры устраиваются не на средства того домохозяина или хозяйки, которые дозволяютъ собираться въ своеиъ домъ играющимъ, а на сборные, посредствомъ такъ наз. братчины. Домохозяинъ самъ собираетъ эту братчину, при чемъ каждый парень и дѣвка, желающіе участвовать въ играхъ, даютъ ему по пирогу и по 1 ф. муки на квасъ. Парни, кромѣ того, ежедневно жертвуютъ по 1 коп. на свѣчи. Игры начинаются обыкновенно послѣ обѣда, т. е. съ 12 ч. дня и продолжаются до 7—8 ч. вечера. Тутъ ужинаютъ, при чемъ дѣвки садятся на лавки, а парни на скамьи напротивъ. Послѣ ужина игры возобновляются и дѣлятся до 2—3 ч. утра. Если посторонніе парни, т. е. не участвующіе въ братчинѣ, желають играть и ужинать, то платятъ хозяину каждый по 5 коп.

Маскированіе и сами замаскированные особы названій не имѣютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Тотъмѣ, маскированные, ходящіе днемъ по улицамъ города, зовутся кудесами). Наряжаются только въ первые три дня Рождества и ходятъ на игры по домамъ. Отдѣльные лица чаще всего надѣваютъ на себя вывернутый на изнанку полушубокъ, а на лицо маску. Маски изъ папье-маше покупаются въ Устюгѣ.

Но устраивается и слѣдующая игра. Одинъ парень замаскировывается лошадью, такъ именно: на голову прежде всего кладется прылка, при чемъ лопасть ложится вдоль по спинѣ, а копыль приходится на затылокъ и на темя и торчить надъ лбомъ впередъ, чтѣ придаетъ головѣ нѣкоторое подобіе лошадиной. Лопасть прылки на спинѣ скрыта вывернутымъ на изнанку полушубкомъ, копыль же лежитъ на головѣ открыто. На шею надѣвается хомутъ (настоящій) такъ, что онъ приходится поверхъ полушубка и лопасти прылки; на лицѣ страшная маска. Поверхъ всего на голову накидывается узда, а на спину шлея. Этачъ человѣкъ составляетъ собственно переднюю половину лошади. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него за спиной становится другой человѣкъ, тоже закутанный въ вывернутый полушубокъ и въ маскѣ, но безъ всякихъ другихъ принадлежностей. На которое нибудь плечо переднаго и заднаго человѣка кладется палка, которая ихъ, такъ сказать, соединяетъ. На палку садится верхомъ третій парень, замаскированный старухой—въ сарафанѣ и платкѣ, со старушечьей маской на лицѣ. Наконецъ, впереди коня идѣтъ четвертый человѣкъ, все тѣло котораго завернуто въ два спицыхъ вмѣстѣ полушубка и хомутъ вверхъ, маски же на немъ двѣ—одна на лицѣ, другая на затылкѣ.

Всі эта группа, т. е. янусь, лошадь (изъ двухъ человѣкъ) и амазонка вступаютъ въ избу, гдѣ происходитъ игра и амазонки подаются въ руку зажженую свѣчу, съ которой она и ёдетъ по избѣ, здоровается съ хозяевами, пугаетъ дѣвокъ и затѣмъ начинаетъ плясать. Пляшутъ, собственно, лошадь т. е. два человѣка, ее составляющіе и вожакъ, старуха-же остается на своемъ мѣстѣ, т. е. верхомъ на палкѣ, при чемъ, конечно, съ большимъ трудомъ сохраняетъ равновѣсіе. Затѣмъ, всѣ идутъ опять къ хозяевамъ и спрашиваются:

— Пригласите ли завтра потанцевать съ вами? Хозяева отвѣчаютъ: милости просимъ, приходите.

Въ эти же три дня Рождества носатъ по игрищамъ чучелу.

Чучела дѣлаются такъ. Берутъ бревно вершковъ пять въ диаметрѣ и три аршина длиной и вырубаютъ изъ него подобіе человѣка, какъ показано на рисункѣ 71, но безъ рукъ (руки дѣлаются потомъ изъ одежды), ступни же вырубаются отдельно и вдалбливается въ ноги. Лицо раскрашивается красками, при чемъ ему придается по возможности страшное выраженіе. На ноги надѣваются катаники, на тѣло сарафанъ, а на шею кофту. Изъ рукавовъ кофты дѣлаются руки. На затылокъ чучела прикалачиваются распущеній лошадиной хвостъ (хвостъ этотъ заранѣе еще лѣтомъ отрѣзывается у какой нибудь чужой забѣглой лошади, выбирай такой, который подлиннѣе и покрасивѣе) на голову надѣвается бабья морхатка, состоящая изъ оконыша, завязываемаго назадъ ленточками и пришитаго къ краю его колпачка, выдающагося впереди пузыремъ и спускающагося постепенно къ затылку, подъ лентами же привѣшиваются колокольчикъ съ веревочкой у языка; въ этотъ колокольчикъ потомъ и звонятъ.

Вися чучелу въ избу, ее ставятъ въ передній уголъ на поль. Дѣвки до того боятся чучелы, что зачастую всѣ уѣгаютъ изъ избы.

Чучела сберегаютъ до слѣдующаго года, иногда и дольше. Лѣтомъ, когда на заливные луга собираются изъ окрестныхъ деревень дѣвки для сбора дикаго чесноку (онъ зовутся чесноковками), то парни, чтобы попугать ихъ, вытаскиваютъ чучелу, кладутъ ее на телѣгу и везутъ на лугъ. Дѣвки, увидавъ ее, разбѣгаются.

Рис. 71.

Зимою же устраиваются ледяныя горы на рѣкѣ или гдѣ нибудь на озерѣ. Гора дѣлается такъ: въ ледъ вдалбливается и примораживаются къ

нему четыре столба, аршина по 4 высоты, такъ, что приходятся въ углахъ квадрата. Столбы эти скрѣплены по два брусьями, входящими въ выемки на вершинѣ столба; на эти столбы и брусья кладется помостъ, или просто дверь. Такимъ образомъ, получается вышка. Съ одной стороны на вышку ведеть

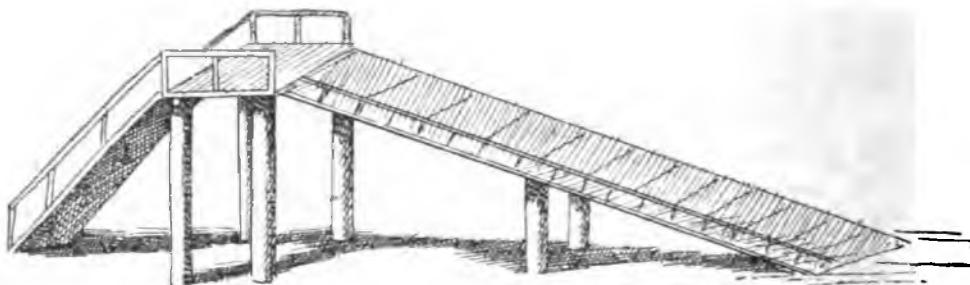

Рис. 72.

льстница съ перилами, которая продолжается до другой стороны площадки, а съ противоположной спускаются наклонно три толстыхъ жерди, подпертыхъ по срединѣ столбиками. На эти жерди укладываются льдины и поливаются водой, а по краямъ ихъ примораживаются сверху жерди, служащія для того, чтобы санки, скатывающіяся по горѣ, не слетали въ сторону (рис. 72).

Другого рода катушки устраивается проще, но скатываніе по ней представляеть дикую и опасную забаву. Именно, къ краю крутого берега озера или рѣки представляются двѣ не толстыхъ жерди, которая наклонно и параллельно другъ другу спускаются на ледъ; жерди эти поливаются водой и катушка готова. Двое парней становятся на жерди лицомъ другъ къ другу и скатываются внизъ (рис. 73).

Рис. 73.

По замѣчанію рассказчика, на такого рода катушкахъ люди нерѣдко ломаютъ себѣ ноги, и тутъ же приведенъ примѣръ, что одна дѣвка, скатываясь стоя,

сорвалась, сломала себѣ ногу и, по излѣчевіи, осталась на всю жизнь хромою, изъ за чего и не вышла замужъ, такъ какъ дѣвицы съ физическими недостатками (хромыя, кривыя, косыя) никогда не находятъ себѣ жениховъ.

По этимъ же двумъ жердямъ скатываются и на боронѣ. Борона кладется на шесты вверхъ зубьями, по срединѣ усаживаются дѣвки, парни становятся по краямъ, размѣщая ноги между зубьями бороны, всего человѣкъ до 8-ми, даже до 10-ти и скатываются внизъ.

Въ шаровое заговѣніе (т. е. передъ Петровымъ постомъ) катаютъ яица. Яица предварительно окрашиваются въ луковыхъ перьяхъ, сандаль или фуксіи и передъ какой нибудь избой поперецъ улицы кладутъ яица на землю по прямой линіи въ разстояніи четвертей трехъ одно отъ другого. Саженяхъ въ 50 отъ яицъ кладется поперецъ дороги жердь, у которой становится играющіе и одинъ изъ нихъ беретъ въ руки мячъ. Мячъ этотъ скатывается изъ овечьей шерсти, вѣсомъ фунта три. Если мячъ, будучи брошенъ по направленію къ линіи яицъ, попадъ въ которое нибудь изъ нихъ, это яйцо становится собственностью выбившаго его и онъ имѣеть право катить мячъ вторично. Если мячъ проскочить, не задѣвъ ни одного яицъ, его береть и брогааетъ другой и т. д.

Игра въ бабочки (т. е. бабки, костыги).

Ставить на землю попарно столько паръ бабочекъ, сколько играющихъ, т. е. всякий ставить свою пару. Эта линія бабочекъ зовется кономъ. Передъ началомъ игры каждый вѣдеть передъ собою на землю одну бабочку. Если она упадетъ на плоскую сторону, это зовется вѣдчка, если на выпуклую — жокъ, если на вогнутую — никка. Первые бѣуть вѣдчки, вторые — жоки, трети никки. Чья вѣдчка упала всѣхъ дальше отъ кону, тотъ бѣеть первый. Та бабочка, которой бѣуть, зовется битокъ; она побольше другихъ и иногда наливается свинцомъ. Если бросившій битокъ выбилъ изъ линіи или просто уронилъ одну пару или сколько бы ни было бабочекъ, берутъ ихъ себѣ. Затѣмъ, бѣуть другой и т. д., пока не выбьютъ всѣхъ. Этимъ партия кончается.

Колобки. Разница этой игры отъ предыдущей въ томъ лишь, что вместо битка здѣсь употребляется желѣзная плитка плоская, овальной формы. вершка 2—3 величиной, имѣющей видъ колобка.

Плитки. Та-же игра, только вместо колобка бѣуть деревянной дощечкой, длиною съ четверть, имѣющей тоже овальную форму.

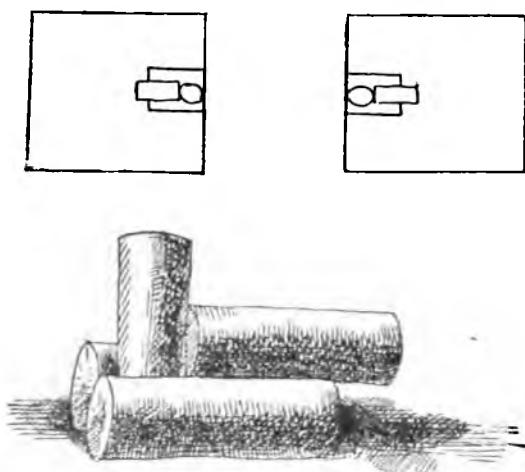

Рис. 74.

Рюхи. На ровномъ мѣстѣ на улицѣ чертить палкой два квадрата въ разстояніи саженей 50 одинъ отъ другого. Пространство внутри этихъ квадратовъ зовется городомъ. Рюхи—основные цилиндрические обрубки укладываются по 4 штуки въ каждомъ городѣ такъ, какъ показано на рис. 74. Затѣмъ, двое изъ играющихъ берутъ въ руки палку и начинаютъ мѣряться или гадать, т. е., держа палку

вертикально, обхватываютъ ее рукою поперемѣнно. Чья рука окажется наверху послѣднею, тотъ становится маткой.

Съ цѣлью выровнить игроковъ, т. е., чтобы въ одной партіи не оказался перевѣсъ въ хорошихъ играхъ, распредѣляютъ ихъ по жребію. Каждый береть въ одну руку щепку, а въ другую травку, подходитъ къ маткѣ и спрашиваетъ: матка, матка, щепка или травка? Матка называетъ то или другое и, смотря по тому, что оказалось въ правой руцѣ—щепка или травка, игрокъ отходитъ къ той или другой партіи.

Когда, такимъ образомъ, партіи образовались, игру начинаетъ тотъ, кто желаетъ (количество бросаемыхъ однимъ игрокомъ палокъ зависитъ отъ уговора) и кидаетъ палку отъ передней черты своего города. Если онъ вышибетъ изъ границъ непріятельского города хоть одну рюху, слѣдующій кидаетъ свою палку уже не отъ черты города, а отъ черты, проведенной на землѣ между городами въ одинаковомъ разстояніи отъ того и другого (25 саж.). Кидаютъ до тѣхъ поръ, пока не прокидаютъ всѣхъ палокъ, каждый играющій по разу. Если рюхи не вышиблены, т. е. осталась хотя бы одна, начинаетъ кидать палки другая партія и т. д., и та партія выигрываетъ, которая первая вышибетъ изъ непріятельского города всѣ рюхи. Если которая нибудь партія со второго раза вышибла всѣ рюхи, напр. тремя палками, то второй партіи разрѣшается кончать игру только тремя палками. Если этими тремя палками она рюхъ не вышибетъ, то возить своихъ противниковъ, т. е. отдѣльные игроки носить ихъ на спинѣ отъ города.

Попы. Такая-же игра, разница въ томъ лишь, что рюхи ставятся стойма—четыре по угламъ и двѣ въ срединѣ города на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.

Игры „въ цари“, „юла“, „корова“ и „ёрга“ описаны въ моей книгѣ „Материалы по этнографіи Вологодской губерніи“ и потому я ихъ здѣсь не привожу.

Нѣкоторыя повѣрья и примѣты.

Нечистая сила повсюду окружаетъ людей. Она дѣлится на разряды, имѣющіе свои названія, но изъ этихъ разрядовъ нѣть первенствующаго, такъ же точно, какъ и въ членахъ извѣстнаго разряда нѣть старшихъ, начальниковъ и т. п.; каждая особь существуетъ независимо отъ прочихъ и никому не подчиняется.

Ближайшій къ человѣку духъ есть домовой, имѣющій мѣстное название батамушки. Мѣсто жительства его всегда стая, т. е. скотный дворъ. Видѣть его очень рѣдко и если онъ является кому либо, то въ образѣ, напоминающемъ кошку. Его зовутъ еще „скотнымъ кормильцемъ“, потому что онъ ходить за скотомъ и кормить его. Если скотина ему не по дому, то онъ ей вредить всяко и даже губить. Если лошадь ему не нравится, то онъ гоняетъ ее ночью до того, что утромъ ее находить всю взмыленною и утомленною. Въ такомъ случаѣ, лошадь надо поскорѣе продать, что и дѣлаютъ. Въ домѣ, принадлежащемъ разсказчику, нельзя завести ни бѣлой лошади, ни бѣлой коровы, бѣлны-же овцы батамушкой терпятся.

Однѣй старикъ-крестьянинъ пошелъ однажды въ стаю, чтобы дать лошади сѣна и вдругъ увидѣлъ домового. Испугавшись, онъ схватилъ вилы, но домовой, въ свою очередь, испугался и „ускочилъ“ въ дыру на повѣтъ, черезъ которую спускаются съ повѣти лошади и коровамъ сѣно. Оправившись отъ испуга, старикъ одумался, и, чтобы задобрить батамушку, связалъ ему самъ изъ бѣлой овечьей шерсти рукавицы, обѣ на лѣвую руку (потому что на правую домовой не возьметъ), положилъ эти рукавицы въ стаю и онъ оказался унесенными.

Черти живутъ въ водѣ и выходятъ на сушу, входять въ дома и куда угодно. Сосуды съ какой бы ни было жидкостью нельзя оставлять непокрытыми, потому что черть непремѣнно наладить въ посудину; если же покрыть нечѣмъ, то надо перекрестить.

Охранителемъ человѣка отъ козней черта является ангель-хранитель, но не какъ ангель, а какъ самъ Иисусъ Христосъ и его мѣсто всегда по правую руку человѣка. Поэтому никто не позволить себѣ плюнуть или помочиться на правую сторону. Также и не лить никогда чего либо „на-обоко“, т. е.

держа, напр. ковшъ въ лѣвой рукѣ (если правая чѣмъ нибудь занята) не выльешь воду направо-же, надо всегда налево.

Чортъ изобрѣлъ табакъ и водку, но никакихъ подробностей по этому предмету рассказчикомъ не сообщено.

Человѣкъ, знающійся съ чортомъ, есть колдунъ, но это вовсе не то, что шоптунъ, потому что „шоптунъ шопчетъ все только хорошее“; онъ есть врачъ, цѣлитъ, а не злой и вредный человѣкъ, какимъ всегда является колдунъ.

Въ описываемой мѣстности колдуны есть, и не одинъ. Въ дер. Веткурѣ былъ случай, что когда колдуну пришла „неминучая“, его стало до того „котѣсать“, т. е. корчить, что его взяли (близкіе, родные, конечно, а не черти), втащили на крышу и уложили вдоль по киязьку, но такъ какъ тутъ онъ кончиться не могъ, то сняли и положили у порога дома на улицѣ, гдѣ онъ и умеръ.

Человѣкъ этотъ при жизни проявлялъ весьма замѣтно присущую ему злую силу. Когда онъ ловилъ рыбу, то можно было хоть подъ бокомъ у него „ладить ъза“, рыба въ нихъ не попадала, тогда какъ его счасти всегда наполнялись рыбой: „дьяволъ ему нагонялъ“. И если другое вытрясаютъ изъ счастей пойманную ими рыбу, а онъ подойдетъ и посмотритъ, то „ровно обрѣжетъ“ — рыбка не будетъ больше попадать.

Колдуны заносить въ баню кикимору, по злобѣ, конечно. Что такое кикимора — рассказчикъ не могъ объяснить даже приблизительно. — „Изъ чего она существуетъ — я не знаю, а кто приноситъ, тотъ ужъ знаетъ“. Кладутъ кикимору къ стѣнѣ за камину (т. е. за банную печь, которая всегда сложена изъ камней) и она, кикимора, никому уже не дастъ спокойно помыться: начнетъ пугать разными голосами.

Чтобы вывести кикимору „добраются человѣка, который имѣ завѣдуетъ“, т. е. колдуна или колдунью. Колдунъ надо заплатить дорого — полтину, а то и рубль, а если колдунъ, то довольно бываетъ напоить его водкой. Если же этого не сдѣлать, то придется непремѣнно переносить баню на другое мѣсто. Надо замѣтать, что бань не ставить на дорогѣ, на межѣ или „на крестѣ“ (т. е. на перекрестѣ) потому что лѣшій станетъ изъ нея выпугивать. Относительно мытья въ банѣ соблюдаются неукоснительно два правила: послѣ трехъ паръ (пара можетъ состоять и не изъ двухъ человѣкъ, а изъ большаго числа) неходить мыться четвертая, потому что послѣ третьей пары начинаютъ мыться черти, и затѣмъ неходить мыться на большия праздники, потому что „пужаетъ“.

Водяной — водяный духъ, рыбный царь. „Гдѣ некрасивое, темное мѣсто, тутъ въ омутѣ и живеть водяной. Купаться опасно: утащить за ногу или за

шюю; если даже есть кресть, то схватить за говитанъ. Парень одинъ утонулъ въ такомъ мѣстѣ купавшись, его искали по четыре дня и когда вытащили, то увидѣли, что говитаномъ ему шею перерѣзали, а у горла на говитанъ узелъ завязанъ".

„Зимуя потерялся лекрутъ одинъ, искали его по три дня, въ это время отецъ его ъездилъ и въ пяти церквяхъ молебенъ служилъ, а послѣ трехъ дней перестали: правила такое, что по три дня ищутъ, а больше не ищутъ. Послѣ трехъ дней еще два дня рѣчку долбили (т. е. дѣлали проруби) и не нашли, а нашелъ мужикъ одинъ: около дороги лежитъ мертвый елками закиданъ. Когда поѣхали на то мѣсто съ понятными—его нѣть. Нашли опять лѣтомъ въ рѣчкѣ, вокругъ камня обвернуть, ноги къ головѣ притянуты. Онъ являлся отцу своему—блѣзнилось отпу-то—и говорилъ: я замерзъ".

Когда выловить рыбу, то водяному ничего назадъ не бросаютъ, потому что „онъ ее отпустилъ".

„Есть у насть одно озеро, въ которое лучше съ неводами не ъзди, потому что водяной не даетъ рыбы, а накладываетъ полину матицу коневихъ говенъ. У насть въ это озеро мало-не-ъздятъ ¹⁾), только тотъ поѣдетъ развѣ, кто не знаетъ".

Лѣшій живеть въ лѣсу и зачастую „водить" людей, т. е. сбиваеть съ дороги или съ тропы. Въ такихъ случаяхъ есть средство найти дорогу, именно переложить стельки изъ одного сапога въ другой; но средство это не всегда помогаетъ.

Лѣшаго можно вызвать, стоять только закричать: приди, лѣшій, посмотрѣть тебя охота! но опять этотъ весьма опасенъ.

Бабы поѣхали однажды съ ребятами въ лѣсъ за грибами и ягодами на трехъ лошадяхъ. Вечеромъ всѣ собрались у огня и стали ужинать. Ребата и начали звать лѣшаго. А онъ и идетъ, только лѣсъ трещить; огонь сталь по землѣ разстилаться, кони рваться начали. Бабы замолкли, потомъ и ребята, онъ и ушелъ.

Нѣкоторыя примѣты.

Если ножъ лежить на столѣ, когда обѣдаютъ и кто нибудь „ѣдетъ" съ ложкой въ ставецъ (деревянное блюдо) черезъ этотъ ножъ, то „ножъ подъ бока станетъ тыкать".

¹⁾ Особый оборотъ рѣчи; значить: почти не ъздятъ.

Если во время метеиня пола обмести ноги парни, то теща не станет его блинами кормить.

Головня въ печи останется—первому гостю въ заднице.

Если по выходѣ изъ избы тотчасъ же на встречу другой человѣкъ—не къ добру.

Если пѣтухъ поетъ не вѣремя, или курица запоетъ пѣтухомъ—дурной знакъ.

Бересту не жгутъ въ печкѣ—клопы заводятся; во избѣжаніе того-же не топятъ березовыми дровами. Чтобы вывести клоповъ, жгутъ первого грома и когда его услышать, берутъ земли изъ подъ правой пяты и раскидываютъ эту землю въ избѣ, но такъ, чтобы никто этого не видѣть. Съ,тою-же цѣлью старуха обвязываетъ домъ на помель, когда заблаговѣстать въ христовской заутренѣ, но тоже не при людяхъ.

„Попъ въ домъ—клопъ воинъ“, говорить про себя хозяева, когда къ избу входить попъ, иногда же при этомъ парнишка, которого „натачануть“, т. е. заранѣе научать, поймавъ клопа и, забравшись на подоли, ожидаетъ попа, и когда тотъ входить въ избу, спускаетъ незамѣтно клопа ему въ загривокъ. Отъ этого всѣ клопы прошадутъ.

Заговоръ отъ клоповъ: какъ у кокушки вѣтъ гнѣзда, такъ и въ нашей избѣ клопамъ не было бы гнѣзда.

Чтобы ленъ не путался, на вербное воскресеніе, до солнца „важутъ у филина ноги“, т. е. связываютъ пучкомъ ржаной соломы два стоячика кола въ огородѣ (изгороди).

Ложиться на лавку или на полъ въ избѣ ногами къ иконамъ—не слѣдуетъ: скоро умрѣшь; ногами къ иконамъ кладутъ только покойниковъ. Также нельзя ложиться вдоль по соломѣ, надо поперекъ, потому что вдоль по соломѣ моютъ покойниковъ.

Когда болятъ зубы, кусаютъ кипарисный образъ, который всегда найдется у кого нибудь (принесать отъ Соловецкихъ).

Если перешагнешь черезъ стельки, сдѣлается насморкъ.

Ладанки на шеѣ носить бабы, а мужчины—порохъ, зашитый въ мѣшечекъ, въ предохраненіе отъ болѣзней.

Если жена долго „ведеть“ (т. е. протяжно кричать), будешь простоянна весна.

Если снѣгъ сравнишь лога съ угорами, то вода будетъ большая.

Если заяцъ низко гложетъ осину, то вода будетъ низка, а если высоко, то высока.

Нѣкоторыя пословицы и поговорки.

1. Своя рука не сдрожить.
2. Ворона съ мѣста, соколь на мѣсто.
3. У всякаго старца по ставцу.
4. Бурлацио горло все прометѣть.
5. У долга долгъ вѣкъ.
6. Ужъ не то мое Танкино сердце, чтобы сарафава не пропить.
7. — Что ты, Танька, весела?— Въ рукавицу настяла.
8. Устанеть, такъ перестанеть.
9. Устюгъ Великой—народъ въ немъ дикой.
10. Хлѣбъ-соль—зѣмное дѣло.
11. Паны пиво выпили, а хозяевъ выбили.
12. Шарь костей не ломить, а вошка тепло любить.
13. Шей-ка воду: небольшого роду.
14. Чужой дуракъ—смѣхъ, а свой—стыдъ.
15. Богатъ, да не Богу братъ.
16. Дѣвка не комка, не выкинешь изъ окошка.
17. Какъ ни плыть, а у дна быть.
18. Кто курить табачокъ, у того и праздничекъ.
19. Табакъ да баба—одна забава.
20. На чужую кучу неча глаза пучить.
21. Не ходи въ лѣсъ, коли зайца боишься.
22. Ношамое носится, держамое дѣржится.
23. Одной рукой и уала не завяжешь.
24. Работой не прокормишься, быль бы хлѣбъ.
25. Сапогъ лаптю не дрѹжка.
26. Привыкла жона пердѣть—трудно терпѣть.
27. Прежде за „спасибо“ мужикъ три года работалъ.
28. Поѣль бы рѣшки, да зубы рѣдки.
29. Пошла кишка по мѣшкамъ.
30. Воронѣ гдѣ ни летать, вездѣ говно клевать.
31. Потѣха дѣлу не помѣха.
32. Зашутался, какъ курица въ отропахъ.
33. Потопаешь, такъ и полопаешь.
34. Много милыхъ, да мало добрыхъ.
35. Пошелъ кормиться, такъ некуда торопиться.
36. Считай на мнѣ, а получай на пѣвъ.

37. Тугонекъ я тебъ, орѣшекъ, дался.
38. Сыть покуда: съѣль полпуда, стало семь фунтовъ, послѣ съѣмъ.
39. Повѣрь бабѣ—дуракомъ и будешь.
40. Повѣрь кошкѣ мясо стерегчі!
41. Рыбы не хочу, и жопы не мочу.
42. Посердишься—недалѣко свѣрнешься (т. е. тутъ-же будешь).
43. Пѣмъ, попѣмъ, за другимъ поплемъ.
44. Пѣмъ, попѣмъ, гдѣ мы денежки беремъ?
45. Радись—не торопись, работай—не лѣнись (радись—поряжайся въ работу).
46. Расчитаюсь—на томъ свѣтѣ угольемъ.
47. Пьянъ такъ богатъ, проспишься, такъ ништій.
48. Пилось-бы да ѣлось, да работушка на умъ не шла.
49. Мнѣ ужъ домъ-отъ козой кажется (т. е. надобль).
50. Ярь, да локтя не окусишь.
51. Горшокъ чугуну не товарищъ.
52. Изъ говна козульки не сдѣлаешь (т. е. изъ худого материала не сдѣлаешь хорошей вещи).
53. Ложку не довезъ, а ротъ открываешь.
54. Плохо жить съ одного конца.
55. Хлопай рукавичамъ, недалеко до Комаричи (говорить „сплавные“ рабочіе, возвращаясь осенюю домой изъ Архангельска. Комарича—селеніе на Двинѣ).
56. Туровечкая Богомать, помоги якорь достать (просить двинскіе судорабочіе. Туровецъ—селеніе на Двинѣ).

H. Иваницкий.

Петрозаводскъ.

Декабрь, 1897.

О Сибирскихъ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Изъ рукописей, доставленныхъ въ Отдѣленіе Этнографіи, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, у меня были на просмотрѣ: сибирскія пѣсни и свитокъ молитвъ, пріобрѣтенный, судя по ихъ тексту, отъ старообрядцевъ, обращающій на себя особое вниманіе тѣмъ, что начинается пресловутымъ апокрифомъ „Сонъ Богородицы“. Изумительно необычайное распространеніе въ народѣ этого сказанія о крестныхъ страданіяхъ Христа въ двухъ видахъ: стихотворномъ и прозаическомъ. Несомнѣнно, архивъ Этнографическаго Отдѣленія издавна переполнялся разнообразными варіантами той и другой формы, по крайней мѣрѣ, известное мнѣ этнографическое бюро князя Тенишева почти съ каждою почтою обременяется до докучливости присылкою изъ разнообразныхъ мѣстностей именно этого „Сна“. Поразительно здѣсь то слышене довѣріе народныхъ массъ къ этому писанію, которое несомнѣнно основывается на заключительныхъ словахъ отъ имени самого Иисуса Христа:

„О, Мати моя возлюбленная, Марія Пресвятая Богородица! Во-истину глаголю Тебѣ, аще который человѣкъ сей сонъ спишетъ себѣ на память, или аще кто въ путь идетъ съ симъ писаніемъ, и путь ему даетъ Господь Богъ чистъ и корыстенъ и межъ людьми стоять умѣеть и никакого слова противъ того человѣка никакой человѣкъ не промолвить на всякой часѣ, и никакое жалѣзо не можетъ взяти, ни пиццаль, ни стрѣла, ни камень, ни древо, ни вражья сила“, и т. д. Понятно, что при такихъ льготахъ за малый трудъ списанія, или за дешевое средство покупки пріобрѣтеннаго, соблазнительно для всякаго вѣриаго и боязливаго пріобрѣтеніе „Сна Богородицы“, чтобы, въ виду вѣроятныхъ бѣдъ и ожидаемыхъ опасностей держать его при себѣ. Полученный Отдѣленіемъ засаленный экземпляръ служить нагляднымъ доказательствомъ полнаго довѣрія къ цѣлебнымъ и спасительнымъ свойствамъ писанія. Здѣсь оно прозаическое, видимо пріобрѣтенное на Алтайѣ у тамошнихъ „семейныхъ“ раскольниковъ, но имѣются стихотворенія, полученные въ бюро кн. Тенишева, присланныя изъ Орлова и Смоленской губерніи, хотя текстъ обоихъ значительно уступаетъ тому, который удалось записать мнѣ на Бѣломъ морѣ. Въ сборникѣ Якушкина, въ который передалъ я всѣ пѣсенные записи, сдѣланныя въ Архангельской губерніи, „Сонъ Богородицы“ тогдашняя цензура не пропустила.

Наиболѣе серьезное и существенное вниманіе останавливаютъ на себѣ нѣ- сколько десятковъ пѣсень, записанныхъ въ Сибири:—въ Сургутѣ, въ Бай- скомъ округѣ, Томской губ. и въ селеніяхъ старожилыхъ сибирскихъ казаковъ. По поводу этого сборника можно было бы представить подробный докладъ вообще о сибирской пѣснѣ, но за недосугомъ приходится ограничиться нѣ- сколькими краткими замѣтками.

Судя по первымъ нагляднымъ впечатлѣніямъ русская пѣсня у замкнутаго, сосредоточеннаго въ себѣ сытаго сибиряка совсѣмъ не въ почетѣ, и, какъ праздная бездѣлка въ виду серьезныхъ задачъ суровой природы, даже какъ будто бы въ загонѣ. Сибирскій амщикъ напримѣръ не поетъ ни доброхотно, ни по заказу. Надѣ старожилыми казаками новоселы подсмѣшивались, увѣриа, что они, подобно инородцамъ, обходятся дешевыми импровизаціями, что видѣть передъ глазами, о томъ и поютъ, не залетая въ высь, разводить все обѣ одномъ и томъ же, размазываютъ.

Дальнѣйшія пристальнѣя наблюденія приводятъ къ тому выводу, что главнѣйшимъ образомъ Сибирь довольствуется пѣснями, привезенными изъ Россіи староселами и притомъ въ значительно измѣненномъ и даже ис- каженномъ видѣ. Въ этомъ убѣждаютъ не только просмотрѣнныя сейчасъ сборники, но и тѣ, которые удалось мнѣ получить за Байкаломъ (въ Нер- чинскѣ), изъ Томска и въ Тобольскѣ. Пѣсни переиначены и перепутаны: начало попадо въ конецъ, конецъ безввязно и произвольно ищетъ мѣста въ середкѣ, и здѣсь не попадасть онъ въ смыслъ, ни даже въ размѣръ. Пра- мое тому доказательство можно найти и въ сборникахъ, полученному отѣлѣ- ниемъ изъ Сургута и особенно въ записяхъ казачьихъ пѣсень. Послѣднія записаны въ особенности дурно и къ тому же сложенныя неладно, кажутся и некрасивыи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно безсмыслицами; сплошь и рядомъ стихотворный размѣръ переходить въ безграмотную прозу. Вообще, размѣръ стиховъ не признается за важное дѣло и замѣчательно часто нарушается, какъ бы въ видимое свидѣтельство того, что сибирское ухо съ этой стороны стало туго. Большинство русскихъ пѣсень такъ искажено, что онѣ едва узнаваемы, подобно Ванькѣ ключнику, который попалъ въ Сибирь въ совершенно истрепанномъ видѣ. Между тѣмъ, весьма замѣтно пополненіе заручиться своими пѣснями, но въ то же время очевидно, что творчество за Ураломъ если не иссякло, то, во всякомъ случаѣ, ослабѣло. Ограничиваются въ старыхъ русскихъ пѣсняхъ передѣлками въ видѣ вставокъ мѣстного коло- рита: вместо рѣки Урала поется про батюшку Иртышъ, упоминается Бай- каль и т. под.

Только свадебныя пѣсни являются цѣльно выдержанными, конечно, бла- годаря тому обстоятельству, что содержаніе находится въ зависимости отъ

обрядового ритуала и имъ направляется. За то тюремные пѣсни сохранились не только въ той цѣлости, въ какой они представляются въ Россія, но и обогатились варіантами и значительнымъ придаткомъ новыхъ пѣсень. Между таковыми въ настоящихъ сборникахъ выдается сочиненная, на книжный ладъ, „Сидѣлъ за рѣшеткой орелъ молодой“, имѣющая варіантъ, стало быть, пѣсня ходовая и новая, во всякомъ случаѣ, сверхъ тѣхъ, которыхъ привелось мнѣ въ значительномъ числѣ помѣстить въ I-мъ сочиненіи моего „Сибирь и каторга“. Въ тюрьмы, какъ известно, дѣлали вклады не только самородки въ видѣ купеческаго сына Мокѣева, малороссійскаго разбойника Кармелюка и волжскаго Гусева, но и настоящіе поэты вродѣ декабриста князя А. И. Одоевскаго. Когда товарищамъ его построили для каторжныхъ работъ ручную мельницу, Одоевскій приладилъ пѣсню: „Ты мелись мучица“, совершенно нецензурную, которая и распѣвалась на дешевый мотивъ известной: „Во саду ли въ огородѣ дѣвица гуляла“. Къ Одоевскому присоединился другой товарищъ Михаилъ Алексѣевичъ Бестужевъ съ тремя своими, менѣе удачными, пѣсenkами.

Дѣвѣ пѣсни этого же случайного сборника останавливаютъ внимание стремлениемъ своимъ къ юмору и насмѣшкѣ въ доказательство того, что подобная наклонность не только не чужда сибирякамъ, но даже не въ меньшей степени, любезна имъ.

Одна, совершенно мѣстная, обличаетъ какого-то засѣдателя Петрова, который риги раскрывалъ, полтины собирая.

Старшина то былъ Сизинцевъ,

Дожидался онъ гостинцевъ, —

Никто не несъ.

Если оставить въ сторонѣ эти домашніе счеты, равносильные тѣмъ, какими расчитывались на Бѣломъ морѣ со своими ближайшими властями и какіе записаны мною и напечатаны въ сборнике пѣсень Якушкина, — мы имѣемъ предъ собою еще одну подобнаго же доморощеннаго юмористического склада. Въ ней замѣчается явное стремленіе къ насмѣшливымъ прозвищамъ ближайшихъ сосѣдей, въ такомъ родѣ:

Басъ перебасъ у семи дѣвокъ дубасъ,

Необрублениій подоль, необшитый воротокъ.

До Нарыму мы шли — свой запасъ несли,

Мы до рубежу сходили, полкоша сѣна скормили,

Что таловыя колы — то Молчановски,

Сыромятныя ушки, — то Никольски мужички

Одноухи треухи, то Жарковски мужички

Одноклины запуны, то Трубочевски

Толстопятые ребяты, то Кожевниковски
Воры на голо, то Уртамски удальцы,
Часто говорятъ, то Десятовски и т. д.

Эта пѣсня однородна съ той, которая подслушана въ Шадринскѣ и напечатана была въ Пермскомъ сборникеъ. Обѣ они указываютъ на прямой источникъ происхожденія народныхъ насыщенныхъ присловій. Вся пѣсня въ цѣльномъ видѣ забывалась; оставались въ памяти наиболѣе удачные и характерные эпитеты, которые, какъ брань и укорь и повисали, какъ говорится, на вороту, и ушли въ потомство. Такъ, между прочими, несомнѣнно случилось въ Великороссіи, гдѣ бурлацкая пѣсня въ Поволжіѣ оставила свои следы лишь именно въ этихъ присловьяхъ про спопутные города, въ родѣ: Ярославль — городокъ, Москва уголокъ, городъ Кострома гудливая сторона, Кинешма да Рѣшма кутить да мутить, а Солдога Армении убытки платить; городъ Нижній — соседъ Москвы ближній, семь денъ идемъ — Симбирскъ видимъ (на очень высокой горѣ), и т. д. Подобные же пѣсенные осколки сохранились на старой Двинѣ, на томъ пути, который велъ изъ Москвы черезъ Вологду до Архангельска.

Событие середины текущаго столѣтія высокой государственной важности, каково приобрѣтеніе Амура, вызвало также юмористическое настроеніе въ сибирякахъ, недовольныхъ новыми пришельцами и готовно высказавшихся въ цѣломъ рядѣ пѣсенныхъ протестовъ. Неудачи сплавовъ по рекамъ, торопливыя распоряженія съ насилиемъ, и вообще неумѣлые приемы при переселеніяхъ и принудительное водвореніе казаковъ и крестьянъ на новыхъ земляхъ породили даже цѣлую литературу.

Отъ пришѣвокъ вродѣ —

Какъ по Шилкѣ, по паршивой

Плынетъ Поритовъ плѣшивый, —

приспособленныхъ по великокорусскому обычаю при вбиваніи свай копрами, добрались до личныхъ характеристикъ амурскихъ дѣятелей по образцу, указанному гр. Толстымъ въ извѣстной севастопольской пѣснѣ. Тѣмъ не менѣе въ ряду этихъ умѣло сложенныхъ сатирическихъ стихотвореній попадаются и чисто народныя пѣсни, создавшіяся въ казачьей средѣ и описывающія печальное положеніе этихъ невольныхъ выселенцевъ изъ Забайкалья на берега тогда неизвѣстнаго и негостепріимнаго Амура. Такова, напримѣръ, слѣдуетъ пѣсня:

Какъ отъ Шилки по Амуру
Великия версты
Ужъ какъ были эти версты,
Сперли у рукъ персты.

До Кизева доплывали,
Ко бережку приставали,
На прикрутомъ бережкѣ
Выростало древо,
Выростало это древо—берозонька бѣла.
Какъ на той ли на березѣ
Сидить птица пана,
Кричить „запропала!“
Забайкальскіе казаки а гдѣ ваши кони?
Наши кони въ Сибирѣ ходятъ да гуляютъ.
Забайкальскіе казаки, а гдѣ съ коней сбруя!
Съ коней сбруя поломалась—въ Амурѣ оказалась.
Кто на Амурѣ не былъ и т. д.

C. B. Максимовъ.

О Т ДѢЛЪ II.

Марипчельская крестьянская свадьба.

(Вытовой очеркъ).

Бѣславъ, Бѣжа!
Бѣжинка!
Свадьбу Играѣти,
Бѣжинка!
Зачинати, Бѣжинка!
Свадебная письма.

Мѣстная жизнь въ отношеніи къ свадебному вопросу.

Отъ породы не въ вѣду,
Отъ обѣчая не прочь.
Поговорка.

У нась, въ Марипчельскихъ¹⁾, живутъ по старинѣ, какъ дѣды «навчали»²⁾. А дѣды учили перво-на-перво почитать родителей; кто родителей не почитаетъ, тотъ и Бога не боится,—не добрый, худой тотъ человѣкъ.—Родительская воля надо всѣмъ въ дому: до синя пороха, до маковаго зернушка. «Пойти-ли», поѣхать-ли куда, «нарядить-ли»³⁾ кого на работу—на все Божье благословеніе да родительское позволеніе.—Выдать дочку замужъ, женить-ли сына—все это воля родителей. Ихъ дѣло позаботиться о томъ, какъ-бы свершить законъ надъ дѣтьми. На рѣдкость, кто въ этомъ положится на дѣтей, на ребячій разумъ. За это и «сусѣди» дуракомъ назовутъ, потому «молодой умокъ, что весеній ледокъ»—сейчасъ обианетъ, да и сами дѣти не дадутъ спасиба, «кали»⁴⁾ по родительскому мягкоксердію попадутъ въ ошибку.

Поэтому-то, какъ только дѣвка начнетъ подыматься, подбираться подъ невѣсту, родители уже подумываютъ, куда-бѣзъ ее пристроить въ хорошее мѣстечко. А хорошее мѣстечко будетъ тамъ, гдѣ не велика семейства, куда сватаются дѣвку; вѣдь ей, молодухѣ, нужно будетъ на каждого въ чужой семѣй уладить, угодить. Вываетъ, отдаются замужъ и въ большую семью; но тогда выбираютъ семью, извѣстную своей смиренностью, чтобы не гораздъ затирали дѣвку.—Однако, родители невѣсты смотрятъ не на семью только, а и на жениха. Надо, что-бы парень онъ былъ здоровый, рабочій да заботой, не мотъ, не воръ и не пьяница.

Ну, а «кали» найдется мѣсто подходящее да женихъ стѣющій, тамъ чего-жъ и не отдать дѣвки замужъ.—Впрочемъ, въ деревнѣ рано не выдадутъ дѣвки замужъ;

¹⁾ Марипчельки—приходъ и погость Великолукскаго уѣзда, Псковской губерніи.
²⁾ научили. ³⁾ назначить. ⁴⁾ «кали» (воли)=если, когда.

дадут ей погулять, чтобы было ей чёмъ послѣ вспомнить свою девичью молодость; дадутъ вобраться въ силу, чтобы въ сносы была ей нелегкая доля замужняя. Развѣ ужъ семеро кругомъ обѣло, «одинъ съ солѣкой, а семеро съ ложкой», тогда только родительская жалость уступаетъ мѣсто угрюмой нуждѣ,—приходится безъ поры, безъ времечка отпускать въ чужіе добрые людюшки свое ненаглядное дѣтище, свою старшую dochu любимую.

Но если дѣвка изъ порѣ, взошла изъ тую степень, что называется «въ совѣ», то ее не будуть лишній годъ держать дома. Еще хлопотъ наберешься! Дѣло молодое: кровь-то кишучая; долгое-ль до грѣха?—А весной гулянки по полямъ, по свѣжей дзими; лѣтомъ въ лѣсъ за орѣшками ходить парни вмѣстѣ съ дѣвками. И какъ хорошо бываетъ тамъ, въ лѣсочкѣ, подъ орѣховымъ кусточкомъ, подъ малиновымъ листочкомъ, гдѣ солнце не печеть, много поту не течеть!—А тутъ еще «съ нынѣ-дѣ-вѣку», ведется обычай «обѣи праздникахъ на гулянкахъ» спать мальцамъ съ дѣвками и просто обычай ходить мальцу весной и лѣтомъ, когда зорька съ зорькой стискаются, спать, ночку коротать съ своей любушкой, красной дѣвушкой. Дѣлается это больше «тихоматно», а иной разъ и съ вѣдома родителей, тогда малецъ ходить къ дѣвкѣ спать и зимой. Хоть и говорить молодежь, что спить она «по совѣсти», а бываютъ таки грѣшки. Да и какъ не быть? Придвинь огонь къ соломѣ, по-яеволѣ солома загорится.

Ну, а известное дѣло, «какъ тюкъ, такъ и дѣтюкъ». Послѣ-жъ этого куда дѣвка годится? Ни куръ, ни баранъ; ни въ дѣвкахъ, ни замужемъ.—Пусть бы еще родился ребенокъ да и все тебѣ тутъ; кажется, ужъ полно и этого несчастья. Такъ вѣтъ! Одна бѣда не ходить, а всегда съ ней дѣвѣ да три бѣды въ товарышкахъ. Самое-жъ лихо въ томъ, что за дѣвку съ ребенкомъ хороший женихъ не посватается: не захочетъ взять женку съ худой славой; а за непутѣваго отдавать ее жалковато: вѣкъ свой будешь кудакомъ слезы утиратъ. А то бываетъ рѣдко, чтобы злодѣй самъ покрылъ свой грѣхъ, а дѣвичий стыдъ вѣнцомъ; все больше достается ей бѣдной одной горе мыкать и плачаться вѣкъ вѣчный на своего лиходѣя. Ахъ, не дай Богъ этого горя-злосчастья дѣвцѣ, красавицѣ! Пусть лучше скорѣе она выходить замужъ! Пусть скорѣе за нее посватается ея милый, за котораго, можетъ быть, ей суждено выйти.

А хорошо съ милымъ жить! Послушайте, какъ поетъ про это дѣвушка, бѣлая лебѣдушка, чѣсаная головушка:

Дарёвня ать дарёвни
Не падаличку ¹⁾ стаѣтъ
Промижъ ²⁾ рѣчка бяжѣтъ.
На той ли на рѣчки
Нѣту лѣвинки ³⁾,
Пирягладинки.
Толька есть на той рѣчки
Анна ⁴⁾ жордышка.
Яна ⁵⁾ тѣнинка,

Сухѣ, ялдинька ⁶⁾;
Яна гвѣда ⁷⁾, гибаница
И ня ломица.
Харашо съ мѣлымъ жить
Жѣсть ⁸⁾ не стѣсница ⁹⁾;
Хышь ¹⁰⁾ и стѣснился,
Разгарюмися,
Придѣть врѣмичка—пара,
Пашалюмися.

Да, хорошо живется съ милымъ! Недаромъ сложилась на Руси пословица, что «милые бранятся, только тѣшатся».

А милый у сударушки-дѣвушки рослый да здоровый: кровь съ молокомъ, веселый, какъ ясный «междновый» ¹¹⁾ денёкъ, смѣлый и умѣлый. Ну, а иной прилюбится

¹⁾ не подалеку, близко. ²⁾ «промижъ»—между. ³⁾ «лѣвинка»—ладочка черезъ рѣку. ⁴⁾ «анна» и «анна» = одна отъ сл. одинъ. ⁵⁾ «яна» = она. ⁶⁾ «ялдинька» (яловенька) = еловой отъ сл. ель. ⁷⁾ Во 2 и 3 л. ед. числа и во 2 л. мн. числа буква е всегда произно сится какъ ё и иногда какъ ё. ⁸⁾ «жѣсть»=жизнь ⁹⁾ «тѣснить»=тошнить ¹⁰⁾ «хышь»=хотя. ¹¹⁾ «междновый» = самый хороший; «мѣженъ» = страда, время полевыхъ работъ; тогда стоять лучшіе лѣтніе дни.

и Богъ его вѣдѣтъ за что: ни съ того, ни съ сего, такъ, зря, а разъ не разлюбить, будто и вѣкъ его любила, еще раньше, чѣмъ родилась. И ни за что-бы она не пошла съ доброй воли за немилаго, за постылаго, хоть бы волкомъ пришлось ей выть съ голоду. Лучше, думается ей, голову въ петлю, а нѣтъ въ воду, чѣмъ жить за какимъ-нибудь ювальнемъ или рохлей, котораго всѣ дѣвки просмѣяли, съ которымъ стыдно на улицу показаться. А тутъ того и гляди, подсвѣтается «мозглакъ» — богачъ и отдать тѣтка за него безъ разговоровъ, подумаетъ, что «помочь» будетъ ему отъ богача, хоть родители сплошь да рядомъ и ошибаются въ этомъ.

Какъ вспомнѣтъ на умъ красавицъ про эту грозную бѣду, про это свое горькое несчастійце, заноетъ и защемитъ ея ретивое сердечко и просится съ языка ея тоскли-вая пѣсенка про горемычное жить-быть за богатымъ, за нелѣбимымъ мужемъ:

Не па юрюшку-ль сѣра ѿтица плывѣтъ?
Не па бѣрижку-ль мать радимая идѣтъ?
Ты падій, падій, мать радимая маѣ,
И расправѣдай-ка разнѧшансную мяня:
Какъ я, горькая, у чужихъ людѣхъ ¹⁾ живу;
Не па плисю, не па бархату хажу,
Чѣрезъ золата гарячимъ слязами илью ²⁾).

Иной разъ изъ-за этихъ кошѣчныхъ разсчетовъ, когда прижметъ нужда, роди-тель отдастъ свою дочку милую, свое дорогое зѣрнышко, ненаспанный глазокъ за ста-рдва, за сѣдѣва старика.

Ахъ, если бъ она могла разжалобить родителей, если-бы они послушали ее, она спѣла-бы имъ про это замужійце пѣсенку:

Чёрный вѣрнъ вѣду пиль;	За старыя замужъ аддѣть;
Хыши пиль, не пиль, вазмутиль;	А я старыя не люблю,
Вазмутивши, падятъль;	Са старымъ гулять ия йдѣ,
Ёнъ ³⁾ , латѣвши, гавариль:	Ня йдѣ, не слушю!
«Захатѣла минѣ ⁴⁾ мать	

Но что пѣтъ? Хоть и не весело родителямъ смотрѣть на дочкины слезы: горя-чимъ оловомъ падаютъ онѣ на душу, а все-таки поставятъ на свое: хошь, не хошь, а замужъ пойдешь; отадутъ и за немилаго, а то вѣдь всей семьѣ прямо надо въ гробъ ложиться да помирать съ голоду.

Ахъ, если-бы знали они да вѣдали, что въ это время дѣвячье сердечушки. Не свадьба тутъ, а похороны! И грѣха-то, грѣха при этомъ сколько бы-ваетъ... Помнится, разъ вѣтъ этакъ-то «силкѣмъ» ⁵⁾ выдавали замужъ. Такъ батька невѣсты и ея старшій братъ нарочно прѣѣхали въ церковь, чтобы она не отказалась подъ вѣнцомъ отъ жениха. Пропаща, худая это жизнъ, «кали» живо только тѣло, а душа убита! Говорятъ на это: «стерпится, слюбится». Да полно: слюбится-ль? А если и «слюбится», то дожидай, когда; а каково терпѣть то? «Крѣпкодѣшная», пожалуй, еще отстоитъ себя отъ этой горькой доли, а «тихонрѣвную» не рѣдкость, что выдаются замужъ боемъ, пиленемъ, да журенемъ.

Родительская воля руководится прежде всего своеобразной жалостью. Родители выбираютъ на свой глазъ мѣстечко получше (потому что «молодо зелено, а старого воробья на мякинѣ не проведешь») и отдаютъ дѣвушку замужъ, не справляясь съ ея сердцемъ. — А иной разъ, какъ въ окошко стучить нужда, руководятся они просто денежнымъ расчетомъ для себя, наибольшей пользой отъ того или другого выхода ихъ дочки замужъ.

Не воленъ въ женитьбѣ и парень. Когда жениться — то не его дѣло. «Нада» ⁶⁾ баба по хозяйству и женить матка съ батькой сына. Надо, что-бы малецъ больше дома сидѣлъ, не загуливался-бы въ праздничныхъ, и привязываютъ ему дроги — женку; все,

¹⁾ «у людѣхъ» вм. у людей. ²⁾ «илью» вм. лью. ³⁾ ёнъ=онъ. ⁴⁾ меня. ⁵⁾ «силкѣмъ»=насильно. ⁶⁾ «нада»=нужна.

заселившись, будетъ больше въ домъ смотрѣть, а не изъ дому. Да и мало-ль еще какія притчи и причины «сыгратъ свадьбу»¹⁾.

А кого братъ парню замужъ—это опять-таки знать мамкѣ съ тяткой; они сами выберутъ ему невѣсту. Да развѣ и можно въ этомъ дѣлѣ положиться на мальца? Извѣстно, дѣло молодое—неразсудливое; слюбится, свыкнется съ какой-нибудь съ «пригожей»²⁾ да съ «негожей»³⁾. А что съ безпрокой, будь она и красива, какъ писаная? Не воду съ ея лица пить, не лизать его; хоть бы и «бабушки сдалбали»⁴⁾ его всего, какъ будто горохъ на немъ молотили, хоть и корявая, ничего—сойдетъ. Главное надо смотрѣть, что-бы была она баба ловкая: «умѣла-бъ около печки ходить»⁵⁾ и мужа обшить и обмыть; что-бы и женка она ему была настоящая, надолго бъ ее хватило; что-бы были «въ сутѣрьи»⁶⁾ ей и ребята и крестьянская работа.

Замужемъ-то здоровѣть гораздъ некогда; знай, поворачивайся; не даромъ и по-говорка молвится при работѣ: «попевеливайся! замужемъ не въ дѣвкахъ!» А въ крестьянствѣ работа больше все черная да тяжелая. Тутъ надо въ женки выбирать безпрѣмѣнно дѣвку здоровую, какая изъ себя «побалѣхнѣй»⁷⁾, посправнѣй⁸⁾. Ну, иная хоть бываетъ и «невѣличка»⁹⁾ да въ кучкѣ, плотненька этакъ собой; это то-же ничего, не худо. Первое дѣло—надо глядѣть, чтобы дѣвка была костью роскошна, обширна, собой просторна. У иной-то рука какъ у «мужчини»; этакая больше вытерпить. Да и подъ старость хоть и станетъ она съ лица «несуразна»¹⁰⁾, а все-таки будетъ «поста-новна»¹¹⁾, видна изъ себя.

Разумѣется, надо смотрѣть еще, что-бы дѣвка была смирная, не рогатка какаянибудь. Тутъ лучше всего братъ не съ вѣтру или по наслышкѣ (потому «мѣрская монва, что морская волна», кто что ни кинетъ, все несетъ), а по знакомству да по породѣ глядя. А и то «зѣрны»¹²⁾ ничего не угадаешь; хоть въ оба смотри, ничего не увидишь. Вѣдь и все стараешься, какъ лучше; а иной разъ попадеть такая добрая щетинка, такая выдра, что всѣмъ въ семье, и стариакамъ, глаза повыцарапаетъ. Пойдутъ тутъ изъ-за бабъ ссоры да перекоры (вездѣ вѣчно изъ-за бабъ бѣды-то загораются), а тамъ дѣльба. А дѣльба до добра не доводить. Если семейство не гораздъ богатое, такъ раздѣлятся и ни у кого ни кола, ни двора; у каждого такой домокъ, что не надо и замокъ. Нѣть, не дай Богъ непокладливой, недадѣстой невѣстки въ домъ! Вотъ и поэтому часто родители захватываютъ въ свои руки выборъ невѣсты сыну.

Но не всегда сынъ сдается на полную родительскую волю. Ино¹³⁾ бываетъ, вон-прется парень за свою зоренку ясную, дѣвицу красную, такъ ничего съ нимъ не подѣлаешь, упрямѣй вода; ему хоть коль на головѣ теша, а онъ все свое. И думай батька взять другую, да не приходится; видно, не судьба. Помнется, пожмется, поморщится батька да и «засылаетъ сватовъ» къ дѣвкѣ, какую «облюбилъ» самъ малецъ; видитъ, что сколько съ нимъ ни бейся, а толку не бывать. Ну, а иной парень выдастся смирной да тихой такой: какъ хочь, та旣ъ его и гнѣшь, ни въ чёмъ не выходитъ изъ родительской воли. Тогда родители столкновившись напередъ съ собой, когда «играть свадьбу», «засылаютъ сватовъ», если есть на примѣтѣ дѣвка, подходящая по всѣмъ статьямъ. А такихъ, на случай отказа, намѣчается нѣсколько.

Сватовство.

«Въ сваты»¹⁴⁾ ѣдетъ кто-нибудь изъ семьи либо «породы»¹⁵⁾, а то и просто совсѣдь. Дѣлается это безъ всякаго шума. Да и съ чего тутъ въ колокола звонить? От-

¹⁾ «сыгратъ свадьбу»—отправить, отпирорвать свадьбу. ²⁾ «пригожий»—красивый. ³⁾ «негожий»—негодный. ⁴⁾ «бабушки сдалбали или склевали»—побить осой; «бабушки»—оспа. ⁵⁾ «умѣть около печки ходить»—умѣть стряпать. ⁶⁾ «въ сутѣрьи»—въ сносъ, иодъ силу. ⁷⁾ «побалѣхнѣй»—подороднѣй. ⁸⁾ «посправнѣй»—поисправнѣй, по-здоровѣй. ⁹⁾ «невѣличка»—небольшой, маленький. ¹⁰⁾ «несуразный»—некрасивый. ¹¹⁾ «поста-новны»—стѣтный, стройный. ¹²⁾ «зѣрны»—заранѣе. ¹³⁾ «индо»—иногда. ¹⁴⁾ «въ сваты» (ѣхать)—сватать (ѣхать). ¹⁵⁾ «порода» и «рѣда»—родня.

кажуть еще такъ стыдній будеть.—Зачастую сватъ даже и не на лошади, а прямо пѣшкомъ, на своихъ на двоихъ, отправляется «въ сваты» и въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ около домашней работы ходить; уже много-много, если онъ одѣнетъ кафтанъ почище да запрягнѣтъ лошаденку въ сани.

Понятно, «по Сенкѣ подбирается шапка, по барину говядина»; за богатаго жениха сватъ ёдетъ къ богатой невѣстѣ, а за бѣднаго къ такой и ёдетъ. «Начѣтнѣй»¹⁾ будетъ дѣло, а то еще стыда нахлебаешься, какъ «богачовка»-то откажется.—Инд и бѣднякъ сватаетъ богачку да не «съ бѣхта—барахта»²⁾), а по «наказу» да по «приказу», это особая статья. Бываетъ-же это особаго рода дѣло тогда, когда родителямъ невѣсты гораздъ уже понравится парень—голышъ за смиреннѣ аль за порѣдливость по хозяйству да и дѣвка отъ него не прочь. Вотъ и «накажутъ» они женеху потихоньку (а то еще скажутъ, что набивались невѣстой), что-бы пріѣжалъ въ сваты: «приказано, моль; отадутъ».—А то просто дѣвка слюбится съ бѣднякомъ, водой не разольешь. Ну, и пожалѣютъ ее родители, вздумаютъ отдать за него (потому иной «хоть не богатъ, да тароватъ»), а дѣвка и шепнетъ кому-нибудь, что-бы желанный не зѣвалъ, пріѣжалъ-бы скорѣй въ сваты.—А коли родители гораздъ «заартачатся», такъ молодые, бываетъ и «тихонъко» повѣчиваются. Да, бываетъ и это». Извѣстное дѣло, «что кому рѣпить»³⁾, туть то и купить». Впрочемъ, свадьбы «тихонъко» у насть не въ обычай, рѣдкость. Всѣ почти женятся, какъ дѣдами заведено; бываетъ и сватовство, и рукоятье, и вечеринка, соблюдаются и другіе свадебные чины. Все законными порядкомъ, по Божьему, какъ тому и слѣдуетъ быть. Такъ вотъ о сватовствѣ рѣчь.

Пріѣдетъ это сватъ къ невѣстинимъ родителямъ и дѣлаетъ все по обычай. Войдеть въ избу, спервоначалу помолится «образамъ», потомъ поклонится всѣмъ и «поздравствуетъ», скажетъ: «здраво вамъ» или «здравствуйте вамъ». Пройдеть некіого впередъ и «поздравствуетъ» рука въ руку съ хозяиномъ («здраво сватъ, Михѣй! а либо тамъ: «кумъ, Гришка!») и съ другими мужчевами въ семействѣ, что постарше. А туть его просить проходить и садиться.

— «Ну што, сватокъ, ходишь?» спросить его хозяинъ; видѣть, что не такъ, не спрѣсту человѣкъ пришелъ.

— «Да за малянъкимъ дѣльцымъ» отвѣчаетъ гость. «Вишь ты, янд⁴⁾ дѣло-то какое выходить. У тибѣ»⁵⁾, сватокъ, примѣрно есть барѣза, а у насть дубъ; не сташи, сватокъ, ихъ умѣста»⁶⁾ случать»⁷⁾? Небѣсь»⁸⁾ вѣдаешь, пра што талкѹ?»

— «Какъ-же, сватокъ, какъ-же! Дѣло бывалое, стрѣляная варонъ!» говорить хозяинъ. «Чаво-жъ, яно можна. Дѣвка, пожалуй што, на той стаѣ. А кулѣ-жъ ёта»⁹⁾ будить, сватокъ, да за каво? Самъ знаишъ, на мѣсту да па чилавѣку гляда; никто сваѣму дѣтишу не вракъ»¹⁰⁾.

Ну туть пойдуть спросы да разспросы, тары да бары, суды да пересуды. И коли дѣло не подходящее, батька невѣсты говорить:

— «Нѣ, сватокъ, идничи»¹¹⁾ не думаю аддаватъ дачкѣ»¹²⁾ замужъ. Пажжю»¹³⁾ ящо гадокъ; не малина, не апанинъ; да ящо и рябѣнъкъ яна савсий, малясльна. А въ чужихъ людѣхъ не дома, всяка бывайтъ: «часомъ съ квасомъ, пардъ съ вадой». Привѣда табѣ»¹⁴⁾, и самаму-та миѣ дѣвка пакудыва»¹⁵⁾ што гораздъ»¹⁶⁾ наѣдѣби»¹⁷⁾ по хазайству. Меньшуха»¹⁸⁾ наѣдѣль»¹⁹⁾—плахая работница: не подтянѣлась щи»²⁰⁾, не порасправилась, тольки»²¹⁾ што тольки стала съ сярпомъ на икну валачца; вся туть и помдга, а работи кышъ парься. Што-жъ, сватокъ, не прагнѣвайся, не абессудъ»²²⁾ насть, пажжалиста! Жасиха

¹⁾ «начѣтнѣй»—надежный. ²⁾ «съ бѣхта—барахта»—наобумъ, сдуру. ³⁾ «рѣпить»—не давать покоя, безпрестанно озабочивать. ⁴⁾ «янъ» = оно. ⁵⁾ «у тибѣ»=у тебѣ. ⁶⁾ «умѣста»=вѣсто. ⁷⁾ «случать»=соединять. ⁸⁾ «небѣсь»=пожалуй, вѣдь. ⁹⁾ «ѣта»=это. ¹⁰⁾ «не вракъ»=не врагъ. ¹¹⁾ «идничи»=въ этотъ годъ. ¹²⁾ «аддаватъ дачкѣ»=ви. отдавать дочки, т. е. дателъный падежъ ви. родит. ¹³⁾ «пажжю»=подожду; «жжать»=ждать. ¹⁴⁾ «табѣ»=тебѣ. ¹⁵⁾ «пакудыва»=пока. ¹⁶⁾ «гораздъ»=очень. ¹⁷⁾ «наѣдѣби»=надо, нужно. ¹⁸⁾ «меньшуха»=младшая дочка. ¹⁹⁾ «наѣдѣль»=пока. ²⁰⁾ «щи»=еще. ²¹⁾ «тольки»=только. ²²⁾ «не абессудъ»=не осуди, извини.

и мѣсто мы не грѣбныи¹), а addать никакъ нельзя. Пайщи² сабѣ³ въ другій мѣстѣ; въ міри, сваточикъ, што въ міри, всяко найдёшь, а ётыа дабрѣ ракомъ до Москви не пирястѣшишь». Или другую какую отговорку скажеть невѣстинъ батька и пошель сватъ—«долгой задъ»—не солено хлебавши.

А когда толкуютъ, всѣ—и сватъ и родители невѣсты—сидѣть вмѣстѣ и, обыкновенно, на лѣвой лавкѣ. Невѣста-жъ, какъ только смекнетъ, въ чёмъ дѣло, дрѣло изъ избы вонь (такъ ужъ водится) да и «сѣвѣсно»⁴ и жутко ей становеть сидѣть да слушать, какъ про нее будуть судить и рядѣть, ея судьбу рѣшать.

Если-жъ дѣло сладится, сватъ и родители невѣсты встаютъ съ лавки, «затоплѣютъ» свѣчку «передъ богами» и молятся, чтобы даль Богъ дѣлу «добрый часъ».

Значить засвадѣбилось. Въ этотъ разъ, однако, не бываетъ никакого угощенія: ни отъ свата, ни отъ родителей невѣсты. Теперь-же уговариваются и о томъ, когда «дѣлать рукобѣтье». Назначается особый день, что-бъ хозяйка исгла «нарочно прибраться» къ этому случаю, хорошенько угостить своихъ сватовъ, а невѣста успѣла-бы приготовить «дары» жениху. Ну, словомъ, свадьба заводится не на шутку.

Рукобѣтье.

На «рукобѣтье» ёдеть къ невѣстѣ не одинъ прежній сватъ, а съ нимъ еще жениховъ батька (свѣкоръ), а нѣть батьки, такъ старшій братъ жениха. Ёдуть «сваты» за стаками дѣломъ со звонкомъ и съ полведромъ водки въ саняхъ. Пріѣдуть это они и, какъ совсѣмъ уговорятся, начинаютъ «дѣлать рукобѣтье».

Свѣчка передъ «образами» уже горитъ. «Сваты» и невѣстинъ родители опять садятся всѣ на одну лѣвую лавку. Тутъ жениховъ батька одѣвается на правую руку «рукавицу»⁵), невѣстинъ татька дѣлаетъ то-же самое. Потомъ встаютъ они и берутъ каждый въ руку «съ рукавицей» полу своей одежи: шубы или кафана—и хлопаютъ одинъ другого по рукѣ, приговаривая:

— «Такъ addаешь, сватокъ, дочку-то?»

— «Аддаю, братицъ, за тваёва сынка са всімъ паймъ радѣніемъ!»

— «Ну, давай Богъ всевѣ дѣбрыва!»

И тутъ то одинъ сверху «клѣснить»⁶), то «другѣй»⁷). А послѣ этого всѣ молятся Богу, чтобы даль Богъ «все во святѣй»¹⁰) часъ, и «сваты» перепѣлуются съ родителями невѣсты. Самой же невѣстѣ, какъ и при сватовствѣ, обычно въ избѣ нѣть. Теперь ужъ дѣло рѣшено, не рушится; все конечно: и руки побиты и Богу помолились. Правда, бываетъ то оно, что и послѣ этого разсыхается свадьба, да рѣдко: за безчестье считается.

Теперь ужъ «сваты» какъ свои люди, какъ у себя дома; раздѣваются и прямо къ столу. Хозяйка тутъ изъ печи тащить «пригодахъ»¹¹), что «поналажены»¹²) для дорогихъ гостей; а сваты достаютъ водку и подносятъ всѣмъ присутствующимъ «по стаканчику». Посылаютъ здѣсь за сосѣдами въ деревню «въ столу»¹³), а нѣкоторые и сами приходятъ, безъ здву, какъ узнаютъ, что у сосѣда «рукобѣтье». И мужики тутъ, и бабы, и даже ребятишки; звавыхъ и не званныхъ полная изба. Всѣхъ подчуютъ водкой, а кто пить, напередъ приговаривается:

— «Пощастыи»¹⁴) имъ Богу! Давай Богъ пажѣть да дабрѣ пажѣть! На любовь, на сватъ, на долгій вѣкъ! Будьти здаровы! и выпиваетъ.

¹) «грѣбывать»—пренебрегать, за худое считать. ²) «пайщи»—поищи. ³) «сабѣ»—себѣ. ⁴) «сѣвѣсно»—стыдно. ⁵) «нарочно прибраться»—нарочно подготовиться. ⁶) «дары»—подарки. ⁷) «рукавица»—рукавица. ⁸) «клѣснить»—пріударить, прихлопнуть. ⁹) «другѣй»—другой. ¹⁰) «святѣй»—святой. ¹¹) «пригода»—кушанье. ¹²) «поналажить»—понаготовить. ¹³) «къ столу»—къ обѣду. ¹⁴) «пощастыть»—посчастливить.

А ему говорять «сваты»: «пей на здоровье!» Обедъ кончается.

Послѣ «остатнаго»¹⁾ блюда «сваты» (мать невѣсты) собираетъ въ «чашу»²⁾ «дары» жениху отъ невѣсты. Кладеть въ чашку десятокъ яицъ (это ужъ непремѣнно), полотенце, поясъ, «исподки»³⁾ и кое-что другое; подносить «дары» свекру и говорить: «свотъ табѣ, сваточникъ!»⁴⁾ Я кладу дары пластѣмъ⁵⁾, а ты мнѣ клади краѣмъ! Тогда сватъ (батька жениха) вынимаетъ «гребѣнку»⁶⁾ и кладеть денегъ, сколько можетъ, бумажка на бумажку «прѣти»⁷⁾ даровъ нявѣсты».

Отдариаєтъ сватъ (свекоръ) и говорить невѣстиному батькѣ: «а ты, сваточникъ, покажъ-ка»⁸⁾ нявѣсту! Не кривю-ль, не сляпю-ль мнѣ даѣтъ? Сейчасъ посылаютъ за невѣстой и входить она въ избу, разряженная по праздничному (товаръ то лицомъ показать!). Встанетъ свекоръ и низко поклонится ей и она отдасть поклонъ свекру, потомъ они поцѣлуются. За этимъ свекоръ наливаетъ стаканъ водки, кидаетъ туда срѣбра «за поглѣдное» и подаетъ невѣстѣ. Та «поздравствуетъ» съ нимъ, молвить: «будь здоровъ!» и выпиваетъ вино, а деньги беретъ себѣ.

Ну, тутъ скорѣй «сваты» шапку въ окапку да за порогъ. А невѣста, какъ только вышѣть, и заголосить (такъ ужъ принято). Матка и вся бабья «порода» невѣсты идуть къ сторонкѣ, къ кровати, и то-же плачутъ: кто сидя, кто стоя; плачутъ и постороннія бабы и подруги невѣсты. Сейчасъ тутъ закричать: «вярнійся!»⁹⁾ вярнійся, сватокъ! «ваймъ»¹⁰⁾ нявѣсту! Сватъ ворочается и даетъ невѣстѣ денегъ въ «пѣстру»¹¹⁾; та замолкаетъ на нещего и сватъ уходитъ уже на этотъ разъ совсѣмъ.

Но только сватъ за порогъ, невѣста опять принимается голосить. Тутъ дѣвки водятъ ее къ батькѣ, маткѣ, къ брату, сестрѣ и къ другой «породѣ», кто на лицо. А невѣста все плачетъ и причитается, къ кому ее ни подведутъ. Подведутъ ее къ батькѣ и заплачетъ, заголосить она:

«Карьмѣлицъ мой, батюшка!
Бытта»¹²⁾ я табѣ надаскучила!
Абвязаль ты маю галдвшку
Бизъ порѣ, бязъ врѣмички;
Минуица вся май гульба и вѣлюшка!
Не забудь мянѣ, горьку гарюшинку,
Какъ я уйду въ чужіи дѣбрни людюшки!»

Матери причитается:

«Радитильница, мѣмушка!
Абважутъ маю бѣйную галдвшку
Въ чужіи дѣбрни людюшки
Не ва врѣмя, не ва пѣрушку.
Какъ мнѣ будитъ пайтить, паступитъ?
На чѣстымъ ступенюшкамъ»¹³⁾?
Какъ мнѣ будитъ уладить, угадить
Нерднинъ»¹⁴⁾ радитилямъ?»

Брату:

«Братицъ мой, салавѣюшка!
Не забудь мянѣ горьку гарюшинку
На чужой дѣльной старонушки,
Какъ я уйду въ чужіи дѣбрни людюшки!»

1) «остатній»=послѣдній. 2) «чаша»=чашка. 3) «исподки»=маленькия рука-вички, вязанныя изъ шерстяныхъ нитокъ. 4) «Сватами» у насъ называютъ другъ друга родители жениха и невѣсты. 5) «пластѣкъ» = слоѣкъ; «пластѣмъ» слойками. 6) «гребѣнка» = бумажникъ. 7) «прѣти» = противъ. 8) «показъ» = показы. 9) «вярнѣться» (вернуться)=вортиться, возвратиться. 10) «ваймъ»=убыи, «вягть»=унять. 11) «пѣстру»=пѣсть. 12) «бытта»=будто. 13) «на чѣстымъ ступенюшкамъ», т. е. въ отношеніи деверей, золовокъ и т. д. 14) «рднинъ»=родный.

Сестрѣ:

«Сястрѣца май ластушка—падрѹжинька!
Аттулѣла я талеръ съ табой,
Въ красныхъ дѣвушкахъ атирасавала;
Вси заастутъ май трапѣиушки
И торныи дарожиньки,
Гдѣ я гулѣла въ красныхъ дѣвушкахъ.
Бывало я у красныхъ дѣвушкахъ,
Куды¹⁾ вздѣмаю, туды²⁾ и пайду гулѣть;
У чужихъ—не у свайхъ радитилій:
Какъ будитъ пайтить, паступить?
Какъ будитъ чужой радитильницы матушки
Уладить, угадить?»

И плачетъ, рѣкой разливается невѣста по своей дѣвичьей волѣ да о замужней долгѣ. Замужемъ прибавится ей и работы, хлопотъ и заботъ. Не даромъ она говорила: «минуица вся май гульба и волюшка!»; припоминается ей теперь, что не разъ и сама она пѣвала въ пѣснѣ:

«Воля, волюшка май³⁾!
Минавалася волина гульба,
Са чёрнай грязью смѣшалася,
Са чёрнай, съ паддорожнокъ!»

Подумки и трудовъ замужемъ будеть больше, а жизнь-то не получаетъ. Что-то невесело поется въ пѣснѣ про замужье:

«Съ-за лѣсу, съ-за лѣсочку
Текла рѣчка ширакая,
За Дунай ишла другая.
Ишла дѣвка маладая,
Вела коня варанова,
Ящѣ другова галубова;
Привадила каня къ рѣчки,
Гаварила съ канемъ рѣчки:
«Не табѣ, конь, воду пить,
Ня ишѣ, дѣвки, лицо мыть:
Пары замужъ итать.
Привяжу каня ка кусту,
Все ка кусту, ка калинки,
И сламлю сучекъ калинки:
«Ты пакушай, конь, калинки!
Какава сладка калинка,
Какаво дѣвки замужъ?
Въ сямѣюшки никтѣ ия любить:
Ни свѣкырь, ни свякровка,
Ни дѣвирь, ни заловка».

А иной разъ попадется еще и
«Мужъ—удалая галовка:
Паутрѣ рана уходить,
Вичару подзна приходить;

¹⁾ «куды»—куда. ²⁾ «туды»—туда. ³⁾ Можетъ быть, здѣсь собств. имя «Оля», которое у насъ произносится «Воля».

На краёчку спать лажица,
Тижалёшина вздыхаить,
Трёхъ-четырёхъ вспаминайтъ;
Три-четыри—всё чужи!»

А то:

«Ня ровна¹) дуракъ наважица,
Либа воръ, либа пьянница.
У кабакъ идеть шатаница,
Съ кабаку идеть валица;
Заставлять разувать, разъявлять,
Шелкавы пётли разъёргывать,
Чёрны пугавки расъёгывать»!

А попробуй не послушаться его,
сказать, что:

«Не такова бору ягода раслѣ,
Што я буду тибѣ разувать, разъявлять»!

Сейчасъ и плетько поподчуетъ:

«Пашоль мой мужъ у новую клѣть,
Узялъ²) мой мужъ рамёйную плеть,
Зачалъ жану жалавати,
Все па полу повалавати.
«Вотъ такова ацца³) съ матирю дитя,
Што я буду разувать, разъявлять,
Шелкавы пётли разъёргывать,
Чёрны пугавки расъёгывать»!

И будешь просить его:

«Ты не бей миа безъ вины,
Безъ валикой безъ бяды!
Што мой батюшка далече,
Ронная матушка дальши таво⁴!»
Чёризъ бирёзъ бѣлае
Галасдочка маёва на вслышить,
Чёризъ сасонья частае
Майхъ слезъ на ввидить»!

Вотъ оно каково житье-то бываетъ замужемъ! И замираетъ сердце у невѣсты отъ неизвѣстнаго будущаго и гадаетъ—думаетъ она думу крѣпкую. Ахъ!

«Кабы знала, малода, и вѣдала
Пра сваѣ долю горькую
Пра замужайце нещаснае,—
Я-бъ сидѣла вѣкъ у дѣвушкахъ,
Чисала-бъ галовушку гладёшина
И пляла-бъ русу касу часътина;
И плѣви касу, пригаваривала:
«Што дастањься май руса каса
Ни князю, ни байрину,
Вдавиндуму сыну смиришому!»

Послѣ «просвѣтанья» дѣвушки, дѣвушки, ея подруги, по старинному обычаю, каждый день собираются къ ней на «посидѣлки»—съ пралками (отчего «посидѣлки» называются еще у насъ «супрядками»). Добрый это обычай! И невѣстѣ не такъ скучно и высказывается въ немъ исконная иѣжность русскихъ дѣвушекъ къ своей сосватанной

¹) «ня ровна» (не ровно)=можетъ быть. ²) «узять»=взять. ³) «ацца»=отца.

⁴) «таво»=того.

подругъ. Сидя за пряжой, дѣвушки поютъ невѣстѣ пѣсенки, какія принято пѣть въ этомъ случаѣ.—Вотъ одна изъ нихъ о золотой дѣвичьей долѣ съ нѣжной, предупредительной любовью родной семьи и досадливомъ замужіїцѣ съ пересудами и злословіемъ бывшаго рода—племени въ чужой семье: свекрови и золовокъ.

«Марья ¹⁾ въ мѣтушки
Дарагая гдѣтійка,
Залатая мятѣлышка!
Троя санѣй вѣмела,
Толька аннѣй ²⁾ не вѣмела
Становой іовуй горинки,
Гдѣ сидѣть люты свякровъ
Са сваймъ съ трѣмъ дочирамъ,
Са маймъ залдужшакъ;
Судѣли, рядѣли
Пра чужую дѣтитку,
Пра сваю нявѣстушку:
«То-ль яна санливая,
То-ль яна дрямливая?
Недавна къ намъ прішла,
Многа бѣдъ надѣлала,
Мнокъ пасуди паразьбила:
Все пивнѣи кѣвички
И виннѣи чарычки;
Па навымъ сянѣмъ ходила,
Залатыи ключи утѣряла».
«Охъ ты, лютая свякровъ!
Ты вя сдхин, не балі
Па маймъ златымъ ключамъ:
Мнѣ я твой сынъ ключи купіль.
Мнѣ я твой мужъ залатиль!
Мнѣ куциль ключи батюшка,
Залатила мѣтушка,
Полужали сестрѣцы,
Выкупали братицы,
Абнавѣли нявѣстушки
Зли ³⁾ сваѣй чѣсты, хвали,
Зли май красатѣ».

А тѣмъ временемъ, т. е. между «рукобѣтьемъ» и свадьбой, родители жениха и невѣсты приготавливаются свадьбу проводить.—Шьется невѣстѣ новый «снѣзокъ» ⁴⁾ теплой одежі: шуба и кафтанъ, а иногда еще «снѣзокъ» нижняго платья, или подвѣничный «обрядъ» ⁵⁾. Отдаются невѣстѣ также и всѣ другіе ея «обряды», что были «понаданы» ей въ дѣвкахъ, и «новінны» ⁶⁾, сколько успѣла она себѣ «пригашить» ⁷⁾ ихъ до «замужья». Вотъ и все, съ чѣмъ родители отправляютъ свою дѣвку въ чужіе люди. Хранить свое «добрѣ» дѣвка (какъ, обыкновенно, всѣ деревенскія бабы у насъ въ «кублѣ» ⁸⁾).

«Добрѣ» это такъ и называется «добрѣмъ», а не приданымъ; приданаго въ деревнѣ у насъ нѣть. Впрочемъ, есть и у насъ приданое, но не деньги. Нѣть, не онъ! У насъ невѣста несѣть съ собой жениху самое дорогое въ мірѣ приданое: свое цвѣту-

¹⁾ прімѣрное имя невѣсты! ²⁾ «аннѣй» = одной. ³⁾ «али»=для. ⁴⁾ «снѣзокъ» одежі=полный составъ одежі. ⁵⁾ «обрядъ» = нарядъ. ⁶⁾ «новивѣ»=трубка (свертокъ) домотканнаго холста. ⁷⁾ «пригашить»=приготовить. ⁸⁾ «кублѣ»=кадка съ крышкой и замкомъ; въ послѣднее время стали «похватывать» сундуки.

щее здоровье да золотыя, умълья руки. Иного приданаго, у насъ и не ишутъ. Что мужику и съ приданаго, коли женка дрянь? Съ такой и «жѣсть не въ рѣдѣсть, адиа маѣтъ»; и тутъ то ей не въ силу и тамъ не подъ силу. На работницъ приданое проживешь и своихъ еще приложишь, а все вѣсъ будешь не человѣкъ; вездѣ будутъ «неупрѣвки» и въ домѣ и въ полѣ. Нѣть ужъ Богъ съ ними, съ деньгами! Лучше взять въ приданое румяныя полныя щеки и пышную грудь (присѣху и утѣху молодца), да рабочія и сильные руки. Съ ними горе съ полгоря и бѣда не по чѣмъ!

Въ одинъ изъ «досвадѣбеныхъ» дней женихъ ёдетъ въ своей сїженой «съ лаптѣмъ», т. е. везетъ ей полсаложки подъ вѣнецъ; а невѣста посыпаетъ «дары» родителямъ жениха: свекру и свекрови.

Какъ невѣстини старики, такъ и жениховы—каждый у себя «подбираются» къ свадебнымъ пирамъ: варятъ пиво, пекутъ пироги и хлѣбы, заготавливаютъ мясо, вино ¹⁾). Точно также заняты хлопотами и молодые (женихъ и невѣста); они каждый къ себѣ зазываютъ въ поѣздѣ, просить пожаловать въ свадебный поѣздѣ; у жениха своя «поѣзда», а у невѣсты своя. За разными хлопотами да суетой и не видишь, какъ подскочить канунъ свадѣбы.

Вечеринка.

Наканунѣ свадѣбы у невѣсты бываетъ «вечеринка» или дѣвичникъ. Про невѣсту топить баню ея подруги; а когда топить, головешекъ не колотять, чтобы мужъ жены не билъ. Идеть она въ баню поздно; если зимой свадѣба, такъ ужъ съ огонечкомъ; все по-старинному, какъ заведено; и подруги съ ней, только тѣ уходять раньше изъ бани, какъ справляются, а невѣста остается съ лучшей подругой и приходить послѣ.—Грустно ей!.... Чувствуетъ она, что надъ ней творится что то нѣбывалое, что къ чему-то великому и святому ее готовить. И жутко ей станетъ!...

Придѣть невѣста изъ бани въ избу, а ужъ подружки всѣ собрались и давно ждутъ ее. Поблагодарить она ихъ: «спасибо вамъ, подруженьки, за парь, за банюшку» и заплачетъ. Да и какъ ей плакать? Подруги дѣтства, многія сверстницы пришли проститься съ ней, провести съ ней послѣдній вечерокъ! Скоро придется ей совсѣмъ порвать связь съ дорогимъ прошлымъ и привыкать къ новому будущему, Богъ вѣдѣтъ еще къ какому! И заливаются, горько и громко плачетъ невѣста. Подруги тутъ унимаютъ, уговариваютъ ее: «брось, не плачь! Не адиа ты такая горькая! И всѣ мы такія горьки. Еты сѣмины не такіи, што держать, а наѣда перясаживать!» Утѣшаютъ, а и у самихъ слезы ручьемъ льются. Переплачутся немного, потомъ подруги начинаютъ пѣсни.

Въ пѣсняхъ вечеринки чувствуется уже близость свадѣбы. Первая пѣсня поется «бѣславъ, Божа! Божинка!..; вторая, если у невѣсты живы родители, «какъ Марьушка» ²⁾ мать всюю ночку не спала»; если же невѣста сирота, то поется «ѣлка, ёлушка! залатѣла маковушка» ³⁾!

За ними поются другія, и первая изъ нихъ «на дѣвіччи вѣчири». Въ этой пѣснѣ отмѣчается обычай невѣсты плакать на дѣвичнике. Въ ней слышатся намъ тихія слезы невѣсты, ея сдержанній ропотъ на виновника плача,—ропотъ на предстоящее, какъ-бы подневольное, замужество.

«На дѣвіччи вѣчири,
Тамъ дѣвіца плѣкала.
«Увядити» ⁴⁾ бѣлкошку,

Ваймити ⁵⁾ Марьушку!
Мы бѣлкошку увялій ⁶⁾,
Марьушку не вялій ⁷⁾.

¹⁾ т. е., водку, «водка» у насъ всегда называется «виномъ». ²⁾ Всѣ собственныя имена поставлены иною въ пѣсняхъ для примѣра. ³⁾ Этихъ пѣсень мы теперь не будемъ приводить, потому что съ ними намъ придется еще встрѣчаться послѣ ⁴⁾ «увадити»—уведите. ⁵⁾ «ваймити»—уймите. ⁶⁾ «увялій»—увели. ⁷⁾ «вялій»—уняли.

На дѣвіччи вѣчири,
Тамъ дѣвіца плѣкала,
Марыя Пятровна¹).
«Увядѣти матушку,
Ваймѣти Марьушку»!
Мы матушку увялѣ
Марьушку не внялѣ.

На дѣвіччи вѣчири,
Тамъ дѣвіца плѣкала.
«Увядѣти братицевъ.
Ваймѣти Марьушку»!
Мы брата увялѣ,
Марьушку не внялѣ.

На дѣвіччи вѣчири,
Тамъ дѣвіца плѣкала.
«Увядѣти сястру,
Ваймѣти Марьушку»!
Мы сястру увялѣ,
Марьушку не внялѣ.

На дѣвіччи вѣчири,
Тамъ дѣвіца плѣкала.
«Увядѣти Ивана—князя²),
Ваймѣти Марьушку»!
Мы Ивана—князя увялѣ,
Мы Марьушку унялѣ.

Въ слѣдующей пѣснѣ высказывается взглядъ крестьянской дѣвушки на супружество, какъ на дѣло въ высшей степени святое, какъ «на Божію путь», какъ на путь рѣшительный и безвоворотный, а потому великий и страшный, на который никакъ нельзя «пайтѣть, паступить» безъ благословенія «сударя-батюшки».

Растапіся банишка³),
Разгаріся каминка⁴!
Ты размѣлься мѣленка⁵),
Ты расшаръся Марьушка!
Ты расплѣчъся слѣзининка⁶),
Передъ батюшкой стѣочи,
Благаславлѣнья просьчи:
«Благаславъ, сѣдырь-батюшка,
На Божію путь пайтѣть, паступить»:
Ва святѣю утрину,
Въ святѣю обѣдивку!
Въ святой обѣдинки,
Въ святомъ у вѣнччи,
Въ золатѣмъ абрѣчи
Скобра идѣжи гѣбнуца,
Галава съ плечъ свалница,
Бѣлы рѣки распахнуца,
Ретиво сѣрце жихнеть,
Ясны очи расплачуча.

Дѣвъ слѣдующія свадебныя пѣсни не пріурочены къ опредѣленному времени; поются онѣ и на «дѣвіччи вѣчири» или дѣвичникѣ.—Отъ одной изъ нихъ, отъ пѣсни «какъ на горы выскакой», вѣтъ на насть сердечной тоской-кручинушкой свѣта—батюшки по своей любимой замужней дочери; въ этой же пѣснѣ доносятся до насть и горячія слезы родительницы все по ней-же, по милой доченькѣ, по своему дорогому ненаглѣдишу.

¹) имя и отчество невѣсты. ²) Примѣрное имя жениха. ³) Въ первыхъ четырехъ строкахъ указывается на обычай невѣсты ходить въ баню передъ свадьбой. ⁴) «Каминка» (каменка)=печка въ банѣ черная, т. е., безъ трубы; она обыкновенно кладется въ деревняхъ не изъ кирпичей, а изъ камней. ⁵) «мѣленка (мыленко)=мыльно. ⁶) «слѣзининка»=слѣзиненько.

Какъ на горы высакой,
На плащади ширакой,
Тамъ хадила, гуляла
Марья Пятровна (невѣста),
Зѣлинъ садъ сажала.
Насадивши зѣлинъ садъ,
Сама замужъ пашла;
Приказала свой зѣлинъ садъ
Государю-батюшку:
«Государь мой, батюшка!
Пакрывай мой зѣлинъ садъ
Всё тахтой ¹⁾, всё бархатой ²⁾!»
«Ахъ дитё-ль маё, дититка.
Марья Пятровна!
Я пакрою твой зѣлинъ садъ
Всё таской, всё кручивушкай».

Какъ на горы высакой,
На плащади ширакой,
Тамъ хадила, гуляла
Марья Пятровна,
Зѣлинъ садъ сажала.
Насадивши зѣлинъ садъ,
Сама замужъ пашла;
Приказала свой зѣлинъ садъ
Сударыни-матушки:
«Сударыня-матушка!
Паливай мой зѣлинъ садъ
То сытой, то патыкуй!»
«Ахъ дитё-ль маё, дититка,
Марья Пятровна!
Я палью твой зѣлинъ садъ
Гарячимъ сваймъ сязамъ».

Въ слѣдующей пѣснѣ предвѣщается дѣвушкѣ болѣе строгое отношеніе къ ней новыхъ ея родителей: свекра и свекрови—сравнительно съ жалостью родного отца—батюшки и кормилицы, родной матушки.

На мдри ўтычка акунұлася,
Вышиччи на биряжкъ, встріянұлася.
На тымъ ³⁾ биряжкѣ Марьюшка мыла дары;
Мывши дары слѣзно плакала;
Потомъ паднасіла дары батюшки.
«Судары ты, батюшка, не бѣлы дары!»
Атвѣчаль: «дититка, што не батьку дарішь;
Етымъ дарамъ свѣкра-батьку дарить» ⁴⁾.

* * *

На мдри ўтычка акунұлася,
Вышиччи на биряжкъ встріянұлася.
На тымъ биряжкѣ Марьюшка мыла дары;
Мывши дары слѣзно плакала;
Патомъ паднасіла дары матушки.
«Сударыня ты, матушка, не бѣлы дары!»
Атвѣчала: «дититка, што не матку дарить;
Етымъ дарамъ свѣкровь дарить».

Попоють дѣвушки пѣсенокъ, погорюютъ, испечалятся вмѣстѣ съ невѣстой и начинаютъ расходиться по домамъ. А тутъ ихъ просить пожаловать завтра «на честной пирь, на свадебку».—Остается одна невѣста съ своимъ роднымъ семействомъ и начинается съ ней послѣдняя тихая бесѣдушка. За ужиномъ ей уже не до ъды, не успѣть слезъ глотать. А какъ она проводить послѣднюю ночку подъ родительскимъ кровомъ, про то знаетъ только ея дѣвичье сердечушко!

¹⁾ «тахтѣ»—тафта. ²⁾ «бархата»—бархать. ³⁾ «на тымъ»—на томъ. ⁴⁾ намекается на обычай невѣсты посыпать «дары» свекру и свекрови.

Составъ «поѣзда».

Завтра свадьба и съ ранняго утра начнетъ собираться къ жениху и невѣстѣ «поѣзда» или «поѣзжане». Но кто-же эти «поѣзжане» жениха и невѣсты?—Женихъ зоветъ къ себѣ «въ поѣздѣ» своихъ друзей-приятелей, деревенскихъ парней. У него есть въ «поѣздѣ»—«подкійжій»¹⁾. Въ «подкійжіи» женихъ выбираетъ самаго задушевнаго своего друга. Еть въ «поѣздѣ» еще «дружкѣ». Въ «дружкѣ» попадаетъ обыкновенно пожилой, такъ какъ выбирается, который «знаетъ» (маркуетъ кое-что по колдовству), а такие водятся больше между стариками.—Дружко нуженъ «знающій», чтобы «не подшутить» кто надъ лошадьми. Положить, напр., «злой человѣкъ»²⁾, али³⁾ иной ради потѣхи наговореную соломинку черезъ дорогу и ни за что черезъ нее не перѣдешь, сколько ни бейся; «ушудятся»⁴⁾ копи и ни съ мѣста, какъ вкопаные!—А не то бросить «знѣхарь» нашественную горошину въ сани и будеть лошадь везти—упираться, будто сто пудовъ на саняхъ лежитъ; того и гляди, что вогъ-вотъ станетъ.—А то иной остановить цѣлую «поѣздѣ» гдѣ-нибудь въ воротахъ: либо въ деревню не вѣхать, либо изъ деревни не выѣхать. Видишь, мчигся, несется «поѣзда» во весь опоръ, а подѣхала къ воротамъ и стало дѣло. Крутить—мѣчать «поѣзжане» лошадей, «стебають» ихъ безъ милости, а кони только «шорахаются» въ сторону и все тебѣ тутъ; фыркаютъ да бѣсятся, а въ ворота не впереть ихъ ни за что; подй—вѣдай отчего: будто самъ чортъ въ воротахъ сидить. Въ такиѣ-то случаихъ и дорогъ «дружкѣ-вороожбѣть». Сейчасъ онъ тутъ какъ тутъ; живой рукой все сниметъ, «отдѣлается»⁵⁾ и опять побѣхала «поѣзда» съ Богомъ. А какъ «дружкѣ» то не гораздъ «знаеть», такъ и сиди, пожалуй, на одномъ мѣстѣ да «куликѣй» курамъ на смѣхъ. Третье чиновое лицо въ жениховой «поѣздѣ»—«тысяцкій». Что дѣлаютъ «тысяцкій» съ «подкійжимъ», это въ свое время покажетъ свадебная церемонія.

Невѣста приглашаетъ къ себѣ «въ поѣздѣ» дѣвушекъ-подружекъ; называются онѣ «бояркии». Самую лучшую свою подругу невѣста назначаетъ «первой» или «большой бояркой». «Большой боярѣ» нужно знать всѣ порядки, обычаи и пѣсни; она все начинаетъ, всѣмъ верховодитъ. Она находится при невѣстѣ безотлучно, всюду ее сопровождаетъ, беретъ за нее деньги, гдѣ нужно и т. д.—Со стороны невѣсты выбираются еще четыре «свѣшки»: двое мужчинъ и двѣ женщины. «Мужчины—свѣшки» обязаны везти «боярекъ» на погость, а «женщины—свѣшки» смотрять за невѣстой въ церкви, чтобы было все, какъ слѣдуетъ, по обычая. Онѣ стелятъ молодымъ «подножки», оправляютъ, охорашиваютъ невѣсту, отвѣшиваютъ и завѣшиваютъ ей лицо, когда нужно, и пр.—Число «поѣзжанъ» у жениха и невѣсты бываетъ неодинаково, смотря по карману; вѣдь всѣхъ-же ихъ надо напоить и накормить.—Когда набрана «поѣзда» у жениха и невѣсты и все готово къ свадьбѣ, начинаютъ «играть» самую свадьбу.

Свадьба и «отвѣдны».

Святѣй Кузьмѣ,
Бѣжинъка!
Скуй намъ свадьбу,
Бѣжинъка!
Крѣпкую, тѣвѣрдую,
Бѣжинъка!

Въ день свадьбы у жениха и невѣсты встаютъ рано.—Какъ только невѣста подымется съ постели, помоется, почешется и пріодѣнется, ее «завѣдѣть за столъ».

¹⁾ Сами женихъ и невѣста считаются за князя и княгиню, какъ они и величаются въ свадебныхъ пѣсняхъ. ²⁾ «злой человѣкъ»=колдунъ. ³⁾ «али»=или. ⁴⁾ «ушудиться»=упереться. ⁵⁾ «отдѣлать»=отколдовать; «сдѣлать»=сколдовать.

Сначала все молятся Богу (русский человѣкъ любить все начинать съ крестомъ и молитвой) и «большая боярка», обращаясь къ присутствующимъ въ избѣ, говорить; «благословити, вси краищныи, пѣсни йграти!»—«Богъ благословити!» отвѣчаютъ ей и начинаютъ тогда «заводить невѣсту за столъ».—«Крѣсныи¹»¹ невѣсты береть изъ «божиць²»² икону и идеть за столъ (столъ, обыкновенно, придвигнутъ въ передний уголъ къ правой лавкѣ), за «крѣснымъ» идеть невѣста, а за пей «первая боярка» и другія боярки. «У первой боярки» въ рукахъ два «пирожка»³ пшеничныхъ или ржаныхъ, кто чѣмъ богатъ. Когда начинаютъ заходить за столъ, «первая боярка» хлопаетъ пирожкомъ объ пирожокъ и запѣваетъ начальную пѣсню: «бѣславъ, Божа! Божинька! Скажетъ она первое слово: «бѣславъ»—и хлопнетъ разъ пирожкомъ объ пирожокъ; скажетъ другое: «Божа»—и еще разъ хлопнетъ; «Божинька» и хлопнетъ послѣдний (третій) разъ. Всѣ боярки подтягиваются къ первой:

«Бѣславъ, Божа!
Божинька!
Свадьбу йграти,
Божинька!
Зачинати,
Божинька!
Святѣй Кузьма,
Божинька!
Скай намъ свадьбу,
Божинька!
Крѣпкую, тѣрдкую,
Божинька!
Святѣй Лука,
Божинька!
Случай вѣста,
Божинька!
Двухъ младеновъ,
Божинька!
Шервый младенъ,
Божинька!
Иванъ Максимовъ,
Божинька!
Другѣй младенъ,
Божинька!
Марья Пятровна,
Божинька!
Случай вѣста ихъ,
Божинька!
Съ младыни да старыни,
Божинька!

И да мѣлыхъ дѣтушикъ,
Божинька!
И да сивава вѣлыса,
Божинька!
И да шалкодыва пойса⁴),
Божинька!
Лѣди баютъ⁵),
Божинька!
И не разбаютъ,
Божинька!
Суды судютъ,
Божинька!
И не разсудотъ,
Божинька!
Дажжѣмъ мѣчить,
Божинька!
И не размѣчить,
Божинька!
Сонцимъ сушить,
Божинька!
И не разсушить,
Божинька!
Вѣтрымъ вѣтить,
Божинька!
И не развѣтить,
Божинька!
Лѣснымъ клонить,
Божинька!
И не расклонить,
Божинька!

Пока поютъ эту пѣсню, всѣ, зайдя за столъ, стоятъ: и «крѣсныи», и невѣста, и «большая боярка» и остальные боярки.—Какъ кончать пѣсню, «крѣсныи» ставить образъ на полочку надъ окномъ, къ которому придвигнутъ столъ, зажигаетъ передъ нимъ свѣчку (понятно, восковую), которая и горить до отѣзда невѣсты на погость, и хо-

¹) «крѣсныи» = крестный отецъ, воспріемникъ при купели. ²) «божиць» = трехугольный шкафчикъ или трехугольная полочка, гдѣ хранятся образы. ³) «Пирогами» называются у насъ продолговатые хлѣбы («пирожками»)—маленькие продолговатые хлѣбы: пшеничные—безъ всякой начинки, а ржаные, обыкновенно, съ картофелемъ. ⁴) «пойса»=поясъ, по другому изводу: да шалковой бародушки. ⁵) «бѣль»=говорить.

дить съмъ; невѣста и боярки садятся.—«Первая боярка» одинъ «пирожокъ» изъ своихъ рукъ даетъ невѣстѣ и та кладеть его себѣ «въ заѣнье, т. е., за пазуху, съ нимъ и сюда вѣнцомъ стоять (у насть безъ хлѣбнаго никто не вѣнчается); а другой «пирожокъ» разламывается, раздастъ по кусочку бояркамъ и сама ёсть. Невѣста не выходитъ изъ-за стола во все время до отѣзда на погость, развѣ по надобности, а боярки покутъ ей пѣсни.

На вторую пѣсню поется, если родители у невѣсты живы, «какъ Марьина мать». Въ этой пѣснѣ высказывается взглядъ матери-крестьянки на рожденіе у нея дочери. Родится дочь только на горе и слезы бѣдной матери. Еще сряду по рожденію дочери мать плачетъ, предвидя впереди большія и долгія слезы. Плачетъ она и взrostивши дочку, такъ какъ знаетъ, что выкорнила и выпоила ее для чужихъ людей; что рано-ль-поздно, а придется ей разстаться съ своимъ милымъ дѣтяткомъ, отпустить его на жизнь, Богъ вѣдає еще какую. И вотъ наступила она, эта горькая пора! И теперь, отдавая дочку замужъ, плачетъ родительница пуще прежняго; отъ нее ведутъ любимаго родного дѣтёнка, отъ нее катать и «кублѣ съ добротой», отъ нее несуть бѣлые дары! Правда, дочь приносить родительскому сердцу и утѣху, но утѣхи на поптину, а скорби да печали вѣа весь цѣлковый (не говоримъ уже объ ущербѣ по хозяйству). Вылои, выкорни ее (сколько тутъ надо хлопотъ да хлѣба!), наряди, погляди-полюбуйся на нее и отай въ люди, а послѣ болѣ да сохни по неѣ горемычные родители. И чѣмъ милѣй была дочка, тѣмъ ее жалѣй! И не работница-то она имъ, и не поилица, не кормилица на старости лѣтъ; и не на кого родителямъ передъ смертью порадоваться.—Вотъ почему рожденіе дочери въ крестьянскомъ семействѣ не приносить особенной радости. Не даромъ въ иныхъ нашихъ погостахъ и попѣ вреститъ дочку цѣлымъ пятачкомъ дешевле, чѣмъ сына. Онъ хорошо знаетъ, что дочка мужику одна только сердечная зазноба—сухота да «прѣторы»¹).

«Какъ Марьина мать
Всюю идочку нѣ-спала,
Въ столички ст旤ла²),
Караванъ валила³),
Все тѣста пашанишиае;
Явѣ умѣста⁴) валила,
Янд розна валица.
Валила, валила,
Три раза заплакыла.
Пѣрвый разъ заплакыла,
Кагдѣ Марью рѣдila;

Другѣй разъ заплакыла,
Кагдѣ Марью вспай вскорымъ;
Трѣттій разъ заплакыла,
Кагдѣ Марью замужъ дай.
«Ать минѣ чаду вядуть,
Ать минѣ кублѣ катать,
Ать минѣ дары вязуть!
Чадо—милёшинька,
Кублѣ—палинёшиньки,
Дары—бялёшиньки».

Если же невѣста—сирота, то поется ей на вторую пѣсню: «ёлка, ёлушка! Въ пѣснѣ говорится, какъ къ невѣстѣ на бесѣдушку собралась вся родня и всѣ пріятели, не оказалось только родителя-батюшки и родительницы-матушки. И молить, просить невѣсту своихъ милыхъ братцевъ сходить въ церковь къ обѣденкѣ, прозвонить тамъ въ колоколь «у балышѣй и въ малинѣкѣ», чтобы услышали ея дорогіе родители и пришли-бы сударь-батюшка и сударыня-матушка на ея бесѣдушку надѣлить ее, горькую-бѣдную сиротушку, «ка сватому вѣнчю, къ залатому обручю».

Ёлка, ёлушка,
Золатая маковушка!
Всёль у тебя, ёлушки,
Золатая сунчайка?

Поглядї, Марьюшка,
На сваёй бясѣдушки:
Всѧль твай раний⁵) сабралася,
Всѧль твай пріятили

¹) «прѣторы»—убытки. ²) «Въ столички ст旤ла»—у стола ст旤ла. ³) «Карованъ валила»—караван валила. ⁴) «Умѣста» (умѣсто)—въ одно мѣсто. ⁵) «Раний»—родня.

⁶) Если невѣста не круглая сирота, то въ пѣснѣ вспоминается тотъ, кто умеръ: отецъ или мать.

На тваю бястушку?
«Толька нѣту маѣй раннѣй,
Гасударя-батюшки,
Гасударыни-матушки!
Вы брѣцы, сокалы!
Схадити къ абѣдзки,
Празваний въ колакы!
У бальшѣй и въ малинѣй!
Падайти вѣстушку

У сырѣю замѣлюшку
Гасударю-батюшку,
Гасударыни-матушки!
Пусть маѣ гасударъ-батюшка,
Пусть маѣ гасударыня-матушка
Прилятѣть на маѣ бястушку
Надзлѣть сиротушку
Ка святому вѣнчію,
Къ залатому абручію!»

Эта пѣсня поется такъ жалобно, что и невѣста плачетъ навзрыдъ и боярки сами поютъ, а слезы изъ глазъ градомъ катятся, горохомъ сыплются, не успѣть обирать.

Слѣдующая пѣсня поется о нечаянномъ похищѣніи вѣнца у невѣсты нѣкимъ княземъ (напр., Иваномъ женихомъ). И умоляетъ невѣста своего старшаго брата вспастъ¹⁾ на добра коня, догнать яснова сокала и отнять у него золотъ ея вѣнокъ. Но не въ силахъ большій братъ вспастъ на добра коня, не можетъ онъ догнать яснова сокала, не отнять ему золотъ вѣнокъ и дѣвичьей красоты. Не его теперь воля надѣть ея золотымъ вѣнкомъ. Вотъ какъ обѣ этомъ говорится въ самой пѣснѣ.

«Играла наша Марьушка
Залатынъ вянкомъ въ тѣрими;
Паигравши залатынъ вянкомъ
Палажила на акдичка.
•Паляжъ мой залотъ вянокъ
На краснынъ акдички!
Я сажжу правѣдаю
Пра свѣкѣрыа житьѣ,
Пра свякѣрдина бытѣ.
Не аткуль²⁾ узлїся³⁾ ясный саколь, Иванъ—князъ;
Сахватиль мой залотъ вянокъ.
Дай-ну, гдѣ-жъ мой большій братъ,
(наприм.) Михайта Хѣдаравичъ?
Ахъ ты, братицъ мой, ясный саколь!
Ты вспашь на добра канъ,
Дагднъ⁴⁾ яснова маѣва сакала,
Атый мой залотъ вянокъ!
Систрѣца маѣ; ластушка!
Миѣ не вспастъ на добра канъ,
Не дагнать миѣ яснова сакала.
Миѣ не атнѣть залотъ вянокъ
И дѣвичуи красаты;
Не маѧ тапѣрь волюшка
Надѣть тваний залатынъ вянкомъ».

Передъ тѣмъ, какъѣхать на погость вѣнчаться, невѣстина «поѣзда перехваты-вается», т. е., закусываетъ. Сама-же невѣста «до вѣнца» не єсть ничего. Равно какъ и женихъ. Послѣ «перехватки боярки» одѣваютъ невѣсту подъ вѣнецъ; чешугу ея буйную головушку гладѣшенько, заплетаютъ русую юсынью частѣшенько, «свѣзываютъ» ленточку алѣшеньку, что-бъ покрасовалась дѣвица послѣдній разъ своей русой косой; наряжаютъ невѣсту въ самый лучшій ея «обрѣдъ». И когда справлять дѣвушки совсѣмъ свою подружку, ее надѣляютъ «ка святому вѣнчію». Невѣста и «боярки» заходить за столъ и станутъ, и «боярки» начинаютъ запѣвать жалобную надѣльную пѣсеньку для родителей:

¹⁾ «вспастъ»—вскочить. ²⁾ «не аткуль»—ненѣзвѣстно откуда. ³⁾ «узлїся»—взялъся.
⁴⁾ «дагднъ»—догони.

«Сказывай, Марьушка!
Есть-ли батюшка,
Есть-ли матушка?
Призывай къ дубовому стаду,
Што-бъ яны¹) надялъли тибѣ
Съ усѣй радыстной²),
Съ усѣй жалыстной³).

Тутъ подходятъ родители, берутъ съ подошками надъ окномъ образъ, съ которымъ заводили невѣсту за столъ, и благословляютъ ее; подносятъ хлѣбъ, на хлѣбѣ деньги, и надѣляютъ ее. Невѣста беретъ икону, цѣлуясь ее и ставить на мѣсто, опять на ту же подошку, потому цѣлуясь родителей и принимаетъ хлѣбъ на руки, а деньги кладетъ въ карманъ. Въ это время «бойрки» запѣваютъ другую надѣльную пѣсню: «сдѣкали, салятайся!» для всѣхъ присутствующихъ:

«Сдѣкали, салятайся!
Братъ съ систрой называйся!
Князи, байры съяжжайся!
Хто заснѣль, прабудайся!
Хто пришѣль, не тулися⁴!
Хто пашдѣль, варатайся!

Хто принѣсъ, не скупися!
Сыпите здлато на блѣдо,
А сѣриbro на другдѣ—
Нашиму князю на шапку,
Нашуй княгини на шубу!»

И какъ кто надѣлить, невѣста кланяется и «бойрки» съ ней, а надѣлившему подносятъ ковшъ пива.

Послѣ надѣла невѣста отправляется съ своей «поѣздой» на погостъ. Кони подаются разубранные; всѣ они нарочно для свадьбы пораскормлены, чтобы посвѣжѣе выматривали, да пофорсистѣй везли «поѣзжанъ». Подъ каждой дугой подвязанъ большой колокольчикъ, дуга перевита полотенцемъ, концы которого попущены низко; на подсѣдѣлѣ тоже полотенце. Иногда сверхъ полотенцевъ дуга перевязана платками и ленточками.

Невѣста ёдетъ отъ дома до погоста подъ большими платками, покрытыми «въ рѣспускъ», т. е., на подобіе покрываля, а на платкѣ нашитъ крестъ. Ёдетъ она въ серединѣ свадебнаго подѣза вмѣстѣ «съ большей бойркой». Лицо ея слегка закрыто: платокъ спущенъ иѣсколько на лобъ. По прѣѣздѣ на погостъ невѣста катается на лошадяхъ со своими «бойрками». Въ церковь идетъ она тоже съ призакрытымъ лицомъ. Какъ надѣвать вѣнцы, лицо открывается. По окончаніи вѣнчанья платокъ снова наѣвгается, но не очень; выйдя изъ церкви лицо закрывается больше. За всѣмъ этимъ смотрятъ «свѣшки».—По выходѣ изъ церкви невѣста ёсть «пирождѣкъ», съ которымъ вѣнчалась, и даетъ по кусочку своимъ «бойркамъ»; иногда она ёсть его уже на дорогѣ, єдучи «отъ вѣнца».

Невѣста со своими «поѣзжанами» ёдетъ «отъ вѣнца» прямо къ себѣ домой и садится съ ними «перекусывать»⁵).—А женихъ со своей «поѣздой» прїѣзжаетъ иѣсколько позднѣе; однако «послѣ вѣнца» ёдетъ то-же къ невѣстѣ, а не къ своимъ родителямъ.

Но мы еще не сказали о томъ, какъ деревенскій женихъ готовится «къ вѣнцу».—Съ нимъ продѣлываютъ все то-же, что и съ невѣстой. Ему поютъ тѣ-же пѣсни; изъ нихъ одну только съ пѣмѣніями и одну совершенно новую, послѣднюю передъ отѣздомъ жениха въ церковь. Разница еще та, что жениху поютъ не дѣвушки, а молодуны,—и не за столомъ а стол «на йзѣбѣ»⁶); за столомъ же сидить женихъ со своей «поѣздой». Его «с заводить за столъ» такъ же, какъ и невѣсту, и ему даютъ при этомъ «пирождѣкъ», съ которымъ онъ и вѣнчается; ёсть его женихъ «съ поѣздой» по выходѣ

¹) «яны»—они. ²) со всей радостью. ³) со всей жалостью. ⁴) «не тулися»—не прѣчеси. ⁵) «перекусывать»—закусывать. ⁶) «на йзѣбѣ»—въ изѣбѣ.

изъ церкви «послѣ вѣнца». Жениху поютъ также въ начальную пѣсню: «бѣславъ, Божа! Божинъка!»; за тѣмъ—«ёлку, ёлушку», если онъ сирота; а не сирота, такъ поется то-же, что и невѣстѣ, только вотъ съ какими измѣненіями:

«Какъ Ивана матушка
Всюю нѣчку нѣ-спала,
Въ стѣнички стдила,
Караваи вѣлела,
Всѣ тѣста житнае¹⁾;
Инѣ розна вѣлила,
Явѣлъ всѣ виѣста вѣлица.
Явѣлъ вѣлила, вѣлила
Да три раза вазрѣлась.
Первый разъ вазрѣлась,
Когда Ивана родила;

Другой разъ вазрѣлась,
Ивана вспад—вскарый;
Третій разъ вазрѣлась,
Ивана женивша.
«Ка мнѣ чаду вадѣть,
Ка мнѣ кублѣ катѣть,
Ка мнѣ дары вязѣть!
Чадо миѣшинька,
Кублѣ палишиньки,
Дары бялѣшиньки».

Въ этой пѣснѣ высказывается, такимъ образомъ, взглядъ въ крестьянствѣ на мальчика совершенно противоположный взглядѣ на дѣвочку. Мальчикъ рождается на счастье и радость своимъ родителямъ. Онъ будетъ имъ вѣчнымъ кормильцемъ и угѣхъ да еще приведетъ имъ дочку мѣлую, свою любушку-голубушку. А съ ней приватѣть къ нимъ «кублѣ», и въ «кублѣхъ добра» не мало; привезутъ имъ и «бѣлые дары» отъ почтительной новой дочки. И будутъ дѣтки «надѣ ними честь держать»¹⁾, а они будутъ на старости лѣтъ любоваться ими. Вотъ почему мать «вобрѣлась, родивши сына; вазрѣлась», вспоя-вскоряя его, и радуется особенно теперь, женя его и приготовляя «пирогъ» къ его свадьбѣ.

Передъ тѣмъ какъ родителямъ надѣлять жениха, поютъ: «скѣзывай, Иванушка!», а во время надѣла всѣми другими: «скѣкалы, салятайся!».

Передъ самимъ-же отѣздомъ жениха въ церковь поется новая пѣсня, приворовленная именно къ этому положенію жениха, къ его отѣзду, съ цѣлію добить себѣ невѣсту. Въ этой пѣснѣ говорится, какъ мать снаряжаетъ своего сына, удааго мѣлодца, щѣхать во сырь борь по ягодку, выбрать себѣ изъ малинъ малининку, изъ киягинъ киягинюшку:

«Ивана матушка
По-ранѣнка бѣдила,
Харашевка Ѵчила,
На кѣманя³⁾ пасѣдила,
Въ рѣчку плѣтку подала,
Варата атвѣрила,
Шуть-дорджею вѣзала.
«Паяжжай, маѣ дѣтитка,
Ва сырь борь па Ѵгадамъ!»

Выбираѣ, маѣ дѣтитка,
Съ Ѵгыдъ Ѵгыдку,
Съ малінъ малінинку,
Съ киягінъ киягіньюшку!»
«Гасударыня, матушка!
Мнѣ на выбрать самамъ,
Если Богъ не вѣбрить,
Гасударь не пажалупить».

На погостьѣ єдетъ женихъ среди своей «поѣзды», въ однихъ саняхъ съ «подкійжимъ», а «дружкѣ» на всякий случай, для отвода бѣды, єдетъ впереди. Пріѣхавъ на погостьѣ, женихъ, по заведенному обычая, катается со своей «поѣздой», а «погѣ вѣнца», какъ уже сказано, отѣзжаетъ къ невѣстѣ.

По пріѣздѣ въ деревню невѣсты женихъ опять катается со «поѣздой» по деревнѣ, пока невѣста закусываетъ со своими «поѣзжанами». Затѣмъ, невѣсту надѣляютъ еще

¹⁾ «Житнае» (житное)=ячменное; «жито»=ячмень. Здѣсь указано «житное» тѣсто, можетъ быть, вслѣдствіе созвучія съ словомъ «житъ», такъ какъ все идетъ «къ житью», къ прибыли. ²⁾ «честь держать надъ к.-л.»=почитать к.-л. ³⁾ «на кѣманя»=на коня; въ разговорѣ не употребляется.

разъ. Надѣляютъ ее «сѣзнова» всѣ: и родители, и «порода», и знакомые, и женихова «поѣздѣ». Приходитъ надѣлить невѣstu и самъ женихъ съ «подкнѣжимъ»; надѣлять и ходить.

Накатавши дѣ-сыта, женихъ съ «поѣздой» сгоняютъ своихъ лошадей на дворъ къ невѣстѣ. Тутъ приходитъ въ избу, гдѣ сидитъ невѣста за столомъ съ «боярками», «тысячной съ пирогомъ»; положить «пирогъ» на столъ, на «пирогъ» денегъ въ садѣть за столъ. Приходитъ еще «дружкѣ». Какъ только «дружкѣ» въ избу, «большая боярка» спрашиваетъ его:

— «Абъ чѣмъ¹⁾ ты ходишь: абъ мѣсти, аль абъ невѣсти, иль обѣ насть, гордыхъ байрникъ?»

— «Я хажу,—скажетъ «дружкѣ»,—и абъ мѣсти, и абъ невѣсти, и абъ васъ, гордыхъ байрникъ. Я прихажу въ васъ²⁾ мѣсто пакупать».

«Боярка» отвѣчаетъ: «видъ³⁾ въ насть⁴⁾ княгія дѣрига: адна бровъ⁵⁾ сто рублей, а самдѣ и цанѣ⁶⁾ пѣту!»

«Дружкѣ» вынимаетъ сейчасъ изъ кармана пять «мѣдяковъ⁷⁾» и «хлопъ» на столъ.

— «Нѣ, говорять «боярки», вы люди багатыи, въ васъ шапки рагатыи; а мы люди бѣдныи, въ насть вароты мѣдныи, мы єтакимъ жалѣзьимъ и лашадѣй не куемъ. Пахадѣ-тка на изѣбѣщу, сядь-ка на стадѣще, да подкряпѣ⁸⁾-тка свай лаптищи, тагдѣ апѣть приходи!»

Нечего дѣлать, береть «дружкѣ» деньги взадъ и выходитъ за порогъ; мало сгодѣ, опять приходитъ. Ему говорять:

— «У насть вить вѣстроинъ тѣримъ съ четырѣмъ угламъ, а крѣшки нѣту; такъ вакрой-ка!»

Тутъ «дружкѣ» кладеть на столъ бумажку (конечно, денежную).

— «Ну да видъ⁹⁾, замѣчаютъ «дружкѣ», крѣшку илѣ гвоздынъ прикалать, а то вѣтрынъ яѣ сарѣвѣть».

Здѣсь «дружкѣ» кидаетъ на бумажку нѣсколько «мѣдяковъ» или серебра. Тогда «большая боярка» обираетъ деньги (впослѣдствіи онѣ отдаются невѣстѣ) и выходитъ со всѣми «боярками» изъ-за стола; остается за столомъ только одна невѣста¹⁰⁾.

Теперь «заступаѣтъ¹¹⁾» за столъ женихова «поѣздѣ», а самъ женихъ подходитъ къ невѣстѣ, становится съ ней рядомъ и береть ее за руку. Всѣ стоятъ: молодые съ «поѣздой» за столомъ, а боярки и остальные «на изѣбѣ»¹²⁾. Тутъ «подкнѣжій» да еще какой-нибудь другой «поѣзжанинъ» подходитъ къ невѣстѣ, берутъ большой платокъ за два угла и держать его, распустя, сзади невѣсты съ двумя зажженными вѣнчальными свѣчами, а «свѣшкѣ» (женщина) расплетаетъ невѣстѣ косу, дѣвичью красу.— Въ это время братъ невѣсты береть «поджикъ», становится къ стѣнѣ и, «пилюкай»¹³⁾, кричитъ: «касѣ рѣжу, касѣ!» А «боярки» жалостно затягиваются:

Вратъ сястры,
Не терай¹⁴⁾ касы:

Ѣта каса
Сто рублѣй дана!

Тутъ «подкнѣжій» подходитъ къ брату и даетъ ему денегъ, и братъ перестаетъ «рѣзать касу».—А «свѣшкѣ», зная, дѣлаетъ свое дѣло; расплела и ужъ заплется теперь невѣстину головушку на двѣ косы, «по-молодушиему», и одѣваетъ ей на голову «бабѣ»¹⁵⁾ (замужнѣй) нарядъ, — «Повѣйникъ»¹⁶⁾, подъ который и прячетъ косы; сверхъ

¹⁾ «абъ чѣмъ» = обѣ чѣмъ. ²⁾ «въ васъ» = у васъ. ³⁾ «видъ» = вѣдь. ⁴⁾ «въ насть» = у насть. ⁵⁾ «бровъ» = бровь. ⁶⁾ «цанѣ» = цѣны. ⁷⁾ «мѣдякѣ» = мѣдныя деньги. ⁸⁾ «подкряпѣть», напр., лапти = починить лапти. ⁹⁾ «видъ» = вѣдь. ¹⁰⁾ Весь этотъ обрядъ называется: «мѣсто покупать». ¹¹⁾ «заступаѣтъ» = заходить. ¹²⁾ «на изѣбѣ» = въ изѣбѣ. ¹³⁾ «пилюкай» = водить по одному мѣсту ножомъ. ¹⁴⁾ «терай» = портить. ¹⁵⁾ Отъ обычая крестьянъ называть своихъ женъ «бабами». ¹⁶⁾ «Повѣйникъ» = шапочка, сшитая для будняго употребленія изъ ситцу или кумачу, а для праздниковъ изъ штѣфной шелковой матеріи, преимущественно краснаго цвета.

«повойника» повязывает «косынку» ¹⁾). Называется все это: «повязывать невесту» ²⁾. А какъ «повѣжутъ», такъ «невѣста» становится уже «молодухой».

Когда «повѣжутъ невесту», т. е., уберутъ ея голову «по-молодухому», начинаютъ невесту хвалить въ пѣсняхъ, а жениха хуить, «дражнить» ³⁾. Таковъ обычай.—Вотъ пѣсня въ похвалу невѣстѣ:

«Адна ягадка въ барѣ расла,
Другая ягадка въ другій барѣ.
Ягадка съ ягадкой сакатилась,
Ягадка ягадки пакланилась,
Ягадка ягадки слово мѣлила:
«Ягадка, Марьушка,
Гдѣ-жъ ты была?»
«Ягадка, Иванъ-жа князь,
Ва тваѣмъ саду».
«Ягадка, ягадка!
Што-жъ ты дѣлала?»
«Ягадка, Иванъ-жа князь,

Ягадки бралѣ».
«Ягадка, Марьушка,
Ва што-жъ ты брала?»
«Ягадка, Иванъ-жа князь,
Въ тваѣ шапачку».
«Ягадка, Марьушка,
Камъ поднесла?»
Ягадка, Иванъ-жа князь,
Тваѣму батюшки».
То умна, то умна,
То дагадлива,
Нѣчива умную пиряучивать».

По окончаніи этой пѣсни, какъ говорится, «абманываютъ сырьемъ»; обманываютъ всѣхъ: и «молодыхъ» (т. е., жениха и невѣсту) и «поѣзжанъ». Дѣлается это такъ. Передъ «молодыми» ставить чашку съ творогомъ и въ ней двѣ ложки. Какъ только женихъ или невѣста «намѣрится» взять ложку съ творогомъ въ ротъ, а «подкнѣжій» и «вихъ» ложку на-бокъ и останется человѣкъ съ открытымъ ртомъ. Ну тутъ, конечно, смѣхъ. Да, говорить, это и дѣлается для смѣху. Однако, «молодые» какъ-нибудь таки ухитряются полакомиться сыркомъ. Та-же самая первоначальная неудача попробовать сырь повторяется и съ каждымъ изъ «поѣзжанъ»: все «подкнѣжій» обманываютъ. Но въ концѣ концовъ всякий самъ изловится обмануть «подкнѣжаго».

Послѣ этой шутки «дражнить» жениха въ пѣсняхъ. Достается тутъ и «боярамъ-поѣзжанамъ» за нескладнаго жениха. Поють:

«Вы бойры, лохавѣ!
Вы пашнямъ Ѹхали,
Вы бардны ⁴⁾ вѣдили.
Чавд-жъ вы ихъ не вѣзмали
Да жанихѣ не вычесали?
Вы борымъ Ѹхали,
Вы хвоощъ вѣдили.
Чаво-жъ вы нѣ-взяли
Да жанихѣ не вѣмыли?»

Или еще:

«Марьушка—ягадка наливнѧя,
А подабѣвка скарѣзлая—Иванъ Максимовичъ.
Марьушка, атадѣвнѧя!
Енъ на твой жанишдѣкъ;
Енъ кардвой пастушдѣкъ.
Енъ и въ поля ганѣль,
Сумъ валачиль
И кусочки зѣбирадъ».

¹⁾ «Косынка»—трехугольный платокъ. ²⁾ Такъ принято ходить у насъ молодымъ замужнімъ женщинамъ. Совсѣмъ недавно вышелъ изъ употребленія высокій «кокшаникъ», исключительно праздничное украшеніе молодыхъ женъ. ³⁾ «дражнить» == дразнить.
⁴⁾ «бардны»==бѣрны отъ борона: извѣстное замедѣльческое орудіе съ зубцами.

Послѣ какъ «подрѣжнать» жениха, ведутъ «молодыхъ» съ «подкняжимъ» кормить обѣдомъ въ отдельную, такъ называемую «отхдѣжую» избу¹⁾, а «поѣзжанъ» и всѣхъ остальныхъ гостей кормить въ другой избѣ.

Теперь «боярки» начинаютъ «обѣгровать» обѣдающихъ, т. е., онъ поютъ пѣсни жениху или «поѣзжану» аль просто званому гостю, а тотъ за такой почетъ даетъ имъ денегъ. Принимаетъ деньги «первая боярка» и кланяется давшему, а съ ней кланяются и всѣ «боярки».— Для «обѣгрованья» есть разныя пѣсни: особыя жениху и кланяться «поѣзжанамъ», особыя холостой «поѣздѣ» и особыя простому гостю. Поются боярками эти пѣсни, стоя кучей въ избѣ, съ припѣсываньемъ.

Жениху и женатымъ «поѣзжанамъ» поютъ «вѣрбинка кудрѣва» и «даліна-ль май далівушка». Въ первой пѣснѣ воспѣвается задушевная ласка жены, ея нѣжная привязанность къ своему милому мужу. Все это относится къ обыгрованому и его женѣ.

«Вѣрбинка кудрѣва—
Мікалай Сямёновичъ²⁾.
Вырастѣла вѣрбинка
Ва злѣнімъ лѣзнички;
Расцвѣтѣла вѣрбинка
Въ злѣнімъ садики.
Ка ётай ка вѣрбинки
Пригудѣла бѣрыня,

Явѣ малада жана,
Анна Лякѣвна³⁾;
Вѣрбинку наклонила,
Макѣвушку сломила,
На рѣчку падожила:
«Какъ ёта вѣрбинка
На руки лягдшина,
Живату милѣшина!»

Во второй пѣснѣ восхваляется житейская мудрость жены: ея удивительное умѣніе вѣтъ въ ладу со своимъ мужемъ, и въ концѣ рисуется картина родительского счастья.— Въ пѣснѣ разсказывается, какъ одинъ удалый молодецъ вздумалъ почваниться надъ воей женой и похвастаться передъ другими ея послушностью, просилъ ее поднять будто-бы нечаянно уроненныя имъ съ лошади шляпу пуховую и плетку шелковую; и какъ жена съ неподражаемымъ, чисто женскимъ, искусствомъ съумѣла отклонить отъ себя, съ обиденіемъ своего достоинства и съ сохраненіемъ достоинства своего мужа, эту неестественную для нея мужнюю потѣху. Поводомъ уклониться отъ мужней шутки послужило ормленіе дитяти, ихъ теперешней и будущей отрады. Значить, источникъ согласія между упругими въ ихъ общей любви къ дѣтямъ.

«Даліна-ль май, далінушка!
Раздолѣце ширдкае!
Па ётуй па даліны
Сивагривый конь бяжѣть.
Добрая лошадь
Занѣздына, застѣдлына;
На каяѣ сидѣть
Добѣ⁴⁾ мѣладицъ
Мікалай Сямёновичъ⁵⁾;
Енъ чваница, ламаница,
Свай жандѣ выдвѣраница⁶⁾
«Жанѣ-ль май, бѣрыня,
Вранѣлъ⁷⁾ плѣтку шилкавую,

Яшѣ шляпу пухавую;
Падай шляпу пухавую,
Падай плѣтку шилкавую!
«Ня-йдѣ, ня-йдѣ, ня слѣшію!
За стѣликомъ сижу, за дубовыимъ
И за скатирѣтимъ за браныимъ
И за ъствамъ сахарныимъ;
Дитю карымлѣ каханую
Табѣ, князю, для вѣзду,
А мнѣ младай для вѣхаду.
Люди будуть намъ свѣтыца,
А мы будимъ чваница».

¹⁾ Крестьянскія избы строятся у насъ «связью»: одна изба противъ другой; соединяются они сѣнами. Живутъ, обыкновенно, въ одной избѣ и называется она «жилѣ», другая служить кладовой и называется «отхдѣжей» избой. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ—свадьба, похороны, поминки, и «отхдѣжая» изба обращается въ «жилую». для примѣра. ²⁾ для примѣра. ³⁾ «добѣ»—добрый, хороший. ⁴⁾ для примѣра. «выдвѣряться»—хвастаться. ⁵⁾ «вранѣть»—уронить.

Холостому «поѣзжанину» поется: «Хто-жъ у насъ хардшинъкій?» Начинается пѣсня хвалой щеголеватому красавцу-молодцу и заканчивается пѣжной лаской голубушки-дѣвушки при встречѣ съ своимъ милымъ послѣ томительной разлуки:

«Хто жъ у насъ хардшинъкій,
Хто-жъ у насъ пригожинъкій?
Михаила Иванычъ¹).
Енъ хдорошо хдѣть,
Манѣрно ступаѣть,
Сапогъ не ламаѣть,
Каблукъ не сбѣвѣть.
Под-лугу, лужѣчку,
Лугу зиянѣму
Мѣладицъ гулянть;
Енъ коня имаѣть²),
А конь съ-пмъ игрѣнть;
На каня садица,
А конь висяліца;

Енъ плѣтычку машить,
А конь подъ пмъ пляшить;
Къ саду падъяжжанть,
Садикъ расцвѣтѣть,
Падрѣжка встрячанть:
«Падѣ, мой хардши!
Падѣ, мой пригожій!
Всю я ночь не спала,
Перѣнушку слала,
Згалдовище клада!
Згалдовиѣ вкладала,
Слязамъ обливаласъ,
Тябя не даждала!»

Свадебная пѣсня простому гостю: «А хто-жъ у насъ звѣній гдѣсть?» Въ ней говорится о томъ почетѣ, который всюду сопровождается этого гостя:

«А хто-жъ у насъ
Звѣній гдѣсть?
Яхимъ Мѣтревичъ³).
Въ любви позвана,
Въ чесѣтѣ посажина
За дубовимъ столикомъ,
За єствамъ сахаѣными,
За медамъ абаѣными⁴).

Шалквай бародушка,
Сирѣбриній усдѣкъ!
Вадиля бародѣ,
Па пирамъ, басѣдушкамъ,
Всё па звѣній свадибкамъ;
Честавали барадѣ,
Всё сытой да патыкай⁵.

Особая пѣсня поется тысяцкому:

«У насъ тысяцкій хардшинъкій,
У насъ тысяцкій пригожинъкій:
Барада шалквай,
Усдѣкъ сирѣбриній;
Въ чесѣтѣ пасажина
За дубовимъ столикомъ,
За єствамъ сахаѣными,
За медамъ абаѣными.
«Ты паслѹшай, тысяцкій,

Што таѣй играють игрѣцы,
Мыладыи дявѣцы!
Захатѣли игрѣцы
Съ тибѣ падѣрачковъ:
Канхѣтъ да пряниничковъ,
Да пивцѣ па кѣвшичку,
Да винцѣ па чѣрѣчкѣ
Да па златой грѣвнинѣ.

Въ это время тысяцкій раскошливается, а пѣвицы продолжаютъ:

«Не усыпѣли игрѣцы
Пѣсни сѣпѣть,
Атъ явѣ дары пашлѣ,
Всё падѣрки чѣстны,
Паклдны иѣзкіи».

¹) для примѣра. ²) «имаѣть»=ловить. ³) для примѣра. ⁴) «абаѣный»=обаѣный отъ обаѣвать (ошпаривать горячей водой).

Кончится обѣдъ, кончится и «обыгрыванье».—Послѣ обѣда живо собираются и ёдуть къ жениху. Снаряжаютъ родители свою милую доченьку не въ дальнюю путь-дороженьку, въ рѣдкое свиданійце, въ частое цѣлованійце.—Теперь-же везутъ и невѣсту «добрѣ». Къ жениху ёдеть двѣ «поѣзды»: его «поѣзда» и невѣстина. «Молодые» садятся въ одвѣ сани и ёдуть въ серединѣ всѣй поѣзды.—Надѣльный образъ береть къ себѣ «подкняжій», если не гораздъ хмѣлень, а то «дружкѣ», или кто изъ поѣзжанъ потверзѣй¹⁾); а не окажется такого, такъ береть къ себѣ и самъ женихъ.

На дорогѣ въ попутныхъ деревняхъ «жѣхарі»²⁾ выходить смотрѣть свадьбу. Ребятишки первые поджидаютъ ее, высматриваютъ издали; и чуть завидятъ, кричать во все горло: «свадьба ёдитъ! свадьба ёдитъ!» Тутъ выбираются на улицу мужики и бабы и станутъ всѣ около дороги. Какъ только свадьба поравняется съ толпой, бабы начинаютъ «играть пѣсни». Свадьба останавливается. Мужики, какъ не занятые ни чѣмъ, придвигаются поближе; кто здоровается съ знакомыми, а кто просто смотрѣть «молодыхъ». «Дружкѣ» въ это время соскакиваютъ съ саней, подходить къ жениху и подставляютъ ему свою шапку, тотъ кидаетъ туда денегъ и изъ мѣшка сыплеть, «солодовыѣ орѣховъ»³⁾). Кончать бабы пѣсню, «дружкѣ» подходитъ къ нимъ, поклонится низенько, чинъ-чиномъ, и скажетъ: «малое прийти, а на болѣшее не судити!» Здѣсь какая-нибудь баба подставляетъ ему передникъ, а не то и прямо поддѣль, и она «грохъ» ей туда изъ шапки деньги и орѣхи, и свадьба ёдеть дальше. Бабы деньги беруть себѣ, а орѣхи раздаютъ ребятишкамъ.

Дома у жениха встрѣчаютъ «молодыхъ» батька и матка съ «образомъ», съ хлѣбомъ и солью. «Молодые» поцѣлюютъ икону, перецѣлюются съ родителями и примутъ хлѣбъ-соль на-руки. «Молодыхъ», обыкновенно, ждутъ въ избу черезъ дворъ⁴⁾). Въ сѣняхъ ихъ осыпаютъ «хмѣлемъ и житомъ»; «житомъ», чтобы жилось долго, а «хмѣлемъ», чтобы жилось весело.—Здѣсь-же, въ сѣняхъ, начинаютъ «дражнить» невѣсту подобно тому, какъ у невѣсты «дражнили» жениха. Ей поютъ:

«Ты падѣ, спесивая!
Ты падѣ, ламдѣвая!
Не мы тиѣ сватали,
Ты сама набивалася,
Въ варатахъ настаялася,
Въ калѣчко набрячалася!»

Намекается въ иныхъ припѣвахъ насчетъ близкихъ уже брачныхъ отношений невѣсты къ своему суженому.

Справятъ дѣдовскій обычай, «подражнить» невѣсту, и ведутъ ее, жениха, «подкняжаго» «свашекъ»—мужчинъ и «свашекъ»—женщинъ въ «отходжую» избу «давать обѣдъ», а всѣ другіе обѣдаются въ «жилдѣ» изѣѣ.—Тутъ гостямъ подносятъ по два ковша вина и ставятъ кушанья, а «боярки» начинаютъ снова «обыгрывать» всѣхъ, какъ было у невѣсты. Послѣ обѣда раздается всѣмъ по кусочку «курникъ». Это жареная курятинка, которую привозить съ собой невѣста. Раздаётъ «курникъ» женихова матка.—Пока отправлять этотъ обѣдъ (отъ невѣсты-то пріѣжаютъ поздновато), смотришь, и спать пора. А кто стелеть «молодымъ» постель, тому невѣста дарить пойсъ.

На другой день послѣ свадьбы «молодые» идуть вмѣстѣ пиво цѣдить и этимъ пивомъ подчуриваютъ сначала свекра и свекровь; а потомъ и остальныхъ гостей. Послѣ-же

¹⁾ «твѣрзѣй»—трезвый. ²⁾ «жѣхаръ»—жилецъ, житель. ³⁾ «Солодовыѣ орѣхи»—это катышки изъ солодового тѣста. У жениха всегда находится въ саняхъ мѣшочекъ съ этими орѣхами «на потѣху» ребятишкамъ. Они замѣняютъ лавочные гостины, такъ какъ солодовое тѣсто тоже сладко. Выходить и дешево, и сердито ⁴⁾ «Скотскій дворъ» у насъ пристраивается рядомъ съ избами. Изъ сѣней есть ходъ во дворъ.

этого «молодые» съ крестнымъ батькой жениха и съ его крестной маткой ёдуть на «атвдины» къ родителямъ невѣсты. «Обѣдаются» тамъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ родителями невѣсты ёдуть «обѣдать» къ жениховыемъ родителямъ въ тотъ-же день, а за-гостятся, такъ и на другой¹).—Этими «атвдинами» и кончается празднество Маринчельской крестьянской свадьбы.

M. Успенскій.

¹) Если невѣста окажется потерявшею свое дѣвство раньше замужества и женихъ этого не скроетъ, то «сватамъ» (родителямъ невѣсты) надѣваютъ хомуты или за обѣдомъ подаютъ дырявые ложки. Если-же все по хорошему, то радости нѣть конца и тогда пируютъ на славу.

Нѣсколько параллелей Финскихъ сказокъ съ Русскими и прочими Славянскими.

Финскому Литературному Обществу въ Гельсингфорсѣ, которое съ самаго своего основанія въ 1831 г. и въ особенности въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій съ особеннымъ стараніемъ заботилось о разысканіи произведеній финской народной поэзіи и изданіи ихъ въ печати, удалось пріобрѣсти себѣ запасъ образцовъ произведеній финскаго народнаго творчества числомъ до 200,000 и среди ихъ 20,000 народныхъ сказокъ. Изъ послѣднихъ изданы до сихъ поръ подъ редакціею К. Кроны сказки о животныхъ и часть миѳическихъ сказокъ (въ 1893 г.) подъ заглавіемъ „Suomalaisia kansansatua II, Kuninkaallisia satuja I“ (Финскія народныя сказки II ч., Сказки о короляхъ I ч.) въ многочисленныхъ варіантахъ, записанныхъ по всей области финскаго населенія.

Мы намѣрены представить нѣсколько образцовъ финскихъ сказокъ, съ указаніемъ главныхъ особенностей ихъ въ Финляндіи. Въ обзорѣ характеристическихъ чертъ каждой сказки, который мы составимъ изъ варіантовъ какъ помѣщенныхъ въ упомянутомъ выше сборникѣ, такъ и присланныхъ Обществу послѣ выхода этой книги, мы, главнымъ образомъ, будемъ обращать вниманіе на тѣ черты, которыя имѣютъ значеніе для сравнительного изслѣдованія народныхъ сказокъ. Съ тою же цѣлью мы будемъ приводить къ каждой сказкѣ списокъ извѣстныхъ намъ какъ русскихъ, такъ и другихъ славянскихъ варіантовъ.

Три диковинки и волшебные яблоки.

Санктъ-Михельская губ., Йорайненъ; *Suomal. kansansatua* II, 1, № 8а, стр. 39.

Три брата, всѣ трое солдаты, охотясь развели огонь и расположились вокругъ него. Въ продолженіе трехъ ночей къ нимъ приходитъ старикъ и въ награду за указаніе пути даетъ каждому изъ нихъ по волшебному предмету: младшему неистощимый кошелекъ, среднему скатерть-самобранку и старшему плащъ-невидимку. Возвращаясь съ охоты младший покупаетъ въ подарокъ своимъ братьямъ по постоянному двору, самъ же идеть свататься за королевскую дочь, которая похищается у него какъ кошелекъ, такъ и полученные отъ братьевъ скатерть и плащъ. Солдатъ, переодѣвшись продавцомъ, продаетъ королевнѣ-воровкѣ крупныя, найденные имъ на одномъ островѣ яблоки, имѣющія волшебное свойство превращать въ блѣдную лошадь, если бѣшь одно яблоко, и выращивать на головѣ большие рога, если бѣшь два. Съ помощью другихъ, болѣе мелкихъ яблоковъ, возвращающихся человѣческій видъ, онъ, переодѣтый уже иностраннымъ врачомъ, излѣчиваетъ королевну и получаетъ за это обратно диковинки, королевну же беретъ себѣ въ жены.

Сказка о трехъ диковинкахъ и волшебныхъ яблокахъ встрѣчается одинаково часто во всѣхъ частяхъ Финляндіи. Западно-финляндскіе и восточно-финляндскіе варіанты этой сказки во многомъ отличаются другъ-отъ-друга. Во всѣхъ варіантахъ диковинки получаютъ три брата, почти всегда солдаты, лишь въ восточныхъ частяхъ страны говорить иногда объ одномъ человѣкѣ, получающемъ вещи. О томъ, какъ достаются вещи почти во всѣхъ западныхъ частяхъ Финляндіи, говорится какъ въ приведенномъ выше варіантѣ, на востокѣ же большую частью не говорится о томъ, какъ братья сторожили у огня, а старикъ даетъ вещи въ благодарность за табакъ или, что рѣже, солдатъ похи-

щастъ диковинки отъ чертей, дерущихся изъ-за нихъ. Какъ братьевъ, такъ и чудесныхъ вещей три, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ одна или двѣ. Между ними всюду встрѣчается неистощимый кошелекъ, довольно обыкновенно также шляпа (шапка) невидимка, рѣже камень; плащъ невидимка встрѣчается только въ изложенномъ варіантѣ.

Въ 16-ти варіантахъ (изъ 50) является еще скатерть—самобранка (салфетка, простины) и въ 20-ти мечь (палка), изъ которого выходить войска или который избиваеть, сколько пожелашь, враговъ. Плащъ (коверъ)—самолѣтъ, который въ варіантахъ другихъ странъ часто бываеть въ числѣ чудесныхъ вещей, въ Финляндіи рѣдокъ. 4 раза замѣняетъ его мѣсто корабль, плавающій по сушѣ и по морю. Теряетъ всѣ диковинки въ большинствѣ случаевъ младшій братъ, только въ двухъ варіантахъ теряетъ свою вещь каждый изъ братьевъ, иѣсколько чаще младшій съ самаго начала получаетъ отъ старика всѣ три вещи. Въ роли воровки въ западныхъ частяхъ Финляндіи выступаетъ всегда королевна, и обыкновенная, въ варіантахъ Финляндіи восточной, лишь на дальнемъ востокѣ, въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ говорятъ иногда о дочери императора или царя *). Потерянныя вещи возвращаются всегда съ помощью плодовъ, приносящихъ необыкновенныя послѣдствія. Что касается рода плодовъ, то въ этомъ западно-финляндскіе варіанты ясно отличаются отъ восточно-финляндскихъ. На самомъ западѣ говорятъ всегда о яблокахъ, въ восточной Финляндіи и въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой—за исключениемъ немногихъ варіантовъ о ягодахъ (русская форма), въ среднихъ же частяхъ страны яблоки и ягоды встрѣчаются одинаково часто. Плоды всюду производить рога, иногда же вдобавокъ дѣлаютъ волосатымъ. Цѣлебные плоды, уничтожая рога, въ восточныхъ варіантахъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ красоту (русская форма). Силу плодовъ солдатъ узнаѣтъ собственнымъ опытомъ и находить ихъ большою частью на далекомъ островѣ, куда онъ попадаетъ въ лодкѣ, отдавшись на волю вѣтра, рѣже въ лѣсу или въ саду. Они не всегда продаются королевнѣ, а такъ-же часто дарятся ей. Эта часть сказки въ восточной Финляндіи имѣть нерѣдко слѣдующій видъ: ягоды или яблоки, сообщающія красоту, солдатъ даетъ сначала прислугѣ королевны и, возбудивъ къ нимъ этимъ путемъ вниманіе королевны, продаѣтъ или даритъ ей другія съ противоположной силой. Переодѣвается врачомъ солдатъ во всѣхъ варіантахъ, но не всѣ они оканчиваются его свадьбою съ королевной.

Рассказъ о чудесныхъ плодахъ не разъ сплетался въ Финляндіи со сказкою „о волшебной запискѣ подъ крыломъ птицы“, но рѣдко при этомъ сохранились вмѣстѣ яблоки и рога, чаще встрѣчаются трава, превращающая въ лошадь, и ягоды, то дѣлающія рогатыми, то превращающія въ животное (въ медведя, тигра).

Мы встрѣчали эту сказку въ слѣдующихъ сборникахъ русскихъ сказокъ: Аѳанасьевъ, Нар. русск. ск. (2 изд., 1873), Т. II, № 113а, б, с, стр. 138—150 съ варіантами; Эрленвейнъ, Нар. русск. ск., стр. 26 и 40; Изв. Ипп. Общ. люб. ест., антр. и эти. Т. XXX, Вып. 2, № 5, стр. 280; Худяковъ, Великор. ск. I, стр. 40; Шейнъ, Мат. для изуч. быта и яз. русск. нас. Сѣверо-запад. края. Т. II, № 78, стр. 163; Романовъ, Вѣлор. сб. Вып. III, № 23, стр. 181; № 24, стр. 186; № 25, стр. 192; Гринченко, Этногр. мат. Вып. II, № 184, стр. 258.

Рассказъ о чудесныхъ яблокахъ, вошедшій въ составъ сказки „о волшебной запискѣ подъ крыломъ птицы“, находится:

У русскихъ: Аѳанасьевъ, Т. II, № 115, стр. 162; Худяковъ, Вып. I, стр. 105; Садовниковъ, Ск. и пред. Сам. кр. № 22, стр. 108; Добровольскій, Смол. эти. сб. ч. I, № 27, стр. 561; Ястребовъ, Мат. по эти. Новор. края. № 16, стр. 148; Гринченко, № 183, стр. 247.

У другихъ славянскихъ народовъ: Krauss, Sagen und Mrchen der Sdslaven № 39, стр. 187; Haldau, Bhmisches Mrchenbuch, стр. 90.

*) При изслѣдованіи финскихъ сказокъ употребленіе названія короля или императора (царя) имѣть значеніе. Если сказка перешла въ Финляндію съ Востока, то даже въ самыхъ западныхъ частяхъ страны можно встрѣтить въ ней названіе императора, въ случаѣ же перехода сказки съ Запада „король“ обыкновененъ въ ней и въ восточной Финляндіи.

Мужъ ищетъ свою жену.

Удеборгская губ. Сиппола; Suomalaisia Kansansatuja. II, 1, № 12, стр. 77.

Три дѣвицы, обратившись въ птицы, прилетаютъ въ опредѣленную ночь каждого лѣта на ниву богатаго крестьянина и, сбросивъ свою птичью одежду, топчутъ хлѣбъ. Три крестьянскихъ сына по очереди сторожатъ ниву. Младшему удается похитить одну изъ птичьихъ одеждъ и онъ не возвращается ее дѣвицѣ, пока та не соглашается сдѣлаться его женою. Король, въ восхищѣніи отъ ея неописанной красоты, задаетъ крестьянскому сыну три задачи: въ одну ночь срубить всѣ деревья большого дубоваго лѣса, другую опять поднять ихъ, а кромѣ того отыскать ключи отъ крѣпости, пропавшиѣ еще при его дѣдѣ. Совершивши съ помощью жены двѣ первыя задачи, во время исполненія третьей онъ падаетъ съ лошади въ незнакомой странѣ, потому что, не смотря на запрещеніе жены, оглядывается. Жена, считая мужа погибшимъ, улетаетъ за черное и бѣлое моря въ подводный дворецъ въ красномъ морѣ. Наконецъ мужъ возвращается и отправляется въ поиски за женою, взявъ обманомъ шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и мечь-самосѣкъ у 3 человѣкъ, дружащихся изъ-за нихъ. Двѣ дѣвицы, перевозящія его черезъ бѣлое и черное моря, требуютъ себѣ въ награду обѣ его руки, но онъ съ помощью шляпы-невидимки избавляется отъ нихъ. Третья дѣвица на берегу краснаго моря, чтобы узнать для него о подводномъ дворцѣ, созываетъ всѣхъ птицъ и рыбъ. Одинъ кѣль знаетъ о немъ и на своей спинѣ везетъ туда человѣка. На крыльяхъ жены они возвращаются къ нему домой.

Кромѣ 47 вариантовъ этой сказки, находящихся въ упомянутомъ выше сборникѣ, въ рукописяхъ, приславшихъ Обществу послѣ его выхода, мы нашли еще 20 вариантовъ. Слѣдовательно, это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ сказокъ въ Финляндіи и одинаково распространена во всѣхъ частяхъ ея. Естественно, что такая сложная сказка подверглась многимъ измѣненіямъ. Она почти всегда начинается такъ, какъ и въ изложеніи нами варианта, лишь съ тою вариацией въ восточныхъ частяхъ, что дѣвицы прилетаютъ не топтать хлѣбъ, а купаться, и въ этомъ случаѣ онъ всегда являются, въ видѣ водныхъ птицъ, лебедей или гусей. Въ нѣсколькихъ вариантахъ западной Финляндіи крестьянскій сынъ за то, что въ продолженіе 3 ночей сохраняетъ вѣчнотѣхъ чистотѣ данную королевной тарелку или твердо выдерживаетъ другія испытанія чорта и этимъ избавляетъ королевну отъ него, получаетъ ее себѣ въ жены. Родъ птицъ въ западныхъ частяхъ страны не точно опредѣленъ; нѣрѣко говорятъ, что дѣвицы прилетаютъ къ нивѣ. Число дѣвицъ, такъ же какъ и братьевъ, всегда три, время же, въ которое онѣ точутъ поле, если оно точно обозначено,—Иванова ночь. Что касается того, какимъ образомъ человѣкъ теряетъ свою жену, то въ западной и средней Финляндіи всегда говорится о королевскихъ задачахъ и о паденіи крестьянскаго сына съ лошади во время поисковъ ключей. на востокѣ же разсказъ часто видоизмѣняется введеніемъ въ сказку слѣдующаго эпизода: человѣкъ долженъ три раза пройти въ церковь на свиданія съ женой и бодрствовать до ея прихода, но колдунья всякий разъ усыпляетъ его волшебной иголкой, вслѣдствіе чего королевна удаляется отъ него и оставляется письмо, въ которомъ наказываетъ ему искать себя. Въ западной и южной Финляндіи задачи назначаетъ отецъ королевы, сѣвернѣе чужой король, самъ желающій жениться на прекрасной женѣ человѣка. Самая задача большую частью именно тѣ, о которыхъ говорится въ изложеніи образцѣ съ тѣмъ измѣненіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что двѣ первыя, имѣющія менѣе важное значеніе въ сказкѣ, иногда забываются. Падаетъ съ лошади человѣкъ не всегда вслѣдствіе нарушенія запрета оглядываться, иногда это происходитъ отъ того, что лошадь пугается сторожившихъ у воротъ льва или медвѣдя. Иногда мотивъ къ паденію усиливается тѣмъ, что звѣри ударяютъ лапами лошадь. Разсказъ о трехъ моряхъ: бѣломъ, черномъ и красномъ (рѣко синемъ) и о трехъ длинно-носыхъ женщинахъ, перевозящихъ черезъ нихъ, на востокѣ встрѣчается рѣже, и всегда въ болѣе или менѣе блѣдныхъ чертахъ. Отъ этихъ женщинъ человѣкъ избавляется иногда, не прибѣгая къ помощи чудесныхъ вещей, но его спаса-

и тигр (братья королевны, превращенные въ животных), на другомъ берегу каждого моря, раздирающіе на куски перевозящую женщину. Въ варіантахъ, въ которыхъ говорится о чудесныхъ вещахъ, человѣкъ или похищаетъ ихъ отъ спорщиковъ или присваиваетъ себѣ другимъ образомъ, напр., крадетъ изъ разбойничьяго дома. Между вещами всюду встрѣчаются сапоги-скороходы и шляпа- (шапка-) невидимка; что-же касается третьей вещи, то она большею частью или мечь-самосѣкъ или скатерь-самобранка. Старуха спрашиваетъ у птицъ о дворцѣ приблизительно въ десяти варіантахъ, но не всегда рыба увозить человѣка туда на своей спинѣ.

Изъ славянскихъ варіантовъ этой сказки намъ известны:

У русских: Асанасьевъ, IV, стр. 173; Эрленвейнъ, стр. 108, 139 и 145; Худяковъ, I, стр. 60; Ш, стр. 109; Шеинъ, Т. II, № 136, стр. 285; Рудченко, Нар. южнор. ск., Вып. II, стр. 114; Чубинскій, Труды этич.-стат. экспед. въ зап. русск. край. Юго-зап. отд. Матер. и изслѣд., Т. II, № 4, стр. 15; № 55, стр. 195; № 95, стр. 358; № 109, стр. 390.

У другихъ славянскихъ народовъ: Krauss, № 76, стр. 315; № 81, стр. 352; № 88, стр. 397; № 89, стр. 409; Toeppen, *Aberglauben aus Masuren*, Anhang, стр. 140; Wenzig, *Westslaw. Märchenschatz*, стр. 69; Wuk Karadschitsch, *Volksmärchen d. Serben*, № 4, стр. 25; Стефановић, Српче нар. приповѣдкѣ, № 16; Veljavec, *Narodne pripovjedke*, № 6, стр. 29; стр. 104; въ *Archiv für slav. Philologie*, Т. V, стр. 45—46 упоминается еще иѣсколько варіантовъ.

Рассказъ о дѣвицахъ, прилетающихъ въ видѣ птицъ купаться къ морю, находится еще: Аѳанасьевъ I, стр. 282; Эрленвейнъ, стр. 169; Романовъ, Вып. III, № 21 стр. 172; Чубинскій, стр. 243; Драгомановъ, Малор. нар. пред. и разсказы, стр. 278.

Эпизод о трех чертильх, спорящих о чудесных вещахъ, встрѣчается также: Аѳанасьевъ II, № 107, стр. 99; II, № 115, стр. 158; Изв. Имп. Общ. Люб. ест., ант. и эти. Т. LXIX, Труд. эти. отд. Т. XI, Вып. I, № 2, стр. 166; № 7, стр. 176; № 8, стр. 178; Эрленвейнъ, стр. 139; Садовниковъ, № 7, стр. 52; Романовъ, Вып. III, № 24, стр. 186; № 25, стр. 192; Добровольскій, ч. I, № 27, стр. 561; Чубинскій, № 8, стр. 37; № 14; стр. 70; № 52, стр. 172.

Королевичи съ золотыми волосами и руками.

Або.—Бьернеборская губ., Pyobecu, Suomal. kansansatuja II, 1, № 1, стр. 1.

Три дочери бѣднаго крестьянина обѣщаютъ королю, если онъ женится на нихъ: старшаго прокормить королевскія войска однимъ ржанымъ зерномъ, средняя однимъ льнянымъ сѣмечкомъ одѣть ихъ, младшая же родить королю 12 сыновей съ золотыми волосами и руками. Король женится на младшей. Во время его отлучки на войну рождаются королевичи. Сестры изъ зависти подмѣниваютъ письмо, отправленное къ королю съ извѣстіемъ о рожденіи сыновей, другимъ: „королева родила 12 щенковъ“. Точно также подмѣнивается письмо короля: „щенковъ надо сохранить до моего прѣѣзда“, такими: „королеву и королевичей приказываю убить“. Сжалившись относить 11 королевичей въ чашу, королеву же и старшаго королевича спускаютъ въ бочкѣ въ море. Бочка пристаетъ къ пустынному острову, гдѣ, благодаря волшебной силѣ, полученной королевичемъ во снѣ, является громадный торговый городъ и въ немъ великолѣпный дворецъ. Король, узнавъ отъ одного капитана объ этомъ городѣ и о королевичѣ съ золотыми руками, собирается сѣзжать туда, но старшей сестрѣ королевы удается отговорить его. Въ концѣ концовъ онъ всетаки отправляется на островъ и находить жену съ 12 сыновьями: старшій волшебною силою возвратилъ къ себѣ своихъ братьевъ. Сестеръ бросаютъ въ бочкѣ въ море.

Сказка эта встречается въ Финляндіи всюду, впрочемъ чаще въ восточныхъ частяхъ страны, въ Архангельской-же и Олонецкой губерніяхъ она особенно обыкновенна. Начинается она всегда разсказомъ о 3 сестрахъ, изъ которыхъ младшая обѣщаетъ ко-

ролю родить сыновей съ золотыми руками и серебряными ногами, или съ луною на лбу и съ солнцемъ на макушкѣ, или золотыхъ дѣтей. Обѣщанія старшихъ сестеръ большею частью тѣ же, что и въ изложенномъ варіантѣ. Иногда впрочемъ по аналогіи говорится обѣ обѣщаніяхъ всѣхъ сестеръ родить сыновей съ особенными, только не одинаковыми качествами. Въ 4 варіантахъ разсказывается обѣ одной дѣвушкѣ, соответствующей въ этомъ случаѣ младшей изъ трехъ сестеръ. Число дѣтей всегда такое, въ которое множитель входитъ три (3, 9, 12), за исключеніемъ двухъ варіантовъ, говорящихъ обѣ одномъ королевичѣ. Въ восточныхъ частяхъ довольно обычно число 9, въ западной же Финляндіи оно никогда не встрѣчается. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ случаѣ рожденія девяти дѣтей они почти всегда рождаются тройнями, подмѣна письма встрѣчается далеко не вездѣ, и то чаще подмѣняется лишь письмо съ извѣстіемъ о рожденіи королевичей, причемъ король самъ приказываетъ убить щенковъ (сыновей) или бросить ихъ въ бочки въ море. Въ большинствѣ случаевъ, особенно на востокѣ, обѣ этомъ разсказывается такъ. Баба-ягѣ, приглашенная повивальной бабкою, тайно замѣняетъ родившихся королевичей щенками, и король, по возвращеніи домой, приказываетъ уничтожить ихъ. Сестры королевы очень рѣдко выставляются виновницами ся несчастія. Королеву и одного королевича бросаютъ въ бочки въ море во всѣхъ варіантахъ, и во всѣхъ ихъ благодаря какой-нибудь сверхъестественной силѣ, заключенной нерѣдко въ волшебной вѣти или полотенцѣ, появляется на островѣ дворецъ. Относительно того, какъ король узнаетъ о своей женѣ и сыновьяхъ, которыхъ онъ считаетъ убитыми, съ приведеннымъ образцомъ сходится лишь одинъ варіантъ. Въ восточной Финляндіи о новомъ городѣ и королевичахъ съ золотыми руками большею частью разсказывается въ королевскомъ дворцѣ ницѣ, случайно бывшей на островѣ. Въ западной же Финляндіи или сами королевы приѣзжаютъ съ острова во дворецъ отца (въ 2 варіантахъ на свадьбу короля съ дочерью Бабы-Яги) или король приѣзжаетъ къ нимъ. Женщина-обманщица наказывается различнымъ образомъ: ее или привязываютъ къ лошадинымъ хвостамъ, или зарываютъ въ землю; въ море ее бросаютъ лишь въ приведенномъ варіантѣ. Русскіе варіанты: Аѳанасьевъ III, № 160, стр. 41, 45; IV стр. 378; Худаковъ, Вып. III, № 87, стр. 35; отчасти № 111, стр. 129—130 и № 117, стр. 194—195; № 112, стр. 131; Сб. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XXIII, стр. 179; Романовъ, Вып. III, стр. 296, 298 и 302; Чубинскій № 9, стр. 40; Рудченко, Вып. II, № 27, стр. 89.

Варіанты другихъ славянскихъ народовъ: Glinski, Bajazr polski II, стр. 53; Божена Нѣмцова, Slovenskѣ pohádky a pověsti, стр. 470; Wuk Karadschitsch, стр. 166; Српскѣ летопис. 1872, Т. 114, стр. 141 (=Arch. f. slav. Phil. II, 3, стр. 627); Krauss, стр. 382.

По щучьему вѣлѣнію.

Улеаборгская губ., Киттилэ; рукописный сборникъ Мурмана, № 25.

Мать посыдаетъ своего лѣтня-сына принести рѣшетомъ воды. Въ рѣшето попадается щука, которая въ благодарность за то, что онъ отпускаетъ ее, обѣщаетъ, что все исполнится по его желанію, если только онъ произнесетъ слова: по щучьему вѣлѣнію. По его желанію вода, и куча дровъ сами отправляются домой, и королевна родить ребенка. Король хочетъ узнать, кто отецъ ребенка. Тотъ отецъ его, кому онъ улыбнется. Ребенокъ улыбается лѣтняю, которого въ наказаніе сажаютъ на корабельную мачту. По щучьему вѣлѣнію онъ съ мачты падаетъ въ прекрасную страну, где его выбираютъ въ короли, сначала мѣдного, затѣмъ серебрянаго и наконецъ золотого царства. Привезть къ себѣ короля, посадившаго его на мачту, лѣтний заставляетъ его отдать ему свою дочь въ жены. Въ концѣ концовъ онъ открываетъ королю, кто онъ, падить ему, какъ тестю, мѣдное и серебрянное царства, самъ же остается въ золотомъ.

Эта сказка относится къ числу еще неизданныхъ. Въ периодическомъ изданіи

Финского Литературного Общества „Suomi II“, 17, стр. 338 перечисляются варианты этой сказки, доставленные въ архивъ рукописей Общества до 1885 года. Всего 28, записанныхъ въ разныхъ частяхъ страны. Судя по этому, она весьма распространена въ Финляндіи.

Варианты: Асанасьевъ I, № 100, стр. 511, 522; № 101, стр. 525; Эрленвейнъ, стр. 76; Сб. отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, Т. XXIII, стр. 202; Чубинскій, № 23, стр. 88; Рудченко, Вып. II, № 26, стр. 85; Kolberg, Pokucie V, № 75 (=Этнограф. Обозр., кн. XXII, стр. 119); Glinski I, стр. 195; Худяковъ, Мат. для из. нар. слов., стр. 20 (сербская).

A. Aarne.

Галицко-русский авгурій XVIII-го вѣка.

Въ рукописномъ сборникѣ свящ. Феодора Поповича Тухлянского изъ половины XVIII-го вѣка, находящемся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ (рукоп. №-ры 2189), помѣщено, какъ дополненіе къ "кнігѣ звѣздочетства", начинающей рукопись, слѣдующее интересное указаніе *о недугующихъ*:

Вещи не дъгъщи, ащели обмрет или живеят. Понци воким дни 8ні (?) разболится и сочтат имъ его шт рожденія днни его; сочтав си же штавши на л; штавши же аще бъдет во черленихъ числахъ, жив бъдет, аще во чернихъ, обмретъ. Бые черленѣ: а, г, л, т, д, с, ф, ки (въ живот); се чернѣ: ке, с, е, з, и, ф, в, е, з, и, ка, ка, ке, кф, л — смерть.

Аще хощеши шврести в недѣжномъ или обѣрѣти или живетъ, штри
емъ рѣцѣ и нозѣ тѣстомъ, подажа сиѣ ѹ: аще сиѣстъ, жив вѣдетъ волний,
аще несиѣстъ, то ѹмретъ.

И паки инакъ: шмий рѣцѣ и нозѣ недѣжномъ теплою водою и пролѣти вѣрхъ пса; аще штромсется, то живъ вѣдетъ болни, аще ли нестремсеть сѣ, то умретъ и совершишася. (л. 7—7 обр.).

Этотъ интересный авгурій не былъ еще никогда напечатанъ, хотя вѣсъ осталъныя статьи сборника уже обнародованы. О немъ только вскользь упоминаютъ въ описаніи рукописи О. Калитовскій, въ львовской „Зорѣ“, 1884, и-рѣ 8, с. 65, и В. Макушевъ, въ журналѣ Минист. Нар. Проис. т. 217, 1881, сент. с. 94. Здѣсь привожу его съ буквальной точностью, вводя только интерпункцию, которая въ рукописи вовсе не отпечатана.

Ю. Яворський.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и бібліографія

Теогонія Гезіода и Прометей (Разборъ сказаний). Георгій Властова. Спб. 1897. 8° XX+579 стр. Цѣна 3 рубля.

Разбирая книгу г. Властова, мы не станемъ излагать всего ея содержания, такъ какъ для этого пришлось бы написать новую книгу, пожалуй, еще большаго объема. Все содержание гезиодовской Теогоніи авторъ раздѣляетъ на 32 сказания, которыхъ онъ и разбираетъ отдельно, предпосыпая каждому подстрочный переводъ греческаго текста. Мы въ своемъ разборѣ постараемся выяснить главные взгляды автора на свою задачу и общій характеръ его толкованій міеологическихъ данныхъ. Для этого намъ придется собрать разбросанныя по всей книгѣ отдельные замѣчанія и изъ нихъ восстановить его символъ вѣры. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ дѣлѣ толкованія міеовъ авторъ придерживается своихъ особыхъ взглядовъ, и отъ оцѣнки его общихъ положеній вполнѣ зависитъ и наше отношеніе къ его выводамъ.

«Основаніемъ каждого сказания, каждой легенды всегда служить фактъ. Фактъ этотъ есть или явленіе изъ физического міра, окружающаго человѣка, или событіе изъ его жизни. Сказанія не выдумываются и не сочиняются, а возникаютъ какъ разсказъ о событіи, или явленіи, и потому поетически развиваются... Поэтому, при разсмотрѣніи каждого сказания необходимо искать: изъ какого факта могла возникнуть эта легенда? что именно она вспоминается?» (171). Далѣе (281) авторъ говоритъ, что развитіе міеовъ «имѣеть нѣсколько моментовъ. Первый изъ нихъ всегда почти есть воспоминаніе о фактѣ, событіи;—потомъ побѣдная пѣснь,... утрачивая свое мѣстное значеніе, расширяется и охватываетъ всѣ событія [подобнаго рода]... и съ одной стороны начинаетъ переходить съ мѣста на мѣсто, а съ другой обобщаетъ всѣ факты... въ одномъ сказаніи». Здѣсь авторъ уже признается, что главнымъ источникомъ міеовъ являются историческія событія. Такіе міоны оѣ называются міеами этническаго происхожденія. «Символическое значеніе придумывается міею въ послѣдующемъ его развитіи; первый же моментъ большей части міеовъ имѣеть этническое происхожденіе» (286). Такой первоначальный міеъ, по мнѣнію автора, отличается простотой и ясностью. «Міеъ въ начальѣ всегда простъ и ясенъ и почти никогда не связывается съ какою-либо философскою или космогоническою теоріею» (442). Съ другой стороны, «мѣстныя легенды составлялись для прославленія тѣхъ фамилій, у которыхъ служилъ бардъ, который старался на основаніи мѣстного сказанія связать славимый родъ съ богами и героями. Иногда легенда возникала отъ игры словъ, или древнихъ метафоръ, смыслъ которыхъ былъ утраченъ» (503). Наконецъ, что касается самого метода изученія міеологии, то авторъ признается, что «необходимо ее (міеологію) разматривать, такъ сказать, по слоимъ, стараясь возсоздать образъ міоа, принадлежащаго только извѣстной эпохѣ, извѣстному моменту развитія общества» (531). Съ послѣднимъ положеніемъ нельзя не согласиться, хотя, какъ мы увидимъ ниже, авторъ неправильно его примѣняетъ на практикѣ: онъ

раздѣляетъ сказанія на слон по заранѣе созданной теоріи, выведенной не изъ разбора самыхъ миѳовъ. Кромѣ того, и общая теорія автора кажется темною и запутанною. Если авторъ въ основу первоначального миѳа кладеть фактъ, который онъ по большей части понимаетъ какъ историческое событие, то, естественно, является вопросъ, какъ мы можемъ добыть изъ миѳа его историческую основу. Вѣдь известны намъ только миѳы, а не факты. Изъ словъ автора видно, что миѳъ отличается отъ факта своимъ метафорическимъ языкомъ, который первоначально, по мнѣнію автора, долженъ быть простъ и ясенъ. Но существуетъ ли хоть одинъ миѳъ, написанный этимъ яснымъ языкомъ? И какой критерій даетъ намъ право причислить тотъ или другой миѳъ къ первоначальнымъ, яснымъ миѳамъ или къ позднѣйшимъ, затемненнымъ? Кромѣ того, если миѳъ все-таки отличается отъ описанія событий, то и въ первоначальномъ миѳѣ мы должны признать известную долю символизма: миѳъ, въ такомъ случаѣ, является символомъ события и, для того, чтобы умѣть разгадывать миѳы, нужно умѣть понимать ихъ символической языкомъ. Но пониманіе этого языка требуетъ непрѣменно хоть нѣкотораго знакомства съ фактами, лежащими въ основѣ миѳовъ, а ихъ то мы и ищемъ. Слѣдовательно, получается почти безнадежное положеніе. Между тѣмъ, у автора существуетъ какой-то символический лексиконъ, съ помощью которого авторъ и переводить на исторический языкъ самые сложные миѳы. Но мы не знаемъ происхожденія этого лексикона, и потому сомнѣваемся въ справедливости толкованій автора.

Но прежде чѣмъ познакомиться съ этимъ лексикономъ символовъ, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о фактахъ, которые авторъ кладеть въ основу миѳовъ. Если миѳологъ склоненъ въ миѳахъ видѣть прежде всего отзвуки историческихъ событий, то для него весьма важное значеніе должны иметь факты, засвидѣтельствованные исторіей. Они должны служить ему провѣркою его выводовъ. Малѣйшее противорѣчіе въ выводахъ съ историческими фактами должно наводить его на мысль, что въ его разсужденіе вкраилась ошибка. Важны для него и выводы сравнительного изученія языковъ, тѣмъ болѣе, что ему самому часто приходится имѣть дѣло съ данными почти исключительно лингвистическими. Ему необходимо считаться и съ выводами языкоznанія относительно доисторической культуры индоевропейскихъ народовъ: и они овь должны постоянно проверять свои выводы. Такимъ образомъ, если встать на точку зреінія автора и признать, что задача миѳолога сводится къ раскрытию исторического смысла миѳовъ, то необходимо признать, что миѳологъ долженъ, съ одной стороны, строго научнымъ путемъ разбираться въ смыслѣ символического языка миѳовъ, а съ другой— изслѣдовать древнѣйшія историческія события и съ ними согласовать свои выводы или по крайней мѣрѣ, не впадать съ ними въ противорѣчіе. Если онъ, такимъ образомъ, видѣть концы съ концами, то его выводы можно считать вѣроятными. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ все время парить въ области фантазіи.

Что же даетъ намъ книга г. Властова съ этой точки зреінія? Мы увидимъ ниже, что вместо того, чтобы смотрѣть на миѳологію глазами историка (какъ слѣдовало бы поступать миѳологу, ищущему въ миѳологіи древнѣйшія историческихъ преданій), авторъ склоненъ, наоборотъ, смотрѣть на исторію съ точки зреінія своихъ миѳологическихъ положеній. Что касается доисторического периода греческаго племенъ, всѣхъ индоевропейскихъ племенъ и даже всего человѣчества, то авторъ обо всемъ этомъ имѣть весьма «чайны свѣдѣнія». Онъ не сомнѣвается, что человѣчество нѣкогда «составляло единую рымъ» и «пимѣло единныя преданія», а потому уже «разошлось по земному шару» (6). Началомъ и исходнымъ пунктомъ человѣчества онъ считаетъ «сѣверные склоны Гинду-Куша» (371). Относительно индоевропейскихъ племенъ (или арійскихъ по терминологии автора) онъ сообщаетъ намъ еще болѣе подробностей. Родина ихъ помѣщается въ Памирѣ (напр., 133). Рядомъ съ ведическими аріями на высотахъ Памира жило племя безбожныхъ дазусовъ» (179). Этихъ «своихъ враговъ дазусовъ велическіи обивали еще на сѣверныхъ склонахъ Гинду-Куша въ томъ, что они занимались агіей» (239). «Съ высоты Памира» «принесено имя Прометея въ связи съ воспоминаніемъ о добываніи огня посредствомъ тренія» (202). «Когда аріи, не разделенные расколами, толпились на сѣверныхъ склонахъ Гинду-Куша и на холодной высокой земли Памира, то главными божествами ихъ... были Дій, свѣтлое небо, и мать земля»

(203). Тамъ же, «возникаютъ ведические гимны, возникаетъ учение о добре и зле, известное намъ подъ именемъ Маздеизма» (203—204). Дю «пѣлись гимны на высотѣ Памира» (135). Арии говорили на своей родинѣ особымъ языкомъ; это былъ, «повидимому, диалектъ санскритскаго, гораздо древнѣйшаго санскритскаго Ведъ» (34). Въ другомъ мѣстѣ (272) говорится, что арии до раздѣленія на отдѣльныя племена обладали «ведическими гимнами и санскритскими языками въ томъ видѣ, въ какомъ они извѣстны намъ изъ Ведъ». Эти «ведические арии», по мнѣнію автора, являются представителями всего хорошаго, нравственнаго, поэтическаго. У нихъ была «чистая ведическая семья» (59). «Только у ведическихъ ариевъ мы встрѣчаемъ... обоготовленіе прелестнѣйшаго изъ явлений природы—утренней зары» (121). «Ведическому воспитанію» грековъ авторъ придаетъ «высокое нравственное значение» (156). «Благочестіе и сыновья» почтительность напоминаютъ ведическую... семью, а нравственное чувство... указываетъ на неиспорченныхъ ведическихъ грековъ» (157). Въ послѣдней выпискѣ настѣнно смузть называніе «ведические греки», такъ какъ иногда авторъ отождествляетъ грековъ съ ведическими ариями (247).

Изъ общей родины «арійцевъ», по мнѣнію автора, выходить сначала одинъ «пелазгический» потокъ грековъ, которые и заселяютъ Балканскій полуостровъ, двинувшись съ сѣвера. Этотъ же «потокъ пелазговъ» заселилъ и Аппенинскій полуостровъ (137). «Въ концѣ этого великаго переселенія пелазговъ, продолжавшагося нѣсколько столѣтій, вышла съ Памира толпа ихъ же соотечественниковъ, составлявшихъ общество гораздо болѣе цивилизованное, чѣмъ впередъ ушедшая массы, имѣвшее особый кульпъ и гимны, называемые ведическими, и которое разсталось на сѣверномъ склонѣ Гинду-Куша съ толпами ведическихъ же своихъ соотечественниковъ, перевалившихся (sic) въ долину священнаго Инда» (145). Авторъ считаетъ необходимымъ предполагать эти два потока ариевъ потому, что «раса, племя, общество, имѣющіе свои обычай и строй жизни, никогда не мѣняетъ ихъ, сидя на одномъ мѣстѣ: племя или общество можетъ однѣтъ, если оно не обновляется притокомъ жизненныхъ силъ, или не будетъ сдвинуто съ мѣста... Поэтому, мы, неколеблюсь, отрицаемъ возможность развитія культуры Греціи въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, если не допустить нашествія позднихъ арійскихъ племенъ, которая несла съ собою ведические образы и представленія» (164). Представляя себѣ ариевъ исконными носителями всякихъ высокихъ, нравственныхъ качествъ, авторъ все низшее, темное относитъ на счетъ вліянія туранскихъ племенъ и предполагаетъ, что пелазги (тоже по происхожденію арии) занимствовали и кульпъ духовъ, и мантику, и врачество, и зачатки металлургіи отъ туранскихъ племенъ, въ средѣ которыхъ они провели, по мнѣнію автора, нѣсколько столѣтій. Второй потокъ «ведическихъ грековъ», однако, не воспринялъ этой туранской культуры и, вайдя на территоріи Греціи своихъ соотчичей, зараженныхъ темными и безнравственными культурами, вступилъ съ ними въ борьбу, покорилъ ихъ, но частью и воспринялъ ихъ туранскую культуру. Вотъ эта то борьба и отразилась въ тѣмъ сказаніяхъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ съ враждою Зевса (ведическаго божества) съ представителями пелазго-туранской культуры. Олицетвореніемъ послѣдней является, по мнѣнію автора, Прометей, несмотря на то, что его имя авторъ возводитъ къ періоду жизни ариевъ на высотахъ Памира. Послѣдний «резервъ» ведическихъ грековъ представляютъ дорійцы, которые уже на зарѣ историческихъ временъ прошли черезъ среднюю Грецію въ Пелопоннесъ. Они—самые чистые хранители ведическихъ преданій, твердо стоявшіе за старые завѣты ведической старины. Съ этой точки зреяня автору кажется, что и «постоянная послѣдующая борьба Аѳинъ и Спарты за преобладаніе была только продолженіемъ борьбы ахео-пелазгического міра съ суровыми дорійцами» (320).

Мы не станемъ разбирать всѣхъ подробностей этой теоріи, такъ какъ не нашли въ книгѣ г. Властова ни одного доказательства его положеній, если не считать выше-приведенное теоретическое соображеніе автора относительно развитія культуры вообще, соображеніе, которое заставляетъ автора признать существованіе нѣсколькихъ потоковъ ариевъ, излившихся на Балканскій полуостровъ. Но и это общее положеніе кажется намъ недоказаннымъ и даже прямо невѣрно. Мы ограничимся только нѣсколькими краткими замѣчаніями. Въ настоящее время врядъ-ли кто изъ лингвистовъ признаетъ

Шампур прародиной индоевропейцевъ; никто не признается, чтобы они говорили на санскритскомъ языке вѣдъ; никто не сомнѣвается, что ихъ языкъ никогда не могъ быть даже нарицемъ санскрита; никто также не думаетъ, чтобы ведические гимны сложились въ прародинѣ индоевропейцевъ. Если авторъ, такимъ образомъ, лишается этихъ точекъ опоры, то ясно, что и все остальное въ его теоріи является болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Мы могли бы признать за его теоріей иѣкоторую долю вѣроятія, если бы она выводилась изъ научного разбора миѳовъ; но авторъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: онъ вѣдь миѳы толкуетъ съ точки зреінія этой сомнительной теоріи. Такъ, касаясь очень позднаго сказанія о томъ, какъ Аенна убила отца своего Палласа, который хотѣлъ ее изнасиловать, авторъ даетъ ему сдѣдующее толкованіе: «тихийская культура съ магіей и другими знаніями хотя дала жизнь многимъ искусствамъ, воплощеннымъ въ Палладѣ Аениѣ, но хотѣла изнасиловать эту представительницу греческаго духа и трезвыхъ знаній, но греческій духъ убиль отца своего и остался единственнымъ представителемъ знанія и искусства въ греческой жизни» (127). Если въ какомъ либо сказаніи упоминаются змѣи или чудовища, то авторъ считаетъ ихъ всегда за представителей враждебныхъ ведическихъ грекамъ туранскихъ или педагогическихъ племенъ. Такъ, напр., Сфинксъ «долженъ бытъ представлять собою что-то вродѣ общества душителей... Эдипъ... повидимому, разгадываетъ тайну организаціи общества и уничтожаетъ его разумными мѣрами» (111). «Гигантомахія означаетъ упорную кровопролитную борьбу туземцевъ противъ грековъ» (257). Истребленіе богомъ, мечущимъ молнии, народа флегіевъ, грабившихъ Дельфы, «означаетъ безпощадную истребительную войну, которую предприняли греки противъ иѣкоторыхъ туземныхъ племенъ, занимавшихся исключительно грабежемъ» (281). Подъ именемъ змѣи, убившей Эпита на охотѣ, разумѣются шайки фанатиковъ дикихъ, которые возмущались противъ греческихъ нововведеній. Авторъ «очень склоненъ думать, что таково значеніе и змѣи, убившей Олега» (285). «Змѣиные хвосты (гигантовъ, символизирующихъ туземныхъ расы), замѣняющіе ноги, повидимому, указываютъ на то, что они не могли двигаться съ мѣста и были сильны лишь на томъ мѣстѣ, где земля ихъ произвела» (385). Замѣчательнѣе въ его, однако, то, что авторъ находитъ въ Эсхилѣ «ясно сознаваемую идею воплощенія въ Прометея всей туранской культуры», (193).

Подобныхъ вышеприведенныхъ толкованій миѳовъ мы могли бы привести очень много. Для насъ вѣдь такія толкованія совершенно неубѣдительны, такъ какъ для этого нужно вѣрить въ непогрѣшимость того словаря символовъ, на основаніи котораго авторъ, вѣдь затрудняясь, всюду принимаетъ напр., что змѣя или змѣйный хвостъ значить туземецъ и т. под. Вотъ еще примѣръ изъ этого словаря: «Отсѣченіе головы рѣки, или протока, и изліяніе струи крови означаетъ доведеніе канала, или рѣки, до моря... другие рукава были «прижжены Іодаемъ», т. е. забиты и засыпаны» (109). По поводу всѣхъ этихъ толкованій намъ невольно приходитъ въ голову золотыя слова автора, которыя онъ самъ, къ сожалѣнію, часто забываетъ. «Надо помнить, — говорить онъ на стр. 51, что миѳология есть драгоцѣнныій камень со многими гранями, и что — смотря по тому, какъ мы подносимъ его къ свѣту, — онъ играетъ разными цвѣтами. Это — правда, но, по нашему мнѣнію, для серьезнаго миѳолога именно въ виду этого долженъ на первомъ планѣ стоять вопросъ о томъ, какъ нужно рассматривать этотъ драгоцѣнныій камень миѳологии, какъ нужно ставить каждый отдельный вопросъ. Нельзя приступать къ изученію миѳологии съ предвзятою мыслью, такъ какъ, вѣдь въ такомъ случаѣ, мы можемъ иногда высказать и справедливыхъ мысли; но онѣ будутъ имѣть характеръ чисто случайный. Въ настоящее время миѳологическая теорія, видѣвшая въ миѳахъ, напр., поэтическія возврѣнія народа на природу, уже отошли въ вѣчность, такъ какъ всякому очевидно, что въ основѣ этихъ теорій лежать поэтическія возврѣнія ихъ творцовъ на предметъ своего изслѣдованія. Та же судьба ожидаетъ, по нашему мнѣнію, и теорію г. Властаона.

Изучающій миѳологію индоевропейскихъ народовъ долженъ, какъ уже было упомянуто, считаться съ выводами сравнительного языкоznанія. Между тѣмъ, и тутъ авторъ стоитъ далеко не на высотѣ современной науки, чтѣ сказывается уже и въ его взглядахъ на первоначальный языкъ аріевъ. Вотъ еще иѣсколько примѣровъ. Имя богини Діоны, «конечно, производное отъ Дії, или Діу, стало быть, пришло несомнѣнно съ вы-

соть Памира» (50). Однако это слово несомнѣнно представляетъ греческое новообразованіе къ слову *Ζεύς* и не можетъ восходить къ такой древности. Имя *Нрт* производится отъ *Έρα* (такого слова не существуетъ: есть нарѣчіе *Έρχε* «на землю»), которое сопоставляется съ латинск. *terra* (150). Сопоставленіе основано на простомъ со- звучіи, чего, конечно, слишкомъ мало. «Полуконь, или Полканъ нашихъ сказокъ есть тотъ же центавръ» (216). Между тѣмъ, Полканъ есть несомнѣнно русская передѣлка итальянскаго имени Пулкане и не имѣть ничего общаго съ греческимъ центавромъ. Имя Аполлонъ авторъ производитъ отъ глагола *ἀπόλλυμ* (246); между тѣмъ *ἀπόλλυμ* происходитъ изъ *ἀπόλυ-μι*, и у Гомера, который уже знаетъ Аполлона, этотъ гла- голь чаще всего употребляется безъ предлога *ἀπό*, такъ что эта этимологія имѣть очень мало за себя. Съ санскритомъ авторъ, повидимому, тоже не знакомъ. На стр. 446 онъ приводитъ «санскритскій корень тритъ (sic) или три, означающій берегъ, отъ которого производное три то, озеро, или вообще вода». Мы не могли найти такихъ словъ ни въ одномъ изъ словарей и даже не могли разгадать, что можетъ скрываться подъ этой дикой транскрипціей санскритскихъ словъ русскими буквами даже со знакомъ ' на концѣ. Кроинъ, очевидно по созвучію съ греческимъ *χρόνος*, объясняется какъ олицетвореніе времени (44;132). Но К и Χ не могутъ такъ свободно чередоваться, и потому вѣроятнѣе Бругмановское сопоставленіе *Кр-бю-с* съ скр. *Кр-апа॒с* «дѣйствующій» отъ *ка*—«дѣлать».

Странное впечатлѣніе производить на читателя также правописаніе собственныхъ именъ. Авторъ всегда пишетъ Есхилль, Каллисо, Инахусъ, Цефиссусъ, Фересидъ и даже Фотіусъ вм. Фотій (патріархъ). Богъ Діонисъ превращается въ Діонісія, грифы въ грифоновъ, не говоря уже о санскритскихъ именахъ Ухасъ вм. Ушасъ, Каңдагоса Упанишадъ, вм. Чхандогья, Прагапати, вм. Праджапати и т. под.

Насъ могутъ, пожалуй, упрекнуть въ томъ, что, отрицательного относиться къ теоріи и выводамъ автора, мы не постарались обстоятельно обосновать свои взгляды и замѣнить выводы автора другими, болѣе близкими къ истинѣ. Но, во-первыхъ, это не входитъ въ нашу задачу а, во-вторыхъ, трудно опровергать то, чего самъ авторъ не доказываетъ. Мы въ своей рецензіи старались только показать, что какъ теорія автора, такъ и его выводы не вытекаютъ изъ изслѣдованія миѳологического материала, а являются передъ читателемъ, какъ догматы, въ непогрѣшимость которыхъ авторъ вѣрить. Такая вѣра еще могла-быть быть оправдана, если-бы миѳология, какъ наука, выработала какія нибудь общія основныя положенія. Между тѣмъ, такихъ положеній нѣть, а потому миѳология пока долженъ ограничиться критикой миѳологического материала, онъ долженъ сомнѣваться, а не вѣрить, а повѣрить онъ только тогда, когда будетъ знать.

Д. Кудрявскій.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Оть Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи П. К. Симони обратился къ послѣднему съ просьбою напечатать въ разныхъ изданіяхъ Общества и отдельно для разсылки въ редакціи журналовъ, газетъ, Губернскихъ Вѣдомостей, въ Статистические Губернскіе Комитеты, для обращенія къ гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, Директорамъ Народныхъ Училищъ и Ректорамъ Духовныхъ Семинарій о распространеніи среди учителей и учительницъ, а равно и учащихся подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній,— и вообще для раздачи всѣмъ желающимъ,—помѣщенное ниже его обращеніе съ приглашеніемъ сообщать матеріалы для подготовляемаго имъ къ печати въ одномъ изъ изданій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества обширнаго труда, посвященнаго систематическому собранію (своду) русскихъ (велико-, бѣло-, мало-русскихъ) пословицъ, поговорокъ, присловій, скороговорокъ, прибаутокъ, присказокъ, побасенокъ, пустобаекъ, народныхъ анекдотовъ, загадокъ, остротъ, прозвищъ и проч. съ объясненіями, вариантами и параллелями — какъ книжныхъ, такъ въ особенности простонародныхъ.

Отдѣленіе Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, выслушавъ сообщеніе г. Симони, въ засѣданіи своемъ 15 мая 1898 года постановило просьбу его о напечатаніи и распространеніи составленной имъ программы принять къ свѣдѣнію и исполнить.

ПРОГРАММА

для сбиранія русскихъ пословицъ, поговорокъ, остротъ, прозвищъ, загадокъ и т. д.

1. Предлагается записывать изъ устъ встрѣчающіяся въ рѣчи особенно простолюдиновъ, употребительныя въ быту купеческомъ и мѣщанскомъ, въ средѣ сельскаго и городского духовенства и т. д.

- a) пословицы, поговорки, присловья (чаще шуточнаго или насмѣшливаго содержанія о городахъ и другихъ селищахъ, ихъ жителяхъ, сословіяхъ, иновѣрцахъ, ино-родцахъ, выдающихся мѣстныхъ лицахъ и проч.), мірскія притчи и вообще пословичныя изрѣченія, не исключая и ходячихъ, часто даже и принявшихъ складъ и мѣрность, текстовъ Священнаго Писанія и изъ духовныхъ книгъ вообще (напримѣръ, изъ Пролога, Паремейника, Житій и т. д.) и проч.
- b) чистоговорки (частоговорки), скороговорки, прісказки, прибаутки, прибаѣтки, пустобайки, приговорки, пустоговорки, прибасенки, побасёнки, побаски, байки, — также: прибаутки ремесленниковъ (окрики, крики) выкрикиванія напр. ямщицковъ, сбитецниковъ, гречневиковъ, пирожниковъ и проч., бурлаковъ и друг., также зазыванія торговцевъ, баньщиковъ и проч.
- в) острые и замысловатые отвѣты, остроты, шутки, насмѣшки и т. д.
- г) выраженія божбы, пожеланія, привѣты, проклятія, ругань, бранныя (или крѣпкія) слова и выраженія *).
- д) мѣткія (красныя) словца, небылицы («небылія слова»), иносказанія, сравненія, обиняки, прозвища, уличныя, артельныя, ватажныя и другія клички и прозванія, величанія и похвалы и проч.*).
- е) пожеланія застольныя, заздравныя, здравицы, причитанія (причеты) пьяницъ и т. п., — поминальныя, заупокойныя и т. д.
- ж) загадки съ отгадками, задачи, шарады, акrostихи и другія забавы и шутки подобнаго же рода.
- з) заговоры, заклятія, заклинанія, нашепты, нашептыванія и т. д.

*). Просить вообще не стѣсняться сообщеніемъ фразъ и словъ, хотя бы и несвиѣтныхъ съ общепринятыми у образованныхъ классовъ понятіями о пріязній и не-пріязній, такъ какъ у народа на это счѣтъ свои понятія.

- и) снотолкованія и примѣты.
- к) земледѣльческія и пастушы примѣты и гаданія. Названія народныя мѣсяцевъ съ относящимися сюда поговорками, примѣтами и проч. Праздники и народный мѣсяцесловъ (годовщина) вообще.

2. Записывать просять сообщаемыя произведенія народнаго творчества по возможности *съ точнымъ сохраненіемъ выговора каждого звука*, а не примѣняться къ грамматическому (школьному) правописанію, — *непременно надъ каждымъ словомъ отмѣтить ударение*.

3. Для каждого отдельнаго случая необходимо указать отъ кого слышано или записано; желательно бы даже имѣть нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія и о томъ лицѣ, отъ которого записаны слово или пословица и проч.: откуда онъ и родители его происходятъ родомъ, живаль ли въ столицахъ и проч.?

Въ другихъ случаяхъ важно также знать, гдѣ обращаются, откуда происходятъ, гдѣ записаны или услышаны были пословица или выраженіе и проч.

Крайне необходимо всегда знать о степени распространенности и излюбленности пословицы и проч. (употребляется ли напр. въ соседнихъ мѣстностяхъ или только въ вашей мѣстности? Употребляется ли и въ данной мѣстности повсюду, или въ одномъ только какомъ нибудь родѣ, семье или даже однимъ лицомъ?).

4. Желательно получить объясненія смысла и значенія, а также происхожденія или даже зарожденія каждой пословицы, — отъ лица ея произнесшаго и, если можно, то нужно записать такія свѣдѣнія его же подлинными словами.

5. При малопонятныхъ старинныхъ или мѣстныхъ (областныхъ) словахъ (иначе провинціализмахъ) слѣдуетъ прибавлять объясненіе ихъ значенія.

6. Сообщите, кто вообще въ Вашемъ краю или деревни, городѣ знаетъ и сохраняетъ въ своей памяти наиболѣе пословицъ, загадокъ и проч.? Въ какомъ быту (у крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, духовныхъ, солдатъ, рабочихъ и проч.) чаще употребляются пословицы и проч.? также, кто чаще пользуется ими въ рѣчи, мужчины или женщины? старики и старухи или молодые? а дѣти какъ?

Не сохранилось ли въ Вашей мѣстности памяти о скоморохахъ и ихъ ватагахъ, бахаряхъ, сказочникахъ (сказеяхъ) и вообще о потѣшникахъ и досужихъ людяхъ такого рода?

7. Какое особое название существуетъ у Васъ для всѣхъ выше перечисленныхъ произведеній простонароднаго творчества, — напр., скажутъ ли: «говорить пословицу», «загонуть загадку», «протолковать (растолковать) сонъ», или иначе какъ и какъ именно?

8. Иногда основаніемъ пословицы, поговорки и проч. служить какой нибудь анекдотъ, сказка, преданіе, басня, или же и истин-

ное происшествіе,—для объясненія запишите и ихъ въ возможной подробности. Такъ же, если пословицы или поговорки и т. д. выродились изъ забытой въ народѣ пѣсни (часто еще продолжающей жалкое существованіе среди дѣтей и проч.) или сказки, то пострайтесь разузнать о нихъ и приведите эту пѣсню или сказку цѣликомъ всю.

9. Если бы Вамъ случилось найти у кого либо рукописныя тетрадки съ пословицами, загадками, заговорами и проч., то не можете ли поточнѣе списать ихъ и переслать въ Общество вмѣстѣ съ краткимъ описаніемъ вѣнчности самой тетради, съ свѣдѣніями о томъ, «когда и какъ писано, на сколькихъ листахъ, нѣть ли въ ней рисунковъ, киноварныхъ (красныхъ) буквъ или даже цѣлыхъ строкъ и проч.; на свѣтѣ въ листахъ на бумагѣ не просвѣчиваетъ ли обозначенія года или какого либо знака (клейма);—кому принадлежитъ, отъ кого нынѣшнему владѣльцу досталось. Если есть внутри самой тетради или на ея обложкѣ (переплетѣ, доскѣ и т. п.) приписки: кому принадлежала тетрадь въ давнее время и потомъ, то все это выпишите, какъ отмѣчено тамъ. Еще лучше, если бы Вамъ удалось выслать хотя бы на время и самую тетрадь въ Общество, она можетъ быть куплена,—иначе же, въ полной сохранности и въ скоромъ времени будетъ Вамъ возвращена.

10. Когда, т. е. въ какбѣ времени года (напр., въ какіе праздники и проч.), при какихъ обстоятельствахъ (обстановкѣ и проч.) сказываются въ Вашей мѣстности чаще пословицы, загадываются загадки и проч.? Не существуетъ ли игорь, неразлучныхъ съ сказываніемъ пословицъ, съ загадками, шутками, насмѣшками, гаданіями проч.? Когда онѣ разыгрываются (указать мѣсяцъ, число, время года, дня и проч.)?

11. При записяхъ иросятъ лишь писать разборчивѣе, въ объясненіяхъ — необходимое условіе только ясность и понятность изложенія, — литературной обработки вовсе не требуется.

Точно также просятъ не стѣсняться количествомъ и даже качествомъ (т. е. напр. доставить хотя бы и всѣмъ извѣстныя пословицы, или же извѣстныя въ печати, но разъ Вы можете ихъ объяснить, сказать, при какихъ условіяхъ и гдѣ онѣ произнесены, то это есть уже важное и новое, и потому цѣнное для науки, указаніе и оно поможетъ лучше объяснить уже и извѣстное въ печати и проч.)—посылаемаго материала. все будетъ принято съ достодолжною благодарностю и вниманіемъ и обеспечено для науки, а имена лицъ, сообщившихъ тѣ или другіе материалы, будутъ съ благодарностью упомянуты въ своемъ мѣстѣ.

12. Особенно желательно имѣть записи такихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч.. которыхъ или уже забыты, или стали переиначиваться и разрушаться подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Если пословица и поговорка и т. д. понимаются въ разныхъ смыслахъ, или въ Вашей мѣстности (деревнѣ, городѣ) такъ, а въ соседней—иначе, то необходимо привести объясненіе для каждого рода и случая ея употребленія особо.

Дѣйствительный Членъ-Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, членъ корреспондентъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Императорскаго Общества любителей древней письменности *Павелъ Симони*.

15 мая 1898 г.

Письма и пакеты съ материалами слѣдуетъ адресовать въ С.-Петербургъ, у Чернышева моста, въ Императорское Русское Географическое Общество — Отдѣленіе Этнографіи, или Павлу Константиновичу Симони, по адресу: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 7 линія, д. 2, кв. 16, въ Императорскую Академію Наукъ (по II-му Отдѣленію).

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Обращая вниманіе нашихъ читателей и членовъ сотрудниковъ И. Р. Г. Общества на прекрасную статью г. Иваницкаго, прону покорно о сообщеніи въ Редакцію «Живой Старины» подобныхъ-же детальныхъ описаній виѣшней обстановки деревенскаго населенія различныхъ мѣстностей русскихъ (велико-мало и бѣло-русскихъ) и инородческихъ съ обозначеніемъ мѣстныхъ названій всѣхъ предметовъ этой обстановки. Фотографіи, рисунки и модели крайне желательны.

ОТДЕЛЪ V.

СМѢСЬ.

Изъ Череповецкаго уѣзда, Новгор. губ.

Пословицы и поговорки.

1. «Дѣвушку по родамъ—коровушку по рогамъ,—искать себѣ дѣвушку въ жены отъ хорошихъ родителей.
2. «Въ дѣвкахъ курочки—въ бабахъ дурочки». Пока въ дѣвушкахъ, за ней ухаживаютъ и говорятъ, что она хороша. Когда же станетъ женой, то обращеніе меняется.
3. «Старый гонись, а молодой не плохись». Приготовляяся каждый рано или поздно умереть.
4. «Богу молись, а къ берегу гребись».
5. «Гдѣ рожь, тутъ и мѣра, гдѣ народъ тутъ и вѣра».
6. «Шкалички да косушечки доведутъ до плетюшечки».

Примѣты.

1. Если въ Вербное воскресеніе бываетъ нечастная погода, то и въ Фоминно неизменно будетъ такая-же. Эдакое состояніе выражается корочетомъ: «вербница-свернется».
2. Если весной лягушки весело квакаютъ, то «сѣвъ» будетъ хороший, безъ по-мѣхъ со стороны погоды.
3. Если оводы бѣжко нападаютъ на скотъ, то цветеніе ржи будетъ благополучное.
4. Нечаяннаго виновника пожара (напр., овина), гонять отъ пожарища прочь, въ поле. Если бы онъ побѣжалъ отъ пожара въ деревню, то и огонь будто бы за нимъ перебросить на деревню.

Обычаи.

1. Обычай «заповѣдывать» ягоды. Плохіе урожаи, хлѣба, вслѣдствіе песчаной почвы и преобладанія болотъ въ южной части уѣзда, заставляютъ крестьянъ обращать, большое вниманіе на «лѣсной харчъ», заготовляя его помногу въ прокъ, какъ подспорье къ прочимъ пищевымъ продуктамъ, а излишекъ пускай въ продажу. Грибы подвергаются соленію и сушенію, а бѣлые сушеные грибы идутъ исключительно въ продажу на крещенской ярмаркѣ въ г. Весьегонскѣ по цѣнѣ отъ 40 к. до 1 руб. за фунтъ, смотря по урожаю. Въ предупрежденіе выбора ягодъ еще неспѣлыми и для равномѣрнаго распределенія ихъ между всею деревнею, ягоды бруслику и клюкву «заповѣдуютъ». Для этого, въ началѣ лѣта собирается въ данной деревнѣ сходъ и постановляютъ приговоръ несобирать ягоды до извѣстнаго времени, аслушникамъ опредѣляется наказаніе. Въ день «расповѣданія» ягодъ, отправляются почти поголовно для

сбора, и въ урожайные годы брусники набираютъ, а затѣмъ намочиваютъ и напариваютъ цѣлыми кадки.—Клюквы-же нѣкоторыя семьи набираютъ по четверти и болѣе, часть ея продается прѣѣзжающимъ, нарочно для этого, скучицамъ. Даже такія не-вкусныя, какъ пашт. можевеловая и то заготовляются по нѣсколько мѣръ. Въ продолженіе зимы изъ нихъ варятъ праздничный напитокъ, подъ названіемъ «вересковаго сусла или чива», который пьется всѣми съ удовольствіемъ, за неимѣніемъ ничего лучшаго.

2. Страннѣй обычай. Мѣстное название тещи: хоровина.—Въ первое воскресеніе великаго поста, или такъ, называемое здѣсь «хоровинное воскресеніе» зятъ вѣдутъ за тещами и везутъ ихъ къ себѣ въ гости. Прѣѣзжая по деревнямъ ихъ встрѣчаютъ толпы подростковъ—мальчишечъ съ грудами вѣнковъ и начинаютъ съ криками хлестать вѣнками и бросать снѣгомъ. Конечно, нѣкоторыя проѣзжающіе и не-представляютъ вышеупомянутаго родства, но мальчишки въ каждой парѣ стараются видѣть тещу и бываютъ немилосердно. Таковъ ужъ обычай. Взрослые же вѣсна останавливаютъ ихъ и стоять, посмѣиваясь, около домовъ.—Вѣрно и въ деревнѣ тещи не пользуются особынѣемъ почтеніемъ. Этотъ обычай наблюдается въ сѣверной части уѣзда.

3. Обычай «вытиранія огня»¹). При общественныхъ бѣдствіяхъ въ деревнѣ наприм., во время повальныхъ болѣзней: горячки и др., или при падежѣ скота, для прекращенія болѣзни и предохраненія остальныхъ отъ заболѣванія «вытираютъ огонь».—Огонь этотъ считаются священнымъ, вѣроятно потому, что много нужно труда, чтобы получить его, и что къ самому акту «стrenія» приступаютъ въ молитвенномъ настроеніи. Добываютъ его по способу первобытныхъ людей сильнымъ треніемъ бревна о бревно. Въ назначенный для этого день печку топить, самовары грѣть, курить и вообще доставать огонь какимъ набудь инымъ образомъ, по всеобщему соглашенію, запрещается. Съ восходомъ солнца, собираются жители всего селенія на улицу и приготовленными бревнами начинаютъ тренія по-очереди, чтобы всякий могъ потрудиться; къ полудню удается достать огонь. Когда бревна задымятся, то прикладываютъ какіе нибудь сухіе предметы, раздувая, чтобы вспыхнуть огонь. Затѣмъ раскладываютъ небольшой костеръ и сначала всѣ здоровые переходятъ черезъ огонь, потомъ уже переносятъ и больныхъ. Этимъ-же огнемъ затапливаютъ всѣ печки въ селеніи. Тутъ же даютъ обѣщанія въ ближній праздникъ отслужить водосвятный молебень съ крестнымъ ходомъ вокругъ селенія и затѣмъ этотъ день праздновать ежегодно.—Отсюда берутъ начало старинныя т. н. «завѣтные праздники».—Такой случай былъ здѣсь въ одномъ селеніи (б. Островъ) въ маѣ мѣсяцѣ с. г. при эпидеміи горячкі.

4. Если трудно, больной или умирающій лежитъ на пуховой перинѣ или подушкахъ, то ихъ отбираютъ и кладутъ больного на соломеникъ говоря: на пуху тяжело умирать.—(Отъ того, что пухъ худой проводникъ тепла и, удерживая его, болѣе разслабляетъ больного, дѣйствуютъ тутъ окружающія безсознательно, стараясь облегчить больного; или сопоставленія легкаго предмета—пухъ съ тяжелою мыслю о смерти; или же боясь порчи перины отдѣленіями больного. А, можетъ, пытютъ въ виду всѣ три вышеизложенные причины.

5. Когда корова «стелится» то «для очищенія удоевъ» окуриваютъ ея Бого-ріской травой и даютъ хлѣба, намоченного въ святой водѣ.

6. При потерѣ жвачки у коровъ натираютъ во рту солью и привязываютъ родь узды изъ липового лычка.

Герасимовъ.

¹) См. Жив. Стар. голъ седьмой. Вып. II. Отд. II стр. 247—261.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТИНИКЪ

(седьмой годъ изданія).

Въ 1898 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе Богословскаго Вѣстника ежемѣсячно книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати и болѣе листовъ, по прежней программѣ.

Въ журналѣ будуть помѣщаться переводы святоотеческихъ творений, изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, обозрѣнія современныхъ событий изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западноевропейскихъ, критика и библиографія. Въ приложеніяхъ къ журналу будуть продолжаться печатаніемъ автобіографическія записки Высоко-преосвященнаго Саввы, Архіеп. Тверскаго (періодъ его общественной и служебной дѣятельности по окончаніи академического курса) и протоколы засѣданія Совѣта Академіи.

За минувшіе годы въ Богословскомъ Вѣстнике были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: В. Кудрявцева-Платонова. Регрессивная и прогрессивная теорія происхожденія мира. Е. Голубинскаго. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами Архим. Антонія. Два пути пастырства—латинскій и православный. А. Лебедева. Греко-восточная церковь подъ владычествомъ турокъ послѣ паденія Византійской имперіи. Гр. М. Тлстаго. Воспоминанія о жизни и ученіи въ Сергіевомъ посадѣ. В. Ключевскаго. Добрые люди въ древней Руси. И. Каптерева. Господство грековъ въ іерусалимскомъ патріархатѣ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ. Г. Воскресенскаго. Изъ ко церковной жизни православныхъ славянъ. В. Соколова. Іерархія англиканской епископальной церкви В. Кипарисова. О церковной дисциплине. И. Корсунскаго. Изъ церковной жизни православнаго Востока. Ген. А. Кирѣева. Третій международный конгрессъ старообрядцевъ. А. Бѣлаева. Когда наступить царствованіе антихриста? Н. Заозерскаго. Что такое раскольническіе браки? А. Шостына. Личность въ іезуитизмѣ. Арх. Григорія. Объ егоизмѣ и христіанской любви къ самому себѣ. А. Голубцева. Происхожденіе, назначеніе и устройство римскихъ катакомбъ. К. Попова. Чинъ сіященія коронованія. А. Введенскаго. Западная дѣйствительность и русскіе идеалы (письма изъ за границы). В. Аппельротъ. Древне-греческая религіозная скульптура. С. Глаголева. Конецъ земли. В. Мыщына. Нуженъ ли намъ греческій переводъ Библіи при существованіи Еврейскаго подлинника? И. Попова. Критика ученія Канта объ основахъ нравственности. А. Мартынова. Разборъ и опроверженіе догматическихъ заблужденій пашковцевъ. Прот. Г. Смирнова-Платонова. Новое произведеніе гр. Л. Н. Толстаго. И. Громогласова. О сущности и причинахъ русскаго раскола такъ называемаго старообрядства. П. Тихомирова. Къ вопросу о политическихъ національныхъ и религіозныхъ задачахъ Россіи. Е. Долганева. Современная Абиссинія. Н. Горденскаго. Нравственное значеніе страданій съ христіанской точки зрѣнія. С. Смирнова. Значеніе печерскаго монастыря въ гачальной исторіи русской церкви и общества. Архим. Сергія. На дальнемъ востокѣ. (Письма міссионеру). А. Папкова. Древне-русский приходъ. Н. Писаревскаго. Полтора года въ Берлинѣ. Булла папы Льва XIII объ англиканскихъ рукоположеніяхъ и отвѣтъ на нее архіепископовъ Авгліи и мн. др.—Переводились: слова Св. Асторія Амасійскаго. толкованія Св. Кирилла Александрійскаго на малыхъ пророковъ и толкованія Св. Апостола Павла и на Четвероевангеліе. Въ приложеніяхъ были, между прочимъ, напечатаны: Духовное завѣщаніе Св. Митрофана, Еп. Воронежскаго, изслѣдованіе іер. Григорія „Третье великое благовѣстническое вутешествіе Св. Ап. Павла“ и курсы Прот. проф. Добротворскаго „Основное Богословіе“ и Догматическое Богословіе“.

Подписанная цѣна на Богословскій Вѣстникъ за годъ: безъ пересылк. шесть рублей, съ пересылкою семь рублей, за границу восемь рублей.

Продолжается подписка на текущій 1898 годъ. Адресъ: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, редакція Богословскаго Вѣстника.

ОТЪ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА

для вспомоществованія

НУЖДАЮЩИМСЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ.

Давно знакомы русскимъ людямъ лишенія, которыхъ выпадаютъ на долю переселенцевъ. Скудость средствъ при оставленіи родины, долгій томительный путь, болѣзнь и смерть слабѣйшихъ членовъ семьи, трудность водворенія на новомъ мѣстѣ, многолѣтняя борьба съ условіями далекаго края — вотъ тѣ материальныя нужды, на которыхъ откликается благотворительность.

Но велика и духовная нужда переселяющихся въ просвѣщеніи и первой ступени къ нему — грамотности. Большая часть переселенцевъ идетъ изъ земскихъ губерній, гдѣ уже выросла и окрѣпла народная школа. Она вошла въ жизнь крестьянъ, населеніе сблизилось съ нею материальными пособіями на ея поддержаніе; оно срднилось съ мыслью, что если дѣды и отцы прошли жизнь въ потемкахъ, то дѣгтямъ доступна грамота и открыть путь къ просвѣщенію. Кто не встрѣчалъ въ печати многочисленныхъ указаний на то, какъ тяготѣть деревня къ свѣту знанія!

Сибирь не можетъ отвѣтить на эту острную потребность. Населеніе рѣдко; десятки верстъ между деревнями; школъ мало, да и тѣ, которыхъ есть, бѣдны и учащими силами и учебными пособіями. Водворившись за Ураломъ, переселенецъ долженъ проститься съ отрадной надеждой, что школа пріютила его дѣтей; онъ долженъ снова привыкнуть къ мысли, что дѣти останутся во тьмѣ, изъ которой пытались выйти еще отцы. А школа особенно нужна этому далекому краю; тамъ мало людей просвѣщенныхъ; въ сельскомъ хозяйствѣ еще неѣть навыковъ, которые даются многолѣтней осѣдлостью; природа еще не познана и еще не выработаны приемы, которые могли бы подчинить ее волѣ переселенца. И только школа способна облегчить эту задачу.

Стремясь удовлетворить эти нужды, Общество для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ постановило образовать особый школьній фондъ, изъ которого въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ могли бы быть устраиваемы училища и выдаваемы пособія существующимъ школамъ. Общество твердо вѣритъ, что русскіе люди примутъ къ сердцу эту нужду и будутъ направлять свою лепту въ школьній фондъ. Пожертвованія просятъ направлять въ С.-Петербургъ, Поварской пер., д. 15, Обществу для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ въ школьній фондъ.

НОВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВѢСТНИКЪ СЛАВЯНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ

первый номеръ которого появится въ теченіе 1898 года, подъ редакціей Д-ра Л. Нидерле.

Со временъ Шафарика изученіе славянскихъ древностей значительно подвинулось впередъ, но, несмотря на это, мы до сихъ поръ не имѣемъ издания, посвященнаго этому отдѣлу славяновѣдѣнія. Въ виду этого, мы задумали «ВѢСТНИКЪ СЛАВЯНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ», въ которомъ предполагаемъ давать обзоры всѣхъ работъ по славянской этнографіи, археологіи, языковѣдѣнію и исторіи, поскольку эти работы разъясняютъ первобытную исторію Славянъ.

Вначалѣ «ВѢСТНИКЪ» будетъ заключать обзоры только главнѣйшихъ работъ, а также библиографію. «ВѢСТНИКЪ» будетъ издаваться подъ чешскимъ заглавіемъ «Vѣstnik Slovanskѣch Starozitostí», причемъ оглавление его будетъ печататься по-французски. Въ Вѣстникѣ будутъ помещаемы статьи на главнѣйшихъ европейскихъ, а также на всѣхъ славянскихъ языкахъ, такъ какъ предполагается, что всякому занимающемуся древностями Славянъ знакомы всѣ славянскіе языки.

«ВѢСТНИКЪ» будетъ появляться двумя книжками въ годъ, которая составлять томъ отъ 64 до 90 листовъ въ форматѣ 12".

Такъ какъ изданіе предпринимается на мой счетъ, то я прошу всѣхъ интересующихся славянскими древностями помочь мнѣ своими научными трудами. Въ особенности прошу не отказать мнѣ въ высылкѣ оттисковъ своихъ работъ, отдѣльныхъ брошюръ, а также обзоровъ дѣятельности музеевъ и учебныхъ обществъ.

Д-р. Л. Нидерле.

Прага. Фигнерово намѣстѣ 1806/II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 2 гульдена для Австріи, 3 м. 50 пф. для Германіи 5 гульд. или 2 рубля для всѣхъ странъ, принадлежащихъ къ почтовому союзу.

ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

„ЗАПИСКИ“

Кіевскаго Отдѣленія Император. Русскаго Техническ. Общества
ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Программа «ЗАПИСОКЪ»: протоколы общихъ собраний засѣданій Отдѣленія, Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣленіемъ комиссій, правительственные распоряженія, оригиналныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности, обзоръ литературы по тому же предмету. Кроме того, въ «ЗАПИСКАХЪ» будутъ печататься статистическія свѣдѣнія о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ обязательно доставляемымъ въ Департаментъ Неокладныхъ Сборовъ.

«ЗАПИСКИ» выходятъ два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.

Подписанная цѣна «ЗАПИСОКЪ» для подписанчиковъ внутри и виѣ Россіи 10 рублей въ годъ, а для гг. членовъ Отдѣленія—5 руб.

Подписка принимается въ Бюро Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (Кіевъ, Крещатикъ, домъ Оглоблина, № 60).

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА НА 1898 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ науки: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациіи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ; біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету; обозрѣнія преподаванія, распределенія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложения: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученые Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлечений изъ протоколовъ и особыхъ приложенийъ.

Подписанная цена въ годъ со всѣми приложеніями 8 руб., съ пересылкою 7 р. Отдельные книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правлениіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Симъ извѣщаю Гг. получившихъ Проспектъ 11-го тома «Великокняжеской и Царской охоты на Руси», что выходъ его въ сего замедлится до осени 1898 года, по причинѣ распоряженія помѣстить въ этомъ 11-мъ томѣ особый видъ города Москвы XVII-го вѣка—заказанный двумъ художникамъ на конкурсъ.

Первый томъ «Великокняжеской и Царской охоты на Руси» съ 197 рисунками и 8 хромолитографіями въ нѣсколько красокъ—продается въ г. Гатчинѣ у издателя Полковника Н. И. Кутепова и въ магазинахъ г. Петербурга: Нового Времени, Невскій, 38 и у Фельтена, Невскій, 20.

Николай Кутеповъ.

26 Февраля 1898 года.

„МАЛО СЛОВЪ, НО МНОГО МЫСЛИ“—девизъ изданія.

Роскошное изданіе
съ дост. и перес.

10 руб. за годъ

Открыта подписка

на 1898 г.
на

Дешевое изданіе
безъ доставки

за годъ 5 руб.

„Журналъ Журналовъ“ и ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѦНІЕ.“

Новое иллюстрированное ежемѣсячное изданіе безъ предварительной цензуры, составленное отчасти по образцу иностранныхъ Review of Reviews (англійского и американского), Revue des Revues и друг.

Кромѣ оригинальныхъ статей, написанныхъ спеціально для журнала выдающимися учеными и мыслителями, какъ русскими, такъ и иностранными, журналъ помѣщаетъ извлеченія или экстракты изъ статей извѣстнѣйшихъ авторовъ и замѣчательнѣйшихъ статей, появляющихся въ русской или иностранной печати.

Въ программу журнала входятъ: науки естественные, медицинскія, физико-математическія, исторія и общественные науки, философія, метафизика и психологія, искусства и критика, обозрѣніе журналовъ, смѣсь и проч.

Отдѣлъ наукъ естественныхъ и медицинскихъ будетъ выходить при ближайшемъ сотрудничествѣ и подъ наблюденіемъ Академика Князя И. Р. ТАРХАНОВА.

Отдѣлъ исторіи и общественныхъ наукъ—при сотрудничествѣ и подъ наблюденіемъ В. Ф. ГОЛОВАЧОВА.

Подписная цѣна:

на роскошное изданіе за годъ съ доставкою и пересылкою	10	руб.
дешевое	6	руб.
безъ доставки	5	руб.

(Разсрочка на дешевое изданіе съ пересылкою и доставкою допускается при ежемѣсячныхъ взносахъ по 2 рубля въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ).

Издатель-редакторъ И. П. Кондыревъ.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ

въ Городовъ 13, (уг. В. Морской).

Продолжается подписка на 1898 годъ.

НА ЖУРНАЛЪ

«ДѢЯТЕЛЬ»

Въ качествѣ сотрудниковъ изъявили желаніе привлечь участіе профессора: А. И. Александровъ, Е. Ф. Будде, А. Ф. Гусевъ, Л. О. Даркшевичъ, И. М. Догель, Г. Ф. Дор-мидотовъ, Н. П. Загоскинъ, В. Ф. Залѣсскій, Н. А. Засыцкій, М. Я. Капустинъ, Н. Ф. Катаевъ, Ф. Г. Мищенко, А. В. Поповъ, П. А. Никольскій, О. А. Рустинскій, И. Н. Смирновъ, Н. В. Сорокинъ, Е. П. Япишевскій, А. И. Шадѣльскій и. кромѣ того, А. В. Нечаевъ, Б. Н. Агафоновъ, С. С. Вырдинъ, С. М. Капустинъ, Л. Ф. Мищенко, Я. Посадскій, Р. В. Ризположенскій, С. М. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, С. Н. Сорокина, М. С. Сегель, П. В. Траубенбергъ, свящ. В. А. Охотинъ, В. А. Ислентьевъ, М. В. Казавскій, М. Д. Закревская, М. А. Готвальдъ и В. А. Никитская.

Программа журнала елѣдующая:

1) Правительственныя распо-
ряженія.	6) Изъ жизни и печати.
2) Статьи литературнаго, эко-
номическаго, гигиеническаго, пе-
дагогическаго и медицинскаго со-
держанія.	7) Свѣдѣнія о дѣятельности
благотворительныхъ учрежденій.
3) Повѣсти, рассказы, стихо-
творенія и другія статьи быто-
вого, нравственнаго и историче-
скаго содержанія.	8) Борьба съ пьянствомъ въ
Россіи и другихъ странахъ.
4) Письма изъ провинціи.	9) Свѣдѣнія о дѣятельности
Общества Трезвости въ Россіи
и за границею.
5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни.	10) Протоколы Казанскаго Об-
щества Трезвости.
	11) Критика и библіографія.
	12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ **2** рубля.

Адресъ редакціи: Казань, типографія Императорскаго Казанскаго Университета, Черноозерская улица, собствен. домъ.

Чрезъ редакцію журнала «ДѢЯТЕЛЬ» можно приобрѣтать слѣдую-
щія книги:

ДѢЯТЕЛЬ журналь за 1896 годъ безъ первого №—2 руб.

Царь-Освободитель, преобразователь и просвѣтитель Россіи Императоръ Александръ II. А. И. Александрова	р. 40 к.
Отчего гибнуть люди. За сотню	1 р. — >
Всемѣро должно удаляться отъ пьянства. Тихона Задонскаго. За сотню	1 > — >
Вино-ядъ. Защитникъ умѣреннаго употребленія вина. Русскимъ материалъ. За сотню	1 > 50 >
Слова отца Иоанна Ильича Сергиева противъ пьянства. За сотню. 1 > — >	
Вино для человѣка и его потомства—ядъ. За сотню	2 > — >
Въ защиту вина	— > 20 >
Сиротыя напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заболѣванію человѣка. И. М. Догель. (Одобрен. ученымъ комит.)	— > 40 >

Редакторъ-издатель **А. Соловьевъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ
на духовно-академические журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТИНИКЪ“ И „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ“
съ приложениемъ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

С.-Петербургская Духовная Академія, въ твердой рѣшімости и впередъ служить по мѣрѣ силъ тому дѣлу, которому она служить до сихъ поръ посредствомъ своихъ журналовъ будеть издаватъ въ 1898 году «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Чтение» по слѣдующей программѣ.

Въ «ЦЕРКОВНОМЪ ВѢСТИНИКЪ» печатаются:

1) Передовыя статьи, имѣющія своимъ содержаніемъ обсужденіе богословскихъ и церковно истор. вопросовъ, какъ они выдвигаются запросами времени;

2) Статьи церковно-общественного характера, посвященіе обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явлений, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣльно редакція даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ подпісчиковъ и читателей, которые соблаговолятъ выскакаться по тѣмъ или другимъ назрѣвающимъ вопросамъ церковно-общественной жизни;

3) Мнѣнія и отзывы—отдѣльно, въ которомъ излагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніямъ факты и явления церковно-общественной жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати;

4) «Въ области церковно-приходской практики»—отдѣльно, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики;

5) Корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни;

6) Обзоры книгъ и духовныхъ (а равно и свѣтскихъ) журналовъ.

7) Постановленія и распоряженія правительства;

8) Альбомъ церковной и общественной жизни въ Россіи и за границей на пространствѣ всего земного шара;

9) Разныя извѣстія и замѣтки, разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ.

Въ «ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ» входятъ самостоятельная и переводная статьи богословскаго, исторического и назидательного содержания, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется и общедоступность изложенія, а также критическая замѣчанія о выдающихся новостяхъ отечественной и иностранной богословской литературы.

Примѣчаніе. Въ удовлетвореніе желаній многихъ подпісчиковъ, «Христіанское Чтение» съ настоящаго 1897 года выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 печатн. листовъ, что даетъ возможность правильнѣе слѣдить за всѣми выдающимися явленіями въ области богословской науки и церковно-общественной жизни. Такое расширение журнала, конечно, требуетъ удвоенныхъ усилий со стороны редакціи и крайняго напряженія ея материальныхъ средствъ. Не смотря на это, цѣна на журналъ, выписываемый отдѣльно, остается прежняя, т. е. 5 рублей въ годъ, и

только тѣ подпісчики, которые въписываютъ его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ», за дополнительная шесть книжекъ приплачиваются одинъ рубль. т. е. вмѣсто двухъ рублей платятъ три рубля. Редакція приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы интересомъ и разнообразіемъ статей съ избыtkомъ покрывался этотъ неизбѣжный, хотя и незначительный расходъ.

Кромѣ того, съ 1895 года редакція приступила къ изданію «ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» въ русскомъ переводе на весьма льготныхъ для своихъ подпісчиковъ условіяхъ. Именно, подпісчики на **ОБА ЖУРНАЛА** получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1.000 страницъ убогистаго, но четкаго шрифта); вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за **ОДИНЪ РУБЛЬ**, и подпісчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подпісчики «Церковного Вѣстника» и «Христіанского Чтения» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ приобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви—собраніе которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библиотеку богословской литературы изъ золотого вѣка.

Въ 1898 г. будеть изданъ **ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ** въ двухъ книгахъ. Въ него войдутъ бесѣды св. Иоанна Златоуста на книгу Бытия.

Новые подпісчики, желающіе получить и **ПЕРВЫЕ ТРИ ТОМА**, благоволятъ прилагать къ подпісной цѣнѣ по два рубля за томъ.

УДОВОЛІЕ ПОДПІСКИ—Годовая цѣна въ Россіи:

а) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб. съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 руб. 50 коп.; въ изящномъ переплѣтѣ 7 руб. за «Христіанское Чтение» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 руб. 50 коп. въ изящномъ переплѣтѣ 7 руб.

б) За оба журнала 8 (восемь) руб. съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» 9 (девять) руб., въ изящномъ переплѣтѣ 9 руб. 50 коп.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 10 (дѣсять) р. съ приложеніемъ «Твореній св. Иоанна Златоуста»—12 р. 50 к.; за каждый **отдѣльно** 7 (семь) руб., съ приложеніемъ «Твореній св. Иоанна Златоуста»—9 (девять) руб.

Иногородніе подпісчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковного Вѣстника» и «Христіанского Чтения» въ С.-Петербургъ».

Подпісывающіе въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр., 151, кв. 7), где можно получать также отдѣльные изданія редакціи и где принимаются объявленія для печатанія и разсыпки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ*.

СТРАН.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Отъ Отдѣлія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества	117—121
2. Отъ редактора	121

Отдѣлъ V.

С и т с ь.

1. Изъ Череповецкаго уѣзда, Новгор. губ. Пословицы и поговорки, примѣты и обычаи	122—123

О бъявлениія.
